А.Ю. Маслова

ВВЕДЕНИЕ В ПРАГМАЛИНГВИСТИКУ

Учебное пособие

4-е издание, стереотипное

*Рекомендовано УМО по классическому
университетскому образованию в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлению 031000
и специальности 031001 — Филология*

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2014

УДК 80(075.8)
ББК 81.2-5-923
М31

Р е ц е н з е н т ы:

докт. филол. наук, профессор *А.В. Лемов*;
канд. филол. наук, доцент *Е.И. Варюхина*

Маслова А.Ю.

М31 Введение в прагмалингвистику [Электронный ресурс] : учеб.
пособие / А.Ю. Маслова. — 4-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА,
2014. — 149 с.

ISBN 978-5-89349-946-9

Пособие содержит актуальные знания по прагмалингвистике — науке, сформировавшейся во второй половине XX в. в рамках антропоцентрической научной парадигмы. В книге даны представления о стратегиях, тактиках, правилах общения; комментируются причины возникновения коммуникативных неудач. На примере родственных славянских языков показаны возможности сопоставительного исследования в области прагмалингвистики.

Для студентов, аспирантов и преподавателей филологических факультетов высших учебных заведений.

УДК 80(075.8)
ББК 81.2-5-923

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	4
Введение	6
1. Прагмалингвистика в контексте антропоцентрической научной парадигмы	23
1.1. Прагмалингвистика как наука. Понятийный аппарат	29
2. Теория речевых актов как центр прагмалингвистики	48
2.1. Из истории становления теории речевых актов	48
2.2. Структура речевого акта	50
2.3. Специфика перформативного высказывания	54
2.4. Вопрос о классификации речевых актов	57
2.5. Понятие косвенного речевого акта	61
2.6. Критика теории речевых актов	67
3. Из опыта прагмалингвистического анализа.	
Речевая ситуация угрозы	77
3.1. Семантико-прагматические особенности речевого акта угрозы	78
3.2. Способы выражения интенции угрозы	82
3.3. Специфика языковых средств выражения угрозы	94
4. Принципы и постулаты общения. Коммуникативные тактики и стратегии	99
4.1. Виды общения. Условия успешного общения и их научная интерпретация	99
4.2. Планирование процесса общения и реализация плана	106
5. Коммуникативные неудачи. Проблема типологии коммуникативных неудач	112
5.1. Специфика исследования феномена коммуникативных неудач	113
5.2. Из опыта прагмалингвистического анализа. Специфика коммуникативных неудач в речевой ситуации угрозы	117
6. Сопоставительная прагматика	127
6.1. Из опыта прагмалингвистического анализа в сопоставительном аспекте (на материале русского, сербского и болгарского языков)	128
Библиография	136
Приложение. Зарубежные персоналии	144

ОТ АВТОРА

Необходимость в учебном пособии «Введение в прагмалингвистику» возникла при разработке одноименного курса, который может расцениваться как пропедевтический, составляющий базу для изучения коммуникативной лингвистики и функциональной грамматики.

Прагмалингвистика — одна из наук, ознаменовавшая своим становлением формирование новой антропоцентрической парадигмы в языкознании. «Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности» [Кубрякова 1995: 112].

Изучение основ прагмалингвистики в русле антропоцентрических тенденций современного языкознания, в условиях активизации интегрирующих процессов в науке будет способствовать формированию нового научного мировоззрения у начинающего филолога, позволит критически переосмыслить прежние достижения языкознания и выйти на новый уровень понимания языковых явлений.

Цель пособия — ознакомить студентов-филологов с основными проблемами, которые разрабатываются в рамках относительно новой, быстро развивающейся научной дисциплины; определить базовую роль прагмалингвистики в развитии коммуникативно-прагматического подхода к описанию языка и в становлении коммуникативной лингвистики.

Пособие знакомит с современным понятийным аппаратом науки, что позволит студенту свободно ориентироваться в новейшей научной литературе не только по лингвистике, но и по смежным гуманитарным дисциплинам. Предлагаемый необходимый минимум теоретических сведений касается вопросов как «внешней» лингвистики (по терминологии Н.И. Формановской) — *коммуникативная ситуация, говорящий, адресат* в их социальных и психологических отношениях, так и «внутренней» лингвистики — значений и функций речеактовых высказываний.

Значительное место в пособии уделяется теории речевых актов, поскольку она, являясь основной теоретической базой прагмалингвистики, оказала влияние на разработку проблем и коммуникативной грамматики, и анализа дискурса, и конверсаци-

онного анализа; отмечается проникновение идей этой теории в работы по искусственному интеллекту.

Теоретические положения проиллюстрированы анализом конкретной речевой ситуации угрозы. Ее специфика дает возможность показать необходимость прагматической информации для проведения комплексного лингвистического исследования; сосредоточить внимание на отношении человека к знакам, зафиксированным в языке, а также на выборе наиболее уместных единиц для построения высказывания, с помощью которых говорящий достигает поставленных целей.

Раздел по сопоставительной прагматике демонстрирует специфику межкультурной коммуникации, а его практическая часть помогает формированию навыков семантико-прагматического анализа речевой ситуации.

Изложение материала в каждом разделе предваряется кратким планом, знакомящим с основными темами раздела.

Разделы завершаются двумя блоками вопросов и заданий: первый предназначен для контроля и самоконтроля понимания основных положений темы; второй — для углубленной проработки материала. Вопросы второго блока в большей степени рассчитаны на самостоятельную работу студентов, аналитическое прочтение соответствующей научной литературы, практический анализ речевых ситуаций.

Цель данного пособия — отобразить основные проблемы, совокупность которых позволяет выделить прагмалингвистику как определенную область знания; суммировать достижения ряда ведущих специалистов, которые исследовали общие и частные вопросы этого научного направления; помочь в освоении материала начинающим филологам и представителям смежных дисциплин (см. [Макаров 2003]).

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистика весьма тесно связана с рядом других наук, которые то заимствуют у нее ее данные, то предоставляют ей свои. Границы, отделяющие ее от этих наук, не всегда выступают вполне отчетливо.

*Ф. де Соссюр**

-
- Формирование новой парадигмы современного языкознания
 - Понятие коммуникации. Значение исследования закономерностей человеческого общения
 - Специфика коммуникативно-прагматического подхода к изучению языка
 - Возникновение лингвистических дисциплин и направлений интегрированного типа как результат формирования антропоцентрической научной парадигмы
-

ПОНЯТИЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Парадигма — недостаточно четко определенный общенаучный термин приблизительно тождественный выражению «методология научного исследования» [Маслова 2004: 5]. Согласно данным «Большого энциклопедического словаря», *парадигма* — *исходная концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения, господствующих в течение определенного исторического периода в научном сообществе. Смена парадигмы представляет собой научную революцию* [Большой... 1998: 877].

Вопрос о парадигме как модели постановки проблем и совокупности приемов их решения встал перед исследователями пос-

* Звездочкой обозначены имена лингвистов, сведения о которых представлены в приложении.

ле выхода в свет в 1962 г. известной книги Т. Куна «Структура научных революций» (русский перевод был сделан в 1977 г.). Кун предлагает рассматривать парадигму как научное сообщество, которое руководствуется в своей исследовательской деятельности определенными совокупностью знаний и подходом к объекту исследования (в нашем случае — языку).

Всякий объект с точки зрения научного исследования представляет собой единство трех сторон: генезиса и развития исследуемого объекта до достижения им данного состояния; строения объекта на данном уровне его развития; функционирования объекта в качестве компонента более сложной системы, надсистемы. Исследование каждой из этих сторон объекта применительно к языкознанию дает основание для трех крупных научных парадигм. Традиционно выделяются *сравнительно-историческая, системно-структурная и функциональная (антропоцентрическая) парадигмы*. Более подробно вопрос о смене научных парадигм рассматривается в пособии В.А. Масловой «Лингвокультурология» [Маслова 2001].

Как отмечает И.П. Сусов, совершенно необязательно утверждать вслед за Т. Куном, что формирование очередной научно-исследовательской парадигмы ведет к смене ею предшествующей. Меняются лишь акценты, в центр внимания выдвигаются те стороны объекта, которые были раньше как бы неактуальными [Сусов 1986].

Сравнительно-историческая парадигма была первой научной парадигмой в лингвистике, потому что сравнительно-исторический метод был первым специальным методом исследования языка. Весь XIX век прошел под эгидой этой парадигмы.

Системно-структурная парадигма в центр исследования ставила слово, внимание было ориентировано на предмет, вещь, имя. Эта парадигма продолжает существовать в лингвистике, в ее русле по-прежнему создают учебники и академические грамматики, пишут различного рода справочные издания, развивают фундаментальные исследования.

На современном этапе развития языкознания одно из центральных мест занимает проблема функционирования языка. В рассмотрении этой проблемы в качестве основного используется антропоцентрический подход. Человек — центральная фигура языка и как лицо говорящее, и как главное действующее лицо мира, о котором он говорит. Поэтому именно антропоцентрическая точка

зрения на язык, как отмечает Г.А. Золотова, представляется «наиболее естественной и адекватной действительному положению вещей» [Золотова 2001: 6]. Она позволяет осмыслить системные связи языковых явлений в единстве формы и содержания, в синтезе, «в едином служении их потребностям общения» [Золотова 2001: 6].

Потребность в науке об общении, в обучении общению обусловлена и изменением концепции человека в обществе (с конца XIX в.). Развитие культуры, литературы и искусства, возникновение научной психологии привело к смене концепции человека. Каждый человек, независимо от социального положения, рассматривается как личность сложная, разносторонняя в психологическом плане, требующая дифференцированного подхода.

Двадцатое столетие ознаменовано персонификацией личности, т.е. ростом индивидуальной неповторимости личности, увеличения непохожести каждого отдельного человека на других (термин Б.Д. Парыгина) [см. Стернин 2001]. Увеличение непохожести людей друг на друга ведет к затруднениям в общении между ними.

В целом парадигмы современного языкознания сосредоточены на поиске того, как человек использует язык в качестве орудия общения и как в языковых единицах отразился сам человек во всем многообразии своих проявлений. По мнению Ю.Д. Апресяна, «язык в высокой степени антропоцентричен. Громадная часть его словаря посвящена человеку — его внутреннему миру, восприятию внешнего мира, физической и интеллектуальной деятельности, его целям, отношениям с другими людьми, общению с ними, оценкам событий, положений и обстоятельств» [Апресян 1995: 18].

Таким образом, в процессе формирования новой научной парадигмы был провозглашен тезис: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей» (Л. Витгенштейн). Язык был постепенно переориентирован на факт, событие, при этом в центре внимания стала языковая личность. Акцент исследования смещается со структуры на особенности языкового функционирования. Изменяется точка зрения на языковой объект, выбор методологии и методики его исследования. В связи с этим особую значимость приобретает функциональная парадигма современного языкознания, по сути своей являющаяся антропоцентрической, поскольку в ее центре помещается человек как творец языковой и речевой деятельности.

Антропоцентрическая парадигма — это переключение интересов исследователя с объектов познания на субъекта, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке [Маслова 2001: 8]. Таким образом, в рамках антропоцентрической парадигмы исследователями предпринимаются попытки более глобального, по существу, междисциплинарного подхода к интерпретации сущности языка как специфического человеческого феномена, посредством которого можно понять природу личности, ее место в социуме и этносе, ее интеллектуальный и творческий потенциал, т.е. глубже осмыслить для себя, что же такое Человек [Сусов 1989: 103].

В.В. Богданов к числу человеческих факторов относит:

- 1) языковую компетенцию, т.е. знание некоторого языкового кода, с помощью которого коммуниканты обмениваются информацией;
- 2) национальную принадлежность;
- 3) социально-культурный статус (социальная принадлежность, профессия, занимаемая должность, культурные нормы и обычаи, уровень образования, место жительства, семейное положение);
- 4) биолого-физиологические данные (пол, возраст, состояние здоровья, наличие или отсутствие физических недостатков);
- 5) психологический тип (темперамент, интроверт или экстраверт, ориентация, элементы патологии);
- 6) текущее психологическое состояние (настроение, текущие знания, цели и интересы);
- 7) степень знакомства коммуникантов;
- 8) устойчивые вкусы, пристрастия и привычки;
- 9) внешний вид (одежда, манеры и т.д.).

В различных социумах эти признаки имеют неодинаковую значимость и поэтому в разной степени отражаются на речевом общении, однако в целом они относятся к числу коммуникативно значимых признаков [Богданов 1990: 29].

Следует обратить внимание, что антропоцентрическая парадигма не отменяет правомерности существования и развития исторического и системно-структурного подходов. Переход от одной доминирующей парадигмы к другой не подразумевает ее буквальной замены или полного отрицания, а, скорее, выражается в изменении научных метафор, точек зрения на язык, в новых приоритетах, методах и перспективах, содержащих в «снятой» форме идеи и достижения предшественников [Макаров 2003: 10].

Если языковая деятельность направлена на созидание языка, изменяющегося во времени, на всех его уровнях, то речевая деятельность направлена на использование языка для общения. Стимулом для радикальной смены научной парадигмы явились прежде всего экстралингвистические факторы: в обществе сформировался социальный заказ на знание закономерностей человеческого (вербального) общения. Жизнь человека, отражаясь в языке, находит в нем соответствующие формы выражения, становясь содержанием коммуникации.

Коммуникацией традиционно принято называть обмен значениями (информацией) между индивидами посредством общей системы символов (знаков), языковых знаков, в частности. Сфера знаний о коммуникации и научных интересов в этой области начала формироваться еще в древние времена, поэтому определений у данного явления приблизительно столько же, сколько и авторов работ о ней. Подробный обзор развития теорий коммуникации представлен в учебном пособии В.Б. Кашкина «Введение в теорию коммуникации» [Кашкин 2000].

Социально-коммуникативные процессы служат условием и предпосылкой существования всякого человеческого общества. Изучению процесса социальной коммуникации, созданию теории коммуникации посвящено внимание ученых разных стран мира. Актуальность исследований в этой области продиктована самой жизнью. В то время как в советской России теория социальной коммуникации являлась одной из «репрессированных» научных дисциплин, в американских и западноевропейских странах читались курсы по коммуникации, существовали специализации и присваивались ученые степени «коммуникационных наук». В мировом потоке учебной, научной, справочной литературы последних десятилетий все более четко фиксируется мысль о «коммуникационной революции», о центральном положении коммуникации в человеческой истории, что объясняет научный интерес разных дисциплин (антропологии, искусства, истории, психологии, социологии, лингвистики, философии и др.) к исследованию процесса коммуникации и интегрированный подход к решению проблем в этой области.

В книге российского ученого А.В. Соколова, излагающего основы теории социальной коммуникации, представлено следующее определение данного феномена: «социальная коммуникация есть движение знаний, эмоциональных переживаний, волевых

воздействий в социальном времени и пространстве» [Соколов 1996: 4]. Не вызывает сомнений, что социальная коммуникация — явление многоаспектное. Представляя единство многоаспектного изучения, А.В. Соколов в целях наглядности рисует предметный куб, каждая грань которого соответствует науке, уделяющей внимание исследованию социальной коммуникации: философия, социология, психология, культурология, лингвистика и прикладные технические науки.

В рамках лингвистики по отношению к социально-коммуникационной проблематике внимание исследователей концентрируется на изучении вопросов вербальной коммуникации, на речевой способности носителя языка в определенном обществе пользоваться языком, что является предпосылкой всякой коммуникационной деятельности.

Достаточно долгое время в лингвистике пользовались слегка расширенной моделью коммуникации, переключавшейся из математики и кибернетики и предложенной американским математиком К. Шенноном* в конце 40-х годов. Она сыграла значительную роль в развитии многих наук, связанных с обменом информацией. Модель (линейная) включает пять элементов: *источник информации, передатчик, канал передачи, приемник и конечную цель*, расположенные в линейной последовательности.

В лингвистике идеи К. Шеннона проявились в интерпретации Р. Jakobsona. В модели коммуникации или речевого события, по Jakobsonу, участвуют *адресант* и *адресат*, от первого ко второму направляется *сообщение*, которое написано с помощью *кода*. *Контекст* в модели Р. Jakobsona связан с содержанием сообщения, с информацией, им передаваемой, понятие *контакта* связано с регулятивным аспектом коммуникации [Jakobson 1985]. Модель Jakobsona в различных ее вариантах применяется в лингвистике как для анализа функций языка в целом, так и для анализа функционирования отдельных его единиц, производства речи и текста. Эта модель показывает предназначение, функции языка. Современная социолингвистика, теория коммуникации и социология коммуникации также заимствовали модель Р. Jakobsona для описания коммуникативных процессов.

Примером нелинейной модели коммуникации являются идеи философии *диалогизма*, в последнее время распространяемые в науке. Их связывают с русским ученым, литературоведом и лингвистом М.М. Бахтиным. Две основные идеи М.М. Бахтина весьма

существенны и для понимания процесса коммуникации: во-первых, необходимым признаком любого высказывания является его обращенность, *адресованность*, т.е., без слушающего нет и говорящего, без адресата нет и адресанта; во-вторых, всякое высказывание приобретает смысл только в контексте, в конкретное время и в конкретном месте (идея *хронотопа* — от греческих слов, обозначающих *время* и *место*).

Наряду со словесными средствами в межличностной коммуникации немаловажную роль играют и невербальные — жесты, мимика, позы, интонации, молчание как особый значимый коммуникативный акт в определенном контексте и др. Изучение средств невербального общения представляет интерес в большей степени для психолингвистов и социолингвистов.

Таким образом, в компетенцию лингвистов входит исследование феномена речевого общения. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что понятие коммуникации шире понятия общения, поскольку включает также и пути сообщения, и формы связи. Так, под понятием *коммуникация* лингвисты в первую очередь имеют в виду общение, а определения-паронимы в терминологическом отношении позволяют разграничить предмет исследования: коммуникативный — относящийся собственно к общению (лингвистический аспект) и коммуникационный — относящийся к процессу социальной коммуникации как к многоаспектному явлению.

Согласно современным представлениям, под речевым общением можно понимать такую активность взаимодействующих людей, в ходе которой они, воздействуя друг на друга при помощи знаков, организуют свою совместную деятельность. В структуре знакового взаимодействия коммуникантов развертывается их речь, подчиненная целям общения. Речевая активность коммуникантов ориентирована на достижение целей общения, но мотивирована, как и все общение целиком, мотивами деятельности [Общение. Текст. Высказывание: 1989].

Какой вклад могут внести исследования коммуникации в ежедневное общение?

Каждого человека интересует результат его сообщения, мы продумываем разные подходы, которые в той или иной степени соответствуют ситуации общения. В процессе речевого общения принимаются, например, решения, передать или не передать сообщение, определить семантический «ракурс», выбрать лексичес-

кое наполнение, синтаксическую структуру, последовательность коммуникативных шагов. Большинство решений принимается автоматически, однако ряд ситуаций требует осознанного поиска.

По определению О.С. Иссерс, «коммуникация — это стратегический процесс, базисом для него является выбор оптимальных речевых ресурсов. Передача сообщений в процессе коммуникации может быть рассмотрена как серия решений говорящего» [Иссерс 2003: 10]. Перед учеными стоят задачи выявить стратегически релевантные ситуации, определить потенциальный набор тактик с учетом варьирования коммуникативных параметров, проверить приемлемость выбора той или иной тактики с позиции говорящего и слушающего, обучить стратегическому планированию и тактическим маневрам. Поэтому одной из первоочередных задач является изучение феномена речевого общения с точки зрения его эффективности, т.е. в аспекте общей стратегии (с точки зрения цели) и конкретной тактики (с точки зрения способа ее достижения).

Теоретическая база для описания стратегий и тактик речевого поведения, понимание общения как деятельности невозможно вне прагматического подхода к анализу коммуникации, который основывается на изучении функционирования языка в коммуникативном контексте.

Коммуникативно-прагматическое изучение языка развивается на базе системно-структурного представления о его устройстве, но «продвигает далеко вперед наши знания о его возможностях в передаче коммуникативно значимых смыслов при общении партнеров» [Формановская 2002: 6]. Коммуникативно-прагматический подход предполагает взаимодействие функционального, коммуникативного и прагматического подходов к описанию языка.

Функциональный подход к исследованию языка сводится к двум разновидностям [Сусов 1986].

1. *Внутрифункциональный* (или структурно-функциональный) *подход*, для которого исследуемыми величинами оказываются языковые единицы или категории какого-либо уровня. Исследуется употребление языковых единиц, те их свойства, которые заложены в них и находят проявление в речи с точки зрения особенностей употребления их в тексте.

Функциональный подход — это «определение на фоне системных свойств и особенностей структурной организации линг-

вистических объектов их семантического потенциала, изучение функциональной значимости тех или иных языковых единиц, то есть выявление той роли, которую они играют в высказывании, тех задач, которые они выполняют, той цели, которой они достигают» [Широкова 1998: 20].

2. *Внешнефункциональный, или собственно функциональный, подход*, соотносящий языковые единицы или их группировки разных видов с объектами, составляющими внеязыковую среду. Именно внешнефункциональный подход означал вычленение самостоятельной исследовательской парадигмы.

В качестве основных предпосылок возникновения функциональных описаний грамматических явлений можно назвать:

- 1) определенные закономерности в общем развитии грамматической теории, в соответствии с которыми грамматический поиск ведется в направлении от наиболее очевидных формальных различий между сравниваемыми грамматическими явлениями к менее очевидным содержательным различиям;
- 2) общие принципы переосмысления, в соответствии с которыми новое поколение лингвистов пересматривает ранее выработанные категоризации и стремится внести свой вклад в разработку новых, менее противоречивых и более обоснованных категоризаций [Хоружева 2000];
- 3) лингвометодические требования, в соответствии с которыми учащемуся даются прежде всего те грамматические знания, которые находят практическое применение в процессе общения.

Функциональное языкознание выступает сегодня в огромном множестве разнообразных концепций, о чем немало писали В.Г. Гак, А.В. Бондарко, Н.А. Слюсарева и др. Одной из общепризнанных моделей функционального описания, пользующейся широкой популярностью в языкознании, является теория функционально-семантического поля А.В. Бондарко.

Интерес к функциональной грамматике среди грамматистов различных стран мира настолько велик, что стремительное увеличение количества исследований в области функциональной грамматики стало основанием для возможного пересмотра ее статуса. В одном из зарубежных журналов подчеркивается, что функциональная грамматика должна быть признана ведущим направлением в мировой лингвистике.

Изучение функциональных особенностей языковых явлений ведется в разных направлениях. Если внешней средой, в которой

функционирует языковая система, выступает мир сознания, его структуры, тогда имеет место **когнитивно-функциональный подход**; если в качестве внешней среды берется сфера коммуникации, общения посредством языка, тогда вычленяется **коммуникативно-функциональный подход**.

Коммуникативно-функциональное направление является одним из актуальных. Оно устанавливает, в частности, правила употребления языковых единиц для типичных случаев коммуникативно-ориентированного речевого поведения. Анализ проводится в направлении от содержания к средствам выражения в конкретной речевой ситуации, подлинно функциональное описание системы словаря осуществляется через взаимодействие семантики номинативных единиц с адекватной синтаксической теорией.

Коммуникативный подход выявляет такие свойства языковых единиц, которые проявляются в общении. При объединении функционального и коммуникативного подходов внимание концентрируется на актуализации целеполагающих (интенциональных), социальных коммуникативных смыслов посредством их языкового выражения, на взаимодействиях партнеров в процессе обмена мыслями. Субъект деятельности коммуникации посредством языковых сообщений может не браться во внимание (функциональная стилистика, функциональный синтаксис Н.А. Слюсаревой и др.), может, напротив, считаться определяющим фактором (психолингвистика, социолингвистика, прагмалингвистика).

Установка лингвиста на реальную коммуникативную функцию языка учитывает не только закономерности и нормы построения словосочетаний, предложений, но, прежде всего, их назначение как коммуникативных единиц.

Своеобразным тематическим показателем всей коммуникации служит ситуация, объединяющая реальные временные, пространственные, предметные условия. Первостепенный анализ коммуникативной ситуации и цели (интенции), с которой происходит общение, относится к компетенции прагмалингвистики, что подчеркивает неразрывную взаимосвязь коммуникативного аспекта исследования языка с исследованиями в области прагматики. «Коммуникативный аспект языка, ориентированный на исследование конечного итога — эффекта языковой коммуникации, — может быть назван прагматикой языка как его интегральная характеристика в плане взаимного воздействия коммуникантов в процессе общения», — отмечает Г.В. Колшанский [Колшанский 1980: 4].

Прагматический подход предполагает учет того значимого компонента языковых единиц, который связан с человеком, использующим язык как орудие общения и делающим свой выбор для достижения поставленных задач при ориентации в ситуации в целом, в социальных признаках адресата и т.д. [Формановская 2002: 5].

Прагматический подход позволяет объединить исследования в различных областях гуманитарных знаний, дает возможность для обогащения концепций, гипотез, методов. На базе системно-структурного описания языка возникают различные направления и дисциплины, позволяющие вести коммуникативно-прагматические наблюдения за особенностями использования языка в общении.

Таким образом, в результате смены научной парадигмы в последние десятилетия в лингвистике, как в ряде других гуманитарных наук, обозначился поворот от высокой степени обобщенности к материалу, который предоставляется самой жизнью. Лингвистика, отвечая современным тенденциям развития гуманитарных наук, значительно расширила сферы своего влияния: от фонетики к фонологии, от морфологии к синтаксису и затем к семантике, от предложения к тексту, от синтаксической структуры к коммуникативной. В круг лингвистических исследований включены все аспекты речевой деятельности и речевого взаимодействия. «Интерес к минимальным лингвистическим единицам сменился интересом к “максимуму” — тексту (дискурсу), рассматриваемому в его взаимодействии с прагматическими факторами» [Арутюнова 1989: 3].

ИНТЕГРАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Потребность в информации, учитывающей в максимальной степени феномен жизни человека — со всеми его психическими, социальными, этнокультурными характеристиками, — привела к интенсивному взаимодействию дисциплин. В результате активных интегрирующих процессов в современной науке объединяются гуманитарные и естественные знания, различные научные направления, возникают новые дисциплины на стыке наук, и везде в качестве интегрирующего выступает так называемый «человеческий фактор». Появляется целая междисциплинарная отрасль наук о человеке.

В лингвистике наблюдается появление таких дисциплин, как социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, прагматическая лингвистика, паралингвистика, нейролингвистика, лингвокультурология и др.

Социолингвистика (социальная лингвистика) — научная дисциплина, развивающаяся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии и изучающая широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества.

Предмет социолингвистики понимают в трех основных смыслах: 1) все виды взаимоотношений между языком и обществом (язык и культура, язык и история, язык и этнос, язык и церковь, язык и школа, и политика, и массовая коммуникация и т.д.); 2) ситуация выбора говорящими того или иного варианта языка (или элемента, единицы языка). Например, в условиях двуязычия, или выбор между литературным языком и диалектом, или между книжной формой и разговорной и др.; 3) особенности языка разных социальных и возрастных групп говорящих [Мечковская 1996].

Психолингвистика — наука, изучающая процессы речеобразования, а также восприятия и формирования речи в их соотношении с системой языка. Психолингвистика разрабатывает модели речевой деятельности и психофизиологической организации человека и проверяет их путем психологических экспериментов. По предмету исследования психолингвистика близка к лингвистике, по методам исследования — к психологии. Цель этой науки — «описание и объяснение особенностей функционирования языка как психического феномена (включая овладение и пользование как первым, так и вторым языком) с учетом сложного взаимодействия множества внешних и внутренних факторов при изначальной включенности индивида в социально-культурные взаимодействия» [Залевская 1999: 26].

Когнитивная лингвистика — это «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как <...> система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» [Кубрякова 1996: 53]. Некоторые исследователи характеризуют когнитивную лингвистику как новую научную парадигму [см. Маслова 2004]. Центральным в когнитивной лингвистике является категория знания, проблема ви-

дов знания и способов их языкового представления. Язык же является основным средством фиксации, хранения, переработки и передачи знаний. Именно язык обеспечивает наиболее естественный доступ к сознанию и мыслительным процессам, так как о структурах сознания известно благодаря языку, который позволяет описать их на любом из естественных языков. Цель когнитивной лингвистики — «понять, как осуществляются процессы восприятия, категоризации, классификации мира и осмысления мира, как происходит накопление знаний, какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией» [Маслова 2004: 12].

Этнолингвистика — направление в языкознании, изучающее язык в его отношении к культуре, взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка, план содержания культуры, народной психологии и мифологии. В центре внимания этой науки находятся проблемы изучения генетического родства народов, языкового контактирования, би- и мультилингвизма, влияния социокультурных факторов на развитие языка, реконструкция духовной этнической культуры на основе данных языков. Объект исследования в этнолингвистике «смещен» в сторону изучения языков племен, диалектов, языковой семьи и культурной группы, праязыка и пракультуры.

В центре современной этнолингвистики находятся те элементы лексической системы языка, которые соотносимы с определенными материальными или культурно-историческими комплексами. Например, этнолингвисты выявляют полный инвентарь форм культуры, обрядов, ритуалов на материале Белорусского и Украинского Полесья. Наибольшую известность получила школа этнолингвистики во главе с Н.И. Толстым, выстроившая здание славянской духовной культуры. Основу его концепции составляет постулат об изоморфности культуры и языка и применимости к культурным объектам принципов и методов, применяемых в современной лингвистике. Цель этнолингвистики, с точки зрения Н.И. Толстого, — историческая ретроспектива, т.е. выявление народных стереотипов, раскрытие фольклорной картины мира [Маслова 2001].

Паралингвистика — раздел языкознания, изучающий невербальные (неязыковые) средства, включенные в речевое сообщение и передающие, вместе с вербальными средствами, смысловую информацию. Хотя паралингвистические средства не входят в

систему языка, не являются и речевыми единицами, тем не менее речевое сообщение не может быть фактом коммуникации без паралингвистического сопровождения. Поэтому паралингвистические средства представлены в той или иной степени в каждой речевой единице [Лингвистический... 1990: 367].

Нейролингвистика — научная дисциплина, возникшая на стыке неврологии и лингвистики и изучающая систему языка в соотношении с мозговым субстратом языкового поведения [Лингвистический... 1990: 327]. Нейролингвистика возникла из потребностей клинической практики для решения диагностических задач. Ее основной метод — наблюдение над языковым поведением больного в разных условиях (беседа, рассказы по картинкам, пересказы текстов, чтение, письмо, применение специальных текстов). Важный материал для нейролингвистики дают наблюдения над языковым поведением билингвов и полиглотов, страдающих очаговыми поражениями мозга.

Современный этап развития нейролингвистики связан с работами отечественного психолога А.Р. Лурии и его учеников, объединивших системный анализ речевых нарушений с теоретическими положениями лингвистики и психолингвистики (например, учением о фонеме И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.С. Трубецкого, Л.В. Щербы и др.).

Лингвокультурология — отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке.

Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры. Это определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает выразителем особой национальной ментальности. Предметом исследования этой науки являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и паремиях (половицах и поговорках) и т.д. Все внимание в лингвокультурологии уделяется человеку в культуре и его языку: каким видит человек мир, какова роль метафоры и символа в культуре, какова роль фразеологизмов, удерживающихся в языке веками, в репрезентации культуры, почему они так нужны человеку? [Маслова 2001].

Следует отметить, что наряду с интегральными процессами в современной науке наблюдаются и дифференциальные процессы. В лингвистике в каждом из уровней языковой системы более углубленное проникновение в объект порождает новые предметы исследования. Так, в фонетике отдельную область исследования представляет интонология, в синтаксисе изучаются семантические и актуально-коммуникативные структуры.

Таким образом, антропоцентрическая парадигма предполагает новые установки и цели исследования языка, новые ключевые понятия и методики, новые подходы при анализе его единиц, категорий, правил.

Идея антропоцентричности языка на современном этапе развития науки в настоящее время считается общепризнанной и ключевой: для многих языковых построений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета. Формирование антропоцентрической парадигмы привело к смещению лингвистической проблематики в сторону человека и его места в культуре.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

- Как вы понимаете термин *научная парадигма*?
- Какие научные лингвистические парадигмы традиционно выделяют ученые?
- Что такое антропоцентрическая природа языка?
- Какое определение *коммуникации* вам известно?
- Как соотносятся объемы понятий *коммуникация* и *общение*?
- На чем основывается коммуникативно-прагматический подход к изучению языка?
- Какие процессы характерны для современного языкознания?
- Охарактеризуйте известные вам модели коммуникации.
- Поясните суть функционального, коммуникативного, прагматического подходов к исследованию.
- Охарактеризуйте специфику наук интегрированного типа, сформированных на базе пересечения лингвистических и других гуманитарных и естественных знаний.

ЗАДАНИЯ ДЛЯ УГЛУБЛЕННОЙ ПРОРАБОТКИ

- По словам И.А. Бодуэна де Куртэне, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество».
Прокомментируйте данное утверждение с позиций антропоцентрического подхода в современном языкознании.
- Ознакомьтесь с разделами «Происхождение коммуникативной деятельности» и «Модели коммуникации и коммуникативного акта» в книге В.Б. Кашкина «Введение в теорию коммуникации».
Поясните два подхода к коммуникации.
Охарактеризуйте модели коммуникации в разных науках.
- Внимательно изучите следующие словарные статьи «Лингвистического энциклопедического словаря»: «Нейролингвистика», «Паралингвистика», «Психоллингвистика», «Социоллингвистика», «Этнолингвистика»; раздел «Когнитивная лингвистика и ее место в современной научной парадигме» в книге В.А. Масловой «Введение в когнитивную лингвистику», раздел «Язык—культура—человек—этнос» в книге В.А. Масловой «Лингвокультурология».
Объясните, как происходит взаимодействие и интеграция психологии, психоллингвистики и когнитивной лингвистики; этнолингвистики и социоллингвистики.
- Как бы вы прокомментировали междисциплинарный и интегрирующий характер лингвистической теории общения?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Залевская А.А.* Введение в психоллингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999.
2. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2003.
3. *Кашкин В.Б.* Введение в теорию коммуникации: Учеб. пособие. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.

5. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2004.
6. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ИЦ «Академия», 2001.
7. *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 1996.
8. *Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002.

1. ПРАГМАЛИНГВИСТИКА В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЫ

- Универсальная терминологическая база в прагмалингвистическом аспекте
 - Становление прагмалингвистики: источники, проблемы, постулаты науки
 - Основные единицы понятийного аппарата прагмалингвистики
-

Прежде чем приступить к рассмотрению специфики относительно недавно сформировавшейся науки прагмалингвистики, необходимо определить основные термины, которыми оперируют при описании понятийного аппарата науки, объекта ее исследования. Принципиальным является четкое представление о соотношении таких понятий, как язык и речь, предложение и высказывание, текст и дискурс.

Язык является базовым кодом любой коммуникации. Ученые выделяют как минимум три понимания языка:

- язык как любая знаковая система (язык музыки, язык архитектуры и т.д.), а также совокупность всех знаковых систем. Э. Кассирер пишет: «Существует не только язык, состоящий из звуков, слов, фраз или предложений, существует и гораздо более сложный язык, состоящий из символов искусства, религии и науки. Каждый из этих языков имеет свою собственную область применения и свои собственные правила, свою собственную грамматику» [цит. по: Гудков 2003: 10];
- язык как определенный класс знаковых систем (состоящих из фонем, морфем, лексем...), единый человеческий язык, средоточие универсальных свойств всех конкретных языков. Значение термина прояснит следующий контекст: *Человек отличается от животных наличием языка; среди функций языка можно выделить коммуникативную, номинативную...*

— язык как «реально существующая знаковая система, используемая в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве» [Кибрик 1992: 9], т.е. этнический язык.

Оппозиция *язык — речь* предполагает употребление термина прежде всего во втором значении.

Речь — функционирование языка в процессе общения; это воплощение, реализация языка (кода), который обнаруживает себя в речи и только через нее выполняет свое коммуникативное назначение. Речь — это процесс говорения, протекающий во времени и облеченный в звуковую (включая внутреннее проговаривание) или письменную форму. Под речью понимают не только сам процесс говорения (речевую деятельность), но и его результат (речевые произведения, фиксируемые памятью или письмом). Речь характеризуется через ее противопоставление языку. Согласно Ф. де Соссюру, язык носит психический характер, речь — психофизический, язык — социален, речь — индивидуальна, язык — установление, речь — реализация, язык — фиксирован, речь — свободна, язык — системен, речь — бессистемна.

Речь и язык образуют единый феномен человеческого языка и каждого конкретного языка, взятого в определенном его состоянии. Помимо признаков речи, выраженных в противопоставлениях языку, ее важнейшими свойствами являются: творческий характер, преднамеренность и обращенность к определенной цели, динамизм, вариативность [Стилистический... 2003: 358].

Речь используется в разных социальных сферах и выполняет различные функции. Она приспосабливается к задачам и условиям своего функционирования. При помощи речи происходит общение между людьми, следующее определенным социальным установкам.

В концепции лингвистической философии речь рассматривается как вид сознательной и целенаправленной деятельности. Будучи одним из видов социальной активности человека, речь переплетается с другими формами деятельности, в том числе и трудовой, в процессе которой речь и возникла. Речь полифункциональна и с этой точки зрения исследуется прагматикой.

Предложение — это абстрактный элемент организованной по преимуществу парадигматически языковой системы. Принадлежит грамматике языка, оно является вершиной его синтаксического устройства. Предложение обладает предикативностью как органи-

ческим соединением категорий синтаксической объективной модальности, синтаксического времени и лица, что образует грамматическое значение предложения. Денотативная ситуация представлена в пропозиции предложения и организует его семантическую структуру. Предложение — единица структурного и семантического синтаксиса. Являясь схемой, отражающей типизированные черты множества реализаций, оно представляет собой формальную «упаковку» высказывания, его синтаксическую основу [см. Формановская 2002].

Высказывание — это единица речевого уровня. Высказывание порождается коммуникативной ситуацией, является лексически наполненным, интонированным, включается в широкой «контекст фоновых знаний и национально-ментальных стереотипов» [Формановская 2002: 28].

Высказывание разворачивается во времени, оно линейно. Вместе с тем, будучи линейной структурой, оно устроено как иерархия структур, в связи с чем можно говорить о плане содержания и плане выражения высказывания. И.П. Сусов выделяет три структурные составляющие высказывания. По мнению ученого, вершину иерархии образует **коммуникативно-прагматическая структура**, ей непосредственно подчинена **семантическая структура**. В совокупности они составляют план содержания высказывания. План выражения высказывания представлен **фонологической структурой**, а в письменной речи — **графической структурой**. Между планом выражения и планом содержания располагается **лексико-грамматическая структура**, которая обеспечивает кодирование и декодирование смысла и выступает в качестве трансляционного плана высказывания [Сусов 1986].

Текст — объединенная смыслом последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность, целостность, завершенность и др. В науке существует разное понимание текста. Прежде всего это семиотическая и языковедческая трактовка понятия:

- в семиотике текст — это осмысленная последовательность любых знаков (это и словесное произведение, и произведение музыки, живописи, архитектуры);
- в языкознании текст — это последовательность вербальных знаков, «представляющая собой снятый момент языкотворческого процесса, зафиксированный в виде конкретного произведения в соответствии со стилистическими нормами данной

разновидности языка; произведения, имеющего заголовок, завершено по отношению к содержанию этого заголовка, состоящего из взаимообусловленных частей и обладающего целенаправленностью и прагматической установкой» [Стилистический... 2003: 528].

Весьма знаменательно, что и в языкознании понимание текста неоднородно. Наиболее распространены три следующих:

- текст как единица высшего уровня языковой системы;
- текст как единица речи, результат речевой деятельности;
- текст как единица общения, обладающая относительной смысловой завершенностью.

В рамках системно-структурной парадигмы узколингвистическое понимание текста как высшего уровня языковой системы соответствует грамматическому подходу. С этих позиций изучаются различные типы внутритекстовых связей и средства их реализации. Однако описание лишь формально-грамматической структуры текста не объясняет многих его существенных признаков, прежде всего коммуникативных и смысловых. Функционально-коммуникативные качества текста, которые проявляются в реальных актах общения и обуславливают различие терминов «текст» как языковой феномен и «текст» как продукт речевой деятельности, изучаются функциональной стилистикой. М.Н. Кожина подчеркивает, что «интралингвистического контекста недостаточно ...необходим выход в широкий экстралингвистический контекст» [цит. по: Стилистический... 2003: 529].

Так, в функциональной стилистике текст соотносится со сферой общения, жанром, выявляются коммуникативная целесообразность использования языковых ресурсов в той или иной сфере и ситуации общения, соответствие их целевой установке говорящего; осуществляется выход во внешнюю среду, вплоть до широкого социокультурного контекста, за рамки языковой системы. Таким образом, на подходах к изучению текста расставляются акценты функциональной парадигмы, и понимание текста неразрывно связывается с понятием дискурса. Дело в том, что в отечественной лингвистике круг вопросов, составляющих предмет исследования в дискурсе, традиционно рассматривался в связи с проблемами речевой деятельности и в целом при изучении экстралингвистических факторов, «сплетенных» с лингвистическими, на различном функционально-стилевом и текстовом материале.

Дискурс. Это понятие является одним из ключевых в коммуникативной лингвистике и современных социальных науках. Термин допускает не только варианты произношения (с ударением на первом или втором слоге), но и множество научных интерпретаций. Обзор существующих подходов к трактовке этого понятия представлен в монографии М.Л. Макарова «Основы теории дискурса» [Макаров 2003], в работах В.В. Красных, Е.О. Менджерицкой [Красных 1998; Менджерицкая 1997] и других исследователей.

В рамках формального и функционального подхода к исследованиям выделяются три понимания дискурса [Макаров 2003]:

- с позиций формально или структурно ориентированной лингвистики дискурс определяется как «язык выше уровня предложения или словосочетания». «Под дискурсом, следовательно, будут пониматься два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи» [Звегинцев 1976: 170];
- с позиций функционального подхода дискурс определяется как всякое «употребление языка», что предполагает обусловленность анализа функций дискурса изучением функций языка в широком социокультурном контексте;
- взаимодействие формы и функции отражается в определении «дискурса как высказывания». Это подразумевает, что дискурс является не примитивным набором изолированных единиц языковой структуры «больше предложения», а целостной совокупностью функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка. Однако, по мнению М.Л. Макарова, в этом случае вызывает затруднение различие подходов к определению *высказывания*.

Наиболее распространенным является толкование термина с опорой на определение Т. ван Дейка: «*Дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта*» [Т. ван Дейк 1989: 121]. Исходя из этого, многие ученые рассматривают дискурс как «коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах или устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [Стилистический... 2003: 54]; как «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме тек-

ста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата)» [Караулов, Петров 1989: 8].

Развитие понятия «дискурс» обусловило его соотношение с понятиями «речь» и «текст». Одно из распространенных решений данной проблемы представлено в трудах В.В. Богданова. Исследователь рассматривает *речь* и *текст* как две неравнозначные стороны, два аспекта *дискурса*. Подобное решение встречается и у зарубежных авторов. (Подробнее об этом см. в монографии М.Л. Макарова). Не всякая речь поддается текстовому перекодированию, и далеко не любой текст можно «озвучить» (см. [Богданов 1990: 3]), поэтому *дискурс* понимается широко — как все, что говорится и пишется. *Текст* (в узком смысле) понимается как «языковой материал, фиксированный на том или ином материальном носителе с помощью начертательного письма (обычно фонографического или идеографического). Таким образом, термины *речь* и *текст* будут видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину *дискурс*» [Богданов 1993: 5—6]. Здесь подчеркивается обобщающий характер понятия *дискурс*.

Иная точка зрения на проблему сопоставления / противопоставления текста и дискурса содержится в монографии М.Я. Дымарского [1999]. По мнению исследователя, дискурс характеризуется прежде всего признаком процессности: невозможно существование дискурса «вне прикрепленности к реальному, физическому времени, в котором он протекает». «Именно в этом смысле дискурс противопоставлен тексту — как фиксированному результату, продукту (процессу)...» [Дымарский 1999: 36—37]. Текст создается с установкой на воспроизведение, дискурс воспроизведению не подлежит; текст может накапливать информацию, дискурс служит передатчиком информации. Из такой трактовки проблемы следует, согласно мнению Н.И. Формановской, что дискурс, являясь основной единицей общения, «упакован» в форму текста, подобно тому как высказывание «упаковано» в форму предложения.

При исследовании дискурса акцент делается на рассмотрении речевых намерений адресата, стратегий, тактик при их реализации, оценок, эмоций по отношению к отражаемой действительности, адресату, содержанию сообщения. Анализируется процесс взаимодействия партнеров по коммуникации, т.е. весь комплекс прагматических компонентов, и следовательно, дискурс является одним из основных объектов изучения в рамках прагмалингвистики.

1.1. ПРАГМАЛИНГВИСТИКА КАК НАУКА. ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ

К общепринятым и хорошо известным относится постулат: язык — важнейшее средство человеческого общения. Человек использует язык, чтобы сообщить о важном событии, побудить адресата к определенным действиям или их прекращению, выразить свои чувства или дать оценку чьим-либо поступкам. В целом ряде случаев использование языка является основным компонентом действия, в корне меняющего социальную действительность или индивидуальную судьбу (ср. отмена крепостного права, заключение перемирия, вынесение обвинительного приговора или присуждение государственной премии). Поэтому вполне оправданным является изучение языка как инструмента действия [см. Кобозева 2003]. Именно в таком аспекте и рассматриваются языковые явления в рамках выделившегося современного направления лингвистики — лингвистической прагматики (прагмалингвистики).

Слово *прагматика* происходит от греческого «дело», и название науки само свидетельствует, что ее предмет — это «язык в действии», в живом функционировании. Греческий историк Полибий (ум. в 118 г. до н.э.) в свое время называл свои сочинения прагматическими, поскольку считал, что они предназначены для того, чтобы обучать читателей и быть им полезными. В философии и психологии этот термин использовался в значении *относящийся к опыту, деятельности*. После Ч. Пирса и Ч. Морриса прагматикой называют и отношение пользователя к используемым им знакам, и соответствующий раздел семиотики.

Лингвистическая прагматика — дисциплина, изучающая язык не «сам в себе и для себя», а как средство, используемое человеком в его деятельности. Сегодня прагматика представляет собой междисциплинарную область, в которой задействованы практически все лингвистические, многие логико-философские, социологические, психологические, этнографические и некоторые кибернетические (связанные с созданием искусственного интеллекта) направления. К эмпирическим задачам общей теории прагматики относятся разработка когнитивной модели производства, понимания, запоминания речевых актов, а также модели коммуникативного взаимодействия и использования языка в конкретных социокультурных ситуациях.

Единого научного определения прагматики как науки пока не сложилось, однако несомненно, что она формировалась под воздействием лингвистической парадигмы, ориентированной на изучение речевой коммуникации.

Мысль о необходимости учитывать в лингвистическом исследовании «человеческий фактор» была сформирована в семиотике. **Семиотика** (от греч. «знак») — научная дисциплина, изучающая общее в строении и функционировании различных знаковых (семиотических) систем, хранящих и передающих информацию, будь то системы, действующие в человеческом обществе, в природе или в самом человеке.

В первых работах по семиотике, ставивших целью изучение структуры знаковой ситуации в динамическом, процессуальном аспекте, включая и участников этой ситуации (Ч.С. Пирс*, Ч.У. Моррис*), и появляется понятие *прагматики*. Ч.У. Моррис (1938) провел различие трех разделов семиотики — это синтактика (или синтаксис), имеющая дело с отношениями между знаками; семантика, изучающая отношения между знаком и обозначаемым (десигнатом), и прагматика, направленная на исследование отношений между знаком и его интерпретатором, т.е. тем, кто знак создает, принимает и понимает. Большой вклад в развитие идей формальной прагматики внесен Р. Карнапом.

По Т. ван Дейку, который и определяет прагматику как изучение «языка в контексте», прагматика — неотъемлемый компонент лингвистической теории, обладающий статусом, сопоставимым со статусом синтаксиса и семантики.

В 1970 г. состоялся Международный симпозиум по прагматике естественных языков. Его участники были единодушны в том, что «прагматические аспекты коммуникации на естественном языке (по крайней мере, некоторые из этих аспектов) должны исследоваться в рамках лингвистической теории наряду с семантическими и синтаксическими аспектами этой коммуникации» [Безменова 1984].

Становление лингвистической прагматики непосредственно связано с изменениями в общей ориентации зарубежного языкознания, наметившимися в начале 1970-х гг., которые могут быть охарактеризованы как переход от изучения языка — формальной системы, абстрагированной от условий его использования, к рассмотрению языка в качестве средства коммуникативного взаимодействия, осуществляющегося в социальном контексте. Форми-

рование науки прагматики стимулировалось идеями Дж. Остина*, Дж. Серля*, Г. Грайса, З. Вендлера и др.

Однако современная лингвистически ориентированная прагматика развивается скорее под влиянием идей позднего Л. Витгенштейна*. Именно этому философу принадлежит знаменитое определение *значения как употребления в языке*. Согласно данному постулату, интерпретировать высказывание можно только исходя из контекста его употребления. Так, недостаточно понимать смысл высказывания и представлять себе ситуацию. Необходимо определить конкретную роль этой ситуации, ее значение в ряду соседних высказываний. Исследователи приводят разные примеры, демонстрирующие роль контекста. Предположим, что фраза *М. вошел в комнату* произносится в контексте детективной истории. Тогда она может означать, например: «Приготовиться!» — если этого М. ждут в его комнате наемные убийцы. В контексте бытового дискурса, например, праздничного застолья, эта фраза может означать, что человека долго ждали к столу, он опаздывал и наконец-то пришел. В ситуации бытовой мелодрамы это может означать, что пришел любимый человек или, наоборот, ненавистный муж. Таким образом, меняется прагматическое значение высказывания. Такой контекст в понятийном аппарате теории речевых актов называется речевой (коммуникативной) ситуацией, в терминологии М.М. Бахтина — речевым жанром.

Проблема интерпретации высказывания явилась поводом для дискуссии известнейших философов-аналитиков — Л. Витгенштейна и Дж. Мура. Суть спора о том, что означает выражение *Я знаю, что...* заключалась в следующем: выражение *Я знаю, что это дерево* искусственно, не несет никакой информации и в лучшем случае означает просто *Это дерево*. Анализируя спор своих учителей, аналитик младшего поколения Н. Малкольм пришел к выводу, что подобные утверждения не решают спора, поскольку выражение *Я знаю, что...* означает в конкретных ситуациях совершенно различные вещи. Например, в ситуации, когда дочь играет на пианино, а мать напоминает ей, что пора делать уроки, и дочь отвечает: *Я знаю, что надо делать уроки*, это может означать: *Не приставай ко мне*; когда слепого усаживают на стул и говорят ему *Вот стул* и он отвечает: *Я знаю, что это стул*, он, возможно, хочет сказать: *Не беспокойтесь, пожалуйста*.

В настоящее время выделяются три различных, в некоторой степени традиционных, подхода к прагматике, соотносящиеся не

только с лингвистической философией, как это было показано выше, но и с формальной логикой, лингвистической семантикой. Различия в подходах обусловлены разными представлениями о природе значения [Безменова 1984].

Однако существующее многообразие направлений лингвистической прагматики невозможно тем не менее свести к одной или нескольким традициям. Их объединяют некоторые исходные представления: 1) ключевым понятием для адекватного описания языковой коммуникации является понятие деятельности; 2) язык является средством динамического взаимодействия коммуникантов; 3) функционирование языка неразрывно связано с ситуативным контекстом его употребления.

В вопросе об объекте прагматики наметились две концепции, рассмотренные Ю.С. Степановым. С одной стороны, признается, что прагматика имеет свой предмет; это особые, присущие только ей вопросы изучения — «выбор языковых средств из наличного репертуара для наилучшего воздействия». С другой — прагматике отказывается в объекте исследования, поскольку «она в “чистом” виде исследует те проблемы, которые в “скрытом” виде изучают семантика и синтаксис» [Степанов 1981: 325—326].

Не имея четких контуров, прагмалингвистика включает комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения. Главным постулатом науки считается утверждение Дж. Остина: «*Слово есть дело*».

В связи с этим **прагмалингвистика** чаще выделяется как область лингвистических исследований, имеющих своим объектом отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом пространстве, в котором взаимодействуют говорящий / пишущий и слушающий / читающий и для характеристики которого важны конкретные указания на место и время их речевого взаимодействия, связанные с актом общения цели и ожидания [Сусов 1983].

Широкое определение прагмалингвистики дает Ю.Д. Апресян: «под прагматикой мы будем понимать закрепленное в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности, 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату» [Апресян 1988].

В целом множество определений лингвистической прагматики можно объединить в группы [см. Азнаурова 1988]:

- 1) толкования, в которых доминантой выступает человеческий фактор;
 - 2) дефиниции, в которых подчеркивается функциональный аспект лингво-прагматических исследований, их контекстуальная обусловленность: наука «об употреблении языка», наука о «языке в контексте»;
 - 3) определения, в которых внимание сосредотачивается на исследовании эффекта языковой коммуникации в плане взаимного воздействия коммуникантов в процессе общения;
 - 4) ряд дефиниций, в которых подчеркивается интерпретационный аспект прагматических исследований речевых произведений, появляющихся в тех или иных коммуникативных контекстах. Объектом интерпретации в данном случае, как отмечает Н.Д. Арутюнова, является то, что принято называть прагматическим значением высказывания [Арутюнова 1981].
- Определение прагматики в значительной мере зависит от исходных позиций исследователя и значительно различается в трудах лингвистов, исследующих проблемы:

синтаксиса (прагматика — остаток при синтаксическом и семантическом анализе, в частности, нестандартные или аномальные предложения);

семантики (прагматика — оценочные и примыкающие к оценочным значения, а также вытекающие из контекста ассоциации и коннотации);

стилистики и риторики (прагматика — коммуникативная семантика, а также использование языка с целью воздействия, язык политики, рекламы, психотерапии и т.д.);

речевой деятельности (прагматика — теория пресуппозиций, коммуникативных постулатов, речевых актов).

В одной из новейших работ выделяются три направления в понимании прагматики: конверсационное (речеактовое), функциональное (риторико-стилистическое) и психолингвистическое (порождение и восприятие речи) (см.: [Карасик 1992]).

Итак, высказывая мысль, человек совершает определенное действие при определенных условиях, направленное на адресата. Это действие определяется целью (намерением) говорящего и называется в прагмалингвистике *речевой акт*, *речевой поступок* или *речевое действие*. Таким образом, центральными понятиями, организующими терминологический аппарат науки, становятся *коммуникативная ситуация*, *адресант (говорящий)*, *адресат (слушающий)*, *интенция (цель)*, *речевой акт*.

1.1.1. Коммуникативная ситуация

Коммуникативная ситуация является исходным моментом любого речевого действия. Это стечение обстоятельств, побуждающее человека к речевому действию; порождающее мотив высказывания, который может перерасти в потребность совершения речевого действия.

По определению Н.И. Формановской, **коммуникативная ситуация** — это «сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в речевом поведении — высказывании, дискурсе» [Формановская 2000: 42].

Существует множество примеров структурирования коммуникативной ситуации [Гак 1973; Сусов 1986; Долинин 1985 и др.]. В качестве основных компонентов безоговорочно выделяются партнеры коммуникации (коммуниканты), коммуникативные намерения (цели общения), место, время, обстоятельства действительности как предметные компоненты ситуации. Так, И.П. Сусов выстраивает следующую схему коммуникативной ситуации применительно к речевому действию: «Я — сообщаю — тебе — в данном месте — в данное время — посредством данного высказывания — о данном предмете — в силу такого-то мотива или причины — с такой-то целью или намерением — при наличии таких-то предпосылок или условий — таким-то способом» [Сусов 1986: 9].

В реализации речевого действия выделяются следующие этапы:

- *подготовка высказывания* — осознание мотивов, потребностей, целей, вероятностное прогнозирование результатов высказывания на основе прошлого опыта и на основе учета обстановки, создание внутреннего плана высказывания, который может иметь различную степень обобщенности или конкретности;
- *структурирование высказывания* — выбор слов, включение механизма их «оценки», расположение их в нужной последовательности, грамматическое оформление;
- *переход к внешней речи* — осуществление звукового или графического оформления высказывания. Если переход от структурирования высказывания к внешней речи по каким-то причинам нарушен, то окружающим такая речь кажется неполной, бессвязной, труднопонимаемой. О результате речевого действия судят по его восприятию и по реакции на него, т.е. обратной связи.

Восприятие речи (процесс слушания или чтения) включает следующие стадии:

- переход с акустического или графического кода на код внутренней речи;
- расшифровку синтаксических структур, грамматических форм;
- понимание общего плана высказывания;
- понимание замыслов и мотивов высказывания;
- оценку полученной информации (содержания высказывания, его идеи, позиции говорящего и т.п.);
- понимание выбора формы и языковых средств.

С точки зрения взаимодействия коммуникантов в коммуникативной ситуации различают фазы: завязывания контакта, его поддержания и прекращения. В первой фазе используются средства контактоустанавливающей (фатической) коммуникации — обращения, приветствия, во второй фазе — средства авторизации и адресации, призванные возбудить и поддерживать внимание, интерес, эмоциональное переживание и т.д. В третьей фазе подводятся итоги разговора, реализуются прощания, пожелания добра и др. [Богданов 1990; Формановская 1982].

Качество понимания передаваемого сообщения зависит от комплекса факторов — различных условий, при которых осуществляется коммуникация. Совокупность таких условий принято называть коммуникативно-прагматическим контекстом. Общий контекст речевого общения складывается из явного и скрытого. Явный (эксплицитный) контекст включает то, что подлежит непосредственному наблюдению. Он делится на вербальный и невербальный. Скрытый (имплицитный) контекст — это то, что не поддается непосредственному наблюдению (мотивы, цели, установки коммуникантов, их личные характеристики — уровень образования, социальная принадлежность, характер и т.п.). В зависимости от контекста высказывание может привести к различным результатам.

Однотипность коммуникативной ситуации обеспечивают именно ее основные компоненты: место и время сообщения, известные коммуникантам; адресант сообщения с заданными речевыми и поведенческими обязательствами; адресат, обладающий или наделяемый определенными пресуппозитивными свойствами (производственным опытом, интересами, целями, знаниями); целенаправленная тема сообщения [Матвеева 1984].

Коммуникативно-прагматический контекст высказывания образуют прежде всего участники коммуникации (коммуниканты), которые и являются важнейшими компонентами коммуникативной ситуации.

1.1.2. Коммуниканты

Для исследователя процесса коммуникации важно изучение не столько речи как линейного процесса, сколько объемного коммуникативного взаимодействия (интеракции) по крайней мере двух коммуникантов. Один из них выступает как автор данного высказывания (продуцент), как отправитель сообщения. Другому коммуниканту (или группе коммуникантов) отводится роль индивидуального или коллективного адресата, получателя (или получателей) / реципиента (или реципиентов) передаваемого сообщения. В устном общении (при использовании акустических средств и вокального канала связи) между коммуникантами распределены роли говорящего и слушающего. В этом случае коммуниканты находятся в непосредственном контакте друг с другом. В письменной коммуникации, когда используются графические средства и передача высказывания производится по зрительному каналу, коммуниканты противопоставлены друг другу как пишущий и читающий. В данном случае они могут быть разделены в пространстве и времени.

Как видим, участники акта общения в современной научной литературе получили ряд наименований в зависимости от условий описания, что приводит к терминологическим разночтениям. Наряду с обобщенным способом наименования (коммуниканты, участники общения, получатель, отправитель, автор текста), дифференциация в названии участников акта общения происходит либо с учетом принятой в дисциплине традиции обозначения (продуцент / реципиент, адресант / адресат и т.д.), либо по функции, которая важна для автора описания в данный момент (говорящий, читающий, переводчик и т.п.). Так, в лингвopsихологических исследованиях Т.М. Дридзе это реципиент и приемник; в работах по чтению В.В. Кускова — пишущий и читающий; у Л.А. Киселевой в монографиях по прагмалингвистике речь идет об адресате [Киселева 1978]; в социалингвистическом исследовании Р. Белла участники делятся на говорящего (отправителя, адресанта) и слушающего (получателя, публику, адресата); в книге

В. Дресслера по лингвистике текста встречаются такие термины, как автор, отправитель, создатели, потребители, получатели, партнеры, говорящий, слушающий, читающий, интерпретатор текста [см. работы Матвеевой].

При всем разнообразии описания участников речевого общения за каждым из них закреплены определенные функции в процессе построения речевой ситуации. В целом эти функции сводятся к передаче сообщения одним из коммуникантов и восприятию его другим. Поскольку, как пишет А.А. Леонтьев, в зарубежной (и отчасти в отечественной) науке общение трактуется как индивидиуальная коммуникация, направленная на передачу информации, «задача говорящего оказывается в том, чтобы передать информацию о каких-то явлениях и предметах реального мира в такой форме, чтобы эта информация была адекватно воспринята слушающим» [Леонтьев 1976: 48].

Оценивая роль говорящего субъекта, знаменитый французский языковед Э. Бенвенист считал, что «Я» в языке играет исключительную роль: «Язык возможен только потому, что каждый говорящий представляет себя в качестве субъекта, указывающего на самого себя как на “я” в своей речи. В силу этого “я” конституирует другое лицо, которое, будучи абсолютно внешним по отношению к моему “я”, становится моим эхо, которому я говорю “ты”. И полярность эта к тому же весьма своеобразна, она представляет собой особый тип противопоставления, не имеющий аналога нигде вне языка. Она не означает ни равенства, ни симметрии: “эго” занимает всегда трансцендентное положение по отношению к “ты”, однако ни один из терминов не мыслим без другого [...]. Бесплезно искать параллель этим отношениям: ее не существует. Положение человека в языке неповторимо» [Бенвенист 1974].

Адресант определяет цель коммуникативного акта, однако успешность ее реализации во многом зависят от адресата, который должен быть лицом, «подходящим» для решения поставленной коммуникативной задачи в заданных условиях общения. Следовательно, планируя и реализуя речевой акт, адресант должен учитывать множество разнообразных характеристик адресата, другими словами, принимать во внимание коммуникативную компетенцию адресата.

Коммуникативная компетенция — это совокупность личностных свойств и возможностей, а также языковых и внеязыковых

знаний и умений, обеспечивающих коммуникативную деятельность человека.

Коммуникативная компетенция рассматривается как структура, состоящая из пяти уровней:

- 1) *психофизиологические* особенности личности, которые — от общего психического типа личности (экстравертированность / интровертированность) до устройства артикуляционного аппарата — в значительной мере определяют речемыслительную и собственно коммуникативную способность человека, помогают успешному общению или затрудняют его;
- 2) *социальная характеристика и статус* личности (на процесс коммуникации оказывают влияние самые разнообразные социальные характеристики личности: происхождение, пол, возраст, профессия, принадлежность к определенной социальной группе, социальная роль коммуниканта);
- 3) *культурный фонд* личности — энциклопедические знания и присвоенные ценности (коммуникация может быть успешной только в том случае, если актуализируемые в дискурсе фрагменты культурного фонда коммуникантов в значительной степени совпадают. Существенные различия в культурных фондах (фоновых знаниях, пресуппозициях) участников общения обычно ведут к образованию лакун, заполнение или компенсация которых потребует дополнительных усилий коммуникативного лидера);
- 4) *языковая компетенция* личности — набор умений и способностей коммуниканта, включающий:
 - умение выражать заданный смысл разными способами (способность к перефразированию);
 - умение извлекать из сказанного смысл и различать при этом внешне сходные, но разные по смыслу высказывания (различение омонимии) и находить общий смысл у внешне различных высказываний (владение синонимией);
 - умение отличать правильные в языковом отношении предложения от неправильных;
 - умение выбрать из множества средств выражения мысли то, которое в наибольшей степени соответствует ситуации общения и с наибольшей полнотой выражает личностные характеристики его участников (селективная способность).

Другими словами, это способность человека к успешной коммуникации, основанной на его владении языком и языковыми

нормами, на его умение продуцировать и понимать тексты различных типов;

5) *коммуникативные знания, умения и навыки* участников коммуникации:

- уметь эффективно формировать коммуникативную стратегию;
- уметь эффективно пользоваться разнообразными тактическими приемами коммуникации;
- уметь эффективно представлять себя (или свою компанию) как участника коммуникативного процесса, владеть коммуникативными нормами, устанавливать и поддерживать коммуникативный контакт [Кашкин 2000]. Под эффективностью подразумевается соотнесение вербальных и невербальных приемов с целями и задачами коммуникации, коммуникативной перспективой.

Как отмечает И.М. Кобозева, некоторые из этих характеристик являются общими для всех видов речевых актов. К ним относятся, например, физическая способность адресата воспринимать звучащую или письменную речь; владение языком, который предполагается использовать; культурный и образовательный уровень адресата, определяющий ту базу знаний, которая имеется в его распоряжении для понимания адресованных ему высказываний.

Другие характеристики могут быть специфичными для того или иного типа или вида речевого действия. Так, планируя побуждение адресата к совершению тех или иных действий, важно учитывать его социальный статус. Когда статус адресата выше статуса адресанта, последний может либо просить, либо требовать, чтобы адресат совершил действие, но не может приказать или скомандовать, чтобы он сделал это.

Статус адресата и степень близости отношений между участниками коммуникативного акта регулируют выбор той или иной степени вежливости, которая проявляет себя в выборе формы обращения, в степени категоричности формулировок, в тоне голоса (при устном общении), в использовании специальных маркеров вежливости. А правильный выбор уровня вежливости в свою очередь является необходимым условием достижения запланированного результата.

При аргументации значительную роль играет ценностная система взглядов адресата. Поскольку всякая аргументация опирается на ценности, даже логически безупречный аргумент обречен

на неудачу, если он исходит из чуждых адресату принципов и идеалов [Кобозева 2003].

Ориентация адресанта на адресата проявляется и в выборе языковых средств под большим или меньшим влиянием адресата и его превосходящей ответной реакции.

Характеризуя разнообразие возможных адресатов высказывания, М.М. Бахтин писал, что адресат «может быть непосредственным участником-собеседником бытового диалога, может быть дифференцированным коллективом специалистов какой-нибудь специальной области, может быть более или менее дифференцированной публикой, народом, современниками, единомышленниками, противниками и врагами, подчиненным, начальником, низшим, высшим, близким, чужим и т.п., он может быть и совершенно неопределенным неконкретизированным другим (при разного рода монологических высказываниях эмоционального типа) — все эти виды и концепции адресата определяются той областью человеческой деятельности и быта, к которой относится данное высказывание» [Бахтин 1979: 275]. Н.И. Формановская выделяет следующие типы возможных адресатов [Формановская 2002]:

- *реальный и гипотетический адресат* (сравните бытовое общение в кругу семьи и риторическое обращение к Богу);
- *обобщенный прогнозируемый адресат*, поскольку вне фактора адресата нет произведения. Это потенциальное неопределенное множество лиц, которые могут взять в руки данную книгу, журнал или газету, оказаться слушателями радиопередачи или зрителями телепрограммы. Поэтому автор текста сам моделирует своего типового адресата, рассчитывая на определенную группу, выделяемую по половому, возрастному, национальному, социальному, профессиональному, мировоззренческому и т.п. признакам [Кобозева 2003]. Более конкретно ориентированы на адресата тексты научного, публицистического, официально-делового стилей;
- *массовый, публичный, конкретизируемый адресат* (учебная аудитория, митинг, студенческая группа и т.п.);
- *персональный, единственный, конкретный* — в устном контактном непосредственном межличностном общении;
- *косвенный (вторичный) адресат*, так называемый адресат-наблюдатель. В первую очередь этот тип адресата свойствен публичным жанрам — теле- и радиоинтервью, беседам, «круг-

лым столам». Так, целый ряд особенностей построения интервью обусловлен именно наличием адресата-наблюдателя. В частности, в интервью повышена частотность так называемых интерпретирующих речевых актов, призванных модифицировать исходное высказывание собеседника таким образом, чтобы оно больше соответствовало целям оказания нужного воздействия на адресата, находящегося «за кадром» (см. подробнее: [Кобозева, Лауфер 1994]).

В каждом конкретном случае общения каждый из коммуникантов имеет свою установку, свой замысел и тактики реагирования в речевой интеракции. Адресант осуществляет свое высказывание не только *почему-то*, но и *зачем-то*, с *какой-то коммуникативной и более общей (посткоммуникативной) целью*. Наряду с интенцией говорящего существенное значение имеет и настрой адресата — то, что он думает о предмете общения и ситуации в целом, и как он собирается реагировать на интенцию говорящего. В связи с этим акт коммуникации является результатом столкновения и взаимодействия интенций двух или более участников речевого общения.

1.1.3. Интенция

Языковое взаимодействие между коммуникантами обычно происходит во внешней среде, составляющими которой являются различного рода предметы, явления, события, положения дел. Именно в состоянии внешней среды обычно обнаруживаются какие-то причины, делающие необходимым коммуникативное взаимодействие людей. Например, довольно частым мотивом, побуждающим одного из коммуникантов к высказыванию, оказывается такое положение дел, которое им может восприниматься как неудобное, неприятное, дискомфортное, требующее осуществить некое действие, чтобы изменить ситуацию к лучшему с помощью своего собеседника. Подобного рода мотив лежит в основе формирования коммуникативного намерения, или **коммуникативной интенции** (лат. *intentio* — «намерение, замысел»).

Понятие интенции заимствовано из терминологического аппарата философских наук. Оно появилось еще в средневековой схоластике и обозначало намерение, цель и направленность сознания, мышления на какой-нибудь предмет. Общим правилом схоластики было различение первой и второй интенции. Первая интенция есть понятие, первоначально сформированное умом;

объект его — реальность, данная человеческому разуму. Вторая интенция формируется через изучение и сравнение первых интенций; ее объект находится в самом разуме, представляя собой логический закон, форму мысли или какую-нибудь отдельную мысль. На основании этого различения Фома Аквинский определил логику как учение о вторых интенциях. В самой логике интенцией называется также большая (первая) посылка силлогизма.

В существующих современных определениях интенции акцентируются ее различные аспекты.

Иногда интенцию отождествляют с целью высказывания. В таком случае, если следовать классификации высказываний по их общей цели, каждую из таких целей можно соотнести с обобщенной интенцией говорящего: сообщить, осведомиться о чем-либо или побудить к чему-либо. Однако исследователи обычно не останавливаются на столь абстрактном понимании интенции. Они детально анализируют коммуникативные интенции, выделяемые в диалогах на естественных языках, и на их базе пытаются составлять универсальный каталог коммуникативных интенций, пригодный для многих, если не для всех современных языков (о каталоге коммуникативных интенций русского языка см. статью А.Р. Арутюнова и П.Г. Чеботарева «Интенции диалогического общения и их стандартные реализации»; проблема номинации интенций рассматривается в диссертации Е.П. Савельевой «Номинации речевых интенций в русском языке и их семантико-прагматическое истолкование»).

О.С. Ахманова приводит определение, согласно которому интенция понимается как потенциальное или виртуальное содержание высказывания. В этом определении интенция противопоставляется актуальному или высказанному содержанию [Ахманова 2004].

В психологии речи интенция понимается как первый этап порождения высказывания (А.А. Леонтьев, А.М. Шахнарович). За нею следуют мотив, внутреннее проговаривание и реализация.

В лингвистических трудах под интенцией, как правило, понимают коммуникативное, речевое намерение, цель высказывания коммуникантов. «Речевая интенция, или коммуникативное намерение — это намерение, замысел сделать нечто с помощью такого инструмента, как язык-речь-высказывание». Речевая интенция — один из содержательных моментов внутреннего мира человека. Поворотной для такого понимания интенции стала статья П. Грай-

са, которая называлась «Meaning», что по-английски в первую очередь означает *подразумевание*. Под *meaning* Грайс имел в виду именно субъективное значение говорящего, его интенцию, намерение получить с помощью высказывания определенный результат, благодаря осознанию слушающим этого намерения: *Я поговорю с твоими родителями* — может быть сообщением, обещанием или косвенным побуждением к действию. Таким образом, субъективное значение сводится к понятию, выражаемому глаголом *подразумевать* в контексте *А подразумевает нечто, говоря х*.

Интенции говорящих и успех их распознавания слушающими были соотнесены П. Грайсом с господствующими в данном языковом сообществе *соглашениями (конвенциями)* относительно значения тех или иных выражений. Условием успеха распознавания интенции индивида *А* является его включенность в языковое общество. Дж. Серль дополнил число факторов, влияющих на формирование интенции говорящего и распознавание ее слушающим. Он отметил, что при идентификации интенции, реализованной в очередном речевом акте, и говорящий, и слушающий ориентируются на то, что было ими высказано ранее к моменту этого речевого акта.

Намерение чаще всего возникает и формируется как стратегический замысел еще до реализации высказывания. Это программа речевых действий, которые связаны с информированием собеседника, уговариванием, побуждением, получением информации и т.д. В соответствии с этим говорящий, который обычно выступает как инициатор общения, заранее планирует и организует ход речевого взаимодействия с адресатом. Он целенаправленно выбирает такие языковые средства, которые с максимальной точностью выразили бы его интенцию. В зависимости от своей стратегии говорящий выбирает прямые или косвенные способы языковой манифестации интенции. Языковой опыт адресата и его коммуникативная компетенция помогают ему правильно расшифровать заключенный в языковых средствах интенциональный компонент.

Таким образом, в речевом общении представлено два типа интенций: «чистая», изначальная интенция инициатора речевого акта и вторичная, возникающая под влиянием ситуации интенция, к которой могут примешиваться различные ситуативные и контекстуальные наслоения. Так, к изначальному намерению сообщить что-то под влиянием обстоятельств ситуации и ее прямых

или косвенных участников может возникнуть дополнительная цель у говорящего призвать собеседника к вниманию, продемонстрировать свою осведомленность, вызвать удивление, уязвить собеседника, выразить положительное отношение к нему и т.д. Это свидетельствует о том, что интенция отличается гибкостью и изменчивостью. Интенция высказывания может быть также явной, эксплицитной, или завуалированной, имплицитной. Эксплицитность / имплицитность речевого намерения зависят в большой степени от целеустановки и мотивов говорящего, от его искренности и прямолинейности выражения замыслов и речевых стратегий и от планируемого им результата общения. В каждом конкретном случае общения каждый из коммуникантов имеет свою установку, свой замысел и тактики реагирования в речевой интеракции.

Анализируя целевую структуру высказывания, О.С. Иссерс вычленяет два типа целей: первостепенные, ради которых затевается коммуникация, которые выявляют стратегически значимые единицы и в результате позволяют понять, о чем общение; второстепенные — производные от разных мотивов человеческой деятельности. Второстепенные цели могут быть связаны:

- с самовыражением, моральными нормами говорящего, его самооценкой;
- с эффективным взаимодействием коммуникантов;
- с отражением стремления говорящего сохранить и приумножить значимые для него ценности;
- с желанием говорящего управлять ситуацией, избежать отрицательных эмоций.

«Если первостепенные цели инициируют коммуникативный процесс и управляют речевыми действиями, то второстепенные служат своего рода границами, которые определяют вербальный выбор, тип речевого поведения. В частности, можно предположить, что существуют релевантные приемы, способствующие ужесточению или смягчению давления на говорящего, усиленной самоподаче, положительному эмоциональному настрою и т.п.» [Иссерс 2003: 58—60].

Можно выделить разные основания для описания интенций:

- по степени приоритетности реализуемого коммуникативного намерения в высказывании — прямые и косвенные;
- по степени репрезентации интенции в высказывании — эксплицитные и имплицитные;

- по характеру порождаемых действий коммуникантов — практические и ментальные;
- по степени эмоционального воздействия — благоприятные и неблагоприятные;
- по характеру продуцируемого речевого произведения — репликообразующие и дискурсо-текстообразующие.

Наряду с интенцией отдельного высказывания ведутся исследования интенции целого текста (интенциональный анализ текста). Подчеркивается, в частности, текстообразующая функция интенции и возможность классификации текстов по преобладающей интенции, по определенности / неопределенности, выраженности / сокрытости интенции в тексте и т.д.

При реализации интенционального плана высказывания большое значение имеет степень интенсивности выражаемой интенции (*требовать*, *умолять* сильнее, чем *просить*; *клясться* сильнее, чем *обещать*; *изничтожать* сильнее, чем *упрекать* и *порицать*), а также интонация. Особенно важна интонация при (де)кодировании значений таких высказываний, которые могут иметь двойное прочтение и получают ситуативную однозначность с помощью различных интонационных моделей: *Я тебе дам...* — обещание и *Я тебе дам!* — угроза; *Что это такое?* — вопрос и *Что это такое!* — возмущение; *Что ты говоришь?* — переспрос и *Что ты говоришь!* — удивление [Формановская 2000: 31].

Необходимо обратить внимание, что в прагмалингвистике существуют два термина, которые не следует отождествлять, — *интенция* и *интенциональность*. Содержание этих понятий соотносимо, однако понятие интенциональности более объемно. В философии интенциональность понимается как «свойство сознания, благодаря которому его состояния характеризуются как имеющие содержание, заключающее в себе информацию о чем-то, что находится вне сознания, и как включающие определенный вид установки по отношению к этому содержанию» [Lyons 1995 — цит. по: Кобозева 2003]. Дж. Серль — один из создателей теории речевых актов, — следуя философской традиции, разграничивает интенцию и интенциональность, отмечая: намерение сделать что-то является лишь одной из форм интенциональности наряду с верой, надеждой, страхом, желанием и т.п.

Понятие интенциональности используется и в трудах по функциональной грамматике А.В. Бондарко, где с понятием интен-

циональности связывается использование грамматических значений в их отношении к речевому смыслу.

Термин *интенция* ввели в современную лингвистику последователи Дж. Остина, одного из создателей теории речевых актов, с которой в основном и связывается понятие интенции. Способность выражать свои интенциональные состояния, а также заботиться о том, чтобы другие узнавали эти ментальные состояния, образует форму речевого акта. Таким образом, язык оказывается вторичным по отношению к интенциональности. Способность к интенциональным состояниям более фундаментальна, чем язык [Серль 1987].

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

- Как соотносятся язык и речь, высказывание и предложение, текст и дискурс?
- Почему дискурс является одним из ключевых понятий в коммуникативной лингвистике?
- Дайте определение прагматики. Сопоставьте известные вам определения.
- Как и когда происходило становление науки?
- Каковы основные задачи прагмалингвистики?
- Каковы главные постулаты прагмалингвистики?
- Прокомментируйте определение Л. Витгенштейном «значения как употребления в языке».
- Дайте определение *коммуникативной ситуации*. Какова ее структура?
- Что такое *коммуникативная компетенция*?
- Какова роль фактора адресата в структуре коммуникативной ситуации?
- Что обозначает термин *интенция*? Каково соотношение понятий *интенция* и *интенциональность*?

ЗАДАНИЯ ДЛЯ УГЛУБЛЕННОЙ ПРОРАБОТКИ

- Какое место прагмалингвистика занимает в системе наук? В чем проявляется интегральный характер науки?

- Ознакомьтесь со вступительной статьей Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой «Истоки, проблемы и категории прагматики» к сборнику «Новое в зарубежной лингвистике», выпуск 16.
- На основе представленного авторами обзора охарактеризуйте этапы прагматизации понятия *значение*.
- Охарактеризуйте понятие *дейксиса*. Почему изучение дейксиса стало одной из классических задач прагматики?
Как осуществлялось формирование прагматики дискурса?
Чья концепция дала основу этому направлению?
- Прочитайте работу Л. Витгенштейна «Философские исследования» в сборнике «Новое в зарубежной лингвистике», выпуск 16.
Что понимает автор под языковой игрой?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. № 4. М., 1981. С. 356—367.
2. *Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 3—43.
3. *Богданов В.В.* Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В.В. Богданов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.
4. *Витгенштейн Л.* Философские исследования / Пер. с нем. С.А. Крылова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 79—128.
5. *Кобозева И.М.* Лингво-прагматические аспекты анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 2003. <http://evartist.narod.ru>.
6. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
7. *Менджерщицкая Е.О.* Термин «дискурс» в современной зарубежной лингвистике // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М.: Филология, 1997.
8. *Сусов И.П.* Прагматическая структура высказывания // Языковое общение и его единицы. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1986. С. 7—11.
9. *Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002.

2. ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ КАК ЦЕНТР ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ

- Истоки теории речевых актов
 - Особенность теории речевых актов
 - Основная единица общения в свете теории речевых актов
 - Проблемы и противоречия теории речевых актов
-

2.1. ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Усиление коммуникативно-прагматического подхода к исследованию лингвистических проблем привело к возникновению ряда активно функционирующих в настоящее время коммуникативно-деятельностных теорий языка.

В первую очередь, это теория речевых актов (теория речевых действий), которая составляет ядро прагмалингвистики. Развивалась эта теория первоначально в философии языка и прагматически ориентированной общей теории деятельности, а затем и в ряде направлений лингвистики.

Как отмечает И.М. Кобозева, словосочетание *теория речевых актов* (ТРА) используется в широком и узком смыслах. В первом случае оно обозначает любой комплекс идей, направленных на объяснение речевой деятельности, и является синонимом теории речевой деятельности [Кобозева 1986]. Еще в 20—30-х гг. выдающиеся отечественные ученые Е.Д. Поливанов, Л.В. Щерба, Л.П. Якубинский, А.М. Пешковский, М.М. Бахтин использовали понятие деятельности в качестве объяснительного принципа при изучении языка как системы. Однако сама речевая деятельность не была предметом пристального изучения со стороны лингвистов. Поэтому вполне закономерен интерес исследователей к попытке построения общей или частной теории речевой деятельности.

Во втором случае оно выступает как название одной конкретной теории (англ. термин *theory of speech acts*), авторы которой Джон Л. Остин (1962) и Джон Р. Серль (1969, 1975 и др.) развивают идеи лингвистической философии позднего Л. Витгенштейна. В этой теории дается систематическое представление того, как можно действовать посредством слова (по Остину, *how to do things with words*).

М. Фреге, Б. Рассел, ранний Л. Витгенштейн были убеждены, что понимание структуры языка может пролить свет на природу действительности; они развивали так называемую *референциональную теорию значения*. Тракуя язык как «проективное изображение» реальности, они считали, что существует целый ряд слов, так называемых простых символов, значение которых сводится к референции — указанию на объект. Предложения, включающие эти слова, могут быть истинными или ложными в зависимости от их соответствия или несоответствия фактам действительности.

Дж. Остин оспорил тезис о том, что предложение может только «описывать» положение вещей или «утверждать нечто о каком-то факте» и быть либо истинным, либо ложным. Он показал, что употребляемые нами фразы часто имеют совершенно иное назначение: мы можем отдавать приказы, приносить извинения, давать обещания, выдвигать предположения, предупреждать кого-то, порицать, приветствовать — словом, использовать язык для совершения разнообразных действий. Такие высказывания-действия (например, *Вы уволены, Собрание откладывается, Завещаю наручные часы старшему брату*) Дж. Остин назвал *перформативами*. Их отличает то, что они не могут быть ни истинными, ни ложными; кроме того, подобные высказывания не описывают наших действий и не утверждают, что мы что-то делаем; самим актом их произнесения мы производим действия. Например, поблагодарить кого-то и означает произнести слова благодарности, открыть собрание и означает произнести: «Объявляю собрание открытым». Эти идеи были изложены Дж. Остином в курсе лекций, прочитанном в Гарвардском университете в 1955 г. и опубликованном в 1962 г. под названием «Слово как действие». Впоследствии они были развиты Дж. Серлем в монографии «Речевые акты» и ряде статей. В обсуждении идей Дж. Остина принял участие и известный английский логик П.Ф. Стросон.

ТРА привлекает внимание ученых оригинальной моделью коммуникативной ситуации. Традиционно включая такие компоненты, как говорящий, слушающий, высказывание, обстоятельство,

модель в ТРА включает в себя также цель и результат речевого действия. Как считают некоторые исследователи, серлевский подход дополняет и популярную модель речевой коммуникации Пражской школы и Р.О. Якобсона. Последняя не содержит компонента *цель*, хотя целевой аспект речевой коммуникации постоянно подчеркивался Пражской школой как один из основных в рамках их парадигмы. В то же время цель приравнивалась к функции языковых средств, собственно же прагматический аспект долгое время оставался за кадром.

Работы же Грайса, Стросона и Серля открыли новое направление, которое иногда называют *интенционализмом*, поскольку они учитывают исходную интенцию (намерение, субъективное значение) говорящего и интерпретацию (в меньшей степени) слушающего, воздействие на него.

«Подход к речевому акту как способу достижения человеком определенной цели и рассмотрение под этим углом зрения реализуемых им языковых средств — главная особенность ТРА <...>. Интересы развития собственной науки и задачи, поставленные перед ней практикой, заставили лингвистов искать ответ на вопрос о том, каков механизм использования языка для достижения многообразных целей, возникающих в ходе социального взаимодействия людей» [Кобозева 1986: 13].

ТРА постулирует в качестве основных единиц человеческой коммуникации многоплановые по своей структуре определенные речевые действия, выступающие в качестве носителей определенных коммуникативных заданий и направленные на достижение определенных эффектов, которые обычно распознаются по действенной или эмоциональной реакции адресата.

2.2. СТРУКТУРА РЕЧЕВОГО АКТА

Речевой акт — это высказывание, «порождаемое и произносимое с определенной целью и вынуждаемое определенным мотивом для совершения практического или ментального (как правило, адресованного) действия с помощью такого инструмента, как язык / речь» [Формановская 2000: 111].

Речевой акт — это «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принятыми в данном обществе нормами коммуникации [Стилистический... 2003: 351].

Речевой акт — это сложное образование, состоящее из трех одномоментных фаз, уровней, актов: локутивного, иллокутивного, перлокутивного.

- **локутивный акт** — акт произнесения; построение высказывания по правилам грамматики данного языка.
- **иллокутивный акт** — придание целенаправленности локутивному акту, выражение коммуникативной цели.
- **перлокутивный акт** — возможные последствия произнесенного высказывания, реакция на речевое действие.

Согласно другой точке зрения, учитывающей позицию Дж. Серля, наряду с локутивным актом (или вместо него) в структуру речевого акта включается **пропозициональный акт**, подразделяющийся на акты референции, т.е. отнесения к миру, и акты предикации, т.е. высказывания о мире.

Так, локутивный аспект высказывания *Здесь темно* сводится к тому, что это безличное предложение, распространенное обстоятельством места, произнесенное с нейтральной интонацией и т.д. В иллокутивный аспект включается интенция. Она может состоять, например, в том, чтобы побудить слушающего включить еще одну лампочку или перейти в более светлое помещение. Кроме интенции, к иллокутивному аспекту относятся различные условия речевого акта (в частности, что и говорящий, и слушающий должны находиться в малоосвещенной комнате, оба говорить на русском языке и т.д.). Перлокутивный аспект включает соотнесение речевого акта с его результатом, т.е. выяснение того, действительно ли говорящему удалось побудить слушающего включить дополнительный источник света.

Основное внимание в ТРА уделяется структуре иллокутивных актов и их классификации. Иллокутивный акт непосредственно связан с понятием интенции. Именно определение интенции позволяет достичь более высокой точности в описании иллокуции и иллокутивной функции — второго уровня анализа высказывания (наряду с первым уровнем — локуцией и третьим — перлокуцией).

Иллокутивный акт — это целенаправленное действие, которое совершается говорящим посредством произнесения некоторой фразы (мы можем убеждать кого-то, просить, обвинять, настаивать). Если иллокутивный акт является интенциональным действием, то для понимания соответствующего высказывания необходимо привлечь понятие «намерения говорящего»: что имел

в виду говорящий, употребляя данное высказывание? Намерение говорящего, или интенциональный аспект высказывания, является, по терминологии Дж. Серля, иллокутивной целью высказывания*. **Иллокутивная цель** — это установка на определенную ответную реакцию адресата, которая сообщается ему в высказывании.

Дж. Серль показал, что иллокутивные акты с одним и тем же содержанием могут иметь совершенно различные иллокутивные цели. Так, произнесение следующих выражений:

— *Джон выйдет из комнаты?*

— *Джон, выйди из комнаты!*

— *Если Джон выйдет из комнаты, я тоже выйду,*

является в первом случае вопросом, во втором — просьбой или приказом, в третьем — гипотетическим выражением намерения. Это позволило ввести разграничение между общим содержанием предложения (упоминаемом им также как суждение, или пропозиция) и его иллокутивной целью (функцией). Показателями функции, т.е. параметрами, позволяющими оценить, какой иллокутивный акт совершается при произнесении данного предложения, могут быть, по Серлю, наклонение глагола, перформативные глаголы (*я обещаю, я прошу* и т.д.), интонационный контур, пунктуация, ударение [Серль 1986].

3. Вендлер комментирует понятие иллокутивной цели следующим образом: «Иллокутивная цель речевого акта — это ментальный акт, совершения которого добивается от слушающего говорящий, или ментальное состояние, в которое говорящий намерен привести слушающего. Так, например, если я говорю вам «Я там буду!» и хочу, чтобы вы в это поверили, то речевой акт, который я совершаю — это утверждение или предсказание. Если, кроме того, я хочу, чтобы вы могли положиться на мои слова, то это обещание. Наконец, если мое намерение состоит в том, чтобы вызвать у вас страх по поводу того, что я там буду (поскольку вы, допустим, собираетесь там говорить про меня гадости), тогда это предупреждение. В большинстве случаев мое намерение может быть выявлено из контекста и ситуации. <...> И если вы меня полнос-

* Термин *иллокутивный* используется в ТРА в сочетаниях: *иллокутивная цель, функция, сила*. Как правило, подразумевается характер воздействия на адресата с помощью высказывания, наделенного интенциональным значением [см. Формановская 2002: 112].

тью понимаете, то вы знаете, какой иллокутивной цели я стремлюсь достичь» [Вендлер 1985: 243].

В данном комментарии вполне очевидно подчеркивается, что для совершения интенционального действия посредством произнесения некоторых звуков недостаточно одного только намерения осуществить это действие. Учитывая подобные обстоятельства, Дж. Серль в статье «Что такое речевой акт» [Серль 1986] представляет иллокутивный акт как конвенциональное действие. Заменяя понятие *конвенции* понятием *правила*, автор статьи стремится показать, что иллокутивный акт есть действие, подчиняющееся правилам. Необходимо воспользоваться именно теми словами и выражениями, которые обычно используются в обществе для осуществления определенных воздействий. «Скажите *Здесь холодно*, имея в виду *Здесь тепло*», — озадачивает читателя Л. Витгенштейн [Витгенштейн 1985]. Причина, по которой этого сделать нельзя, заключается в том, что в случае неадекватного и расходящегося с конвенцией использования языка намерение говорящего не имеет шанса быть распознанным слушающим. Таким образом, возможность осуществления действий при помощи слов — вопрос не только интенций, но и конвенций.

Значение произносимого высказывания и характер совершаемого посредством него действия определяется:

- тем, с каким намерением употребляет говорящий это высказывание;
- тем, каковы конвенции употребления языка для осуществления именно этого типа намерений.

Конвенциональный аспект иллокутивного акта включает и тот контекст, в котором употребляется высказывание. Только в соответствующей ситуации, в соответствующих условиях произносимые нами фразы могут быть восприняты в том смысле, который нами подразумевается, и быть эффективными для совершения задуманных нами действий. Например, для того, чтобы имела силу фраза *Объявляю вас мужем и женой*, необходимо, чтобы она как минимум была произнесена в ситуации бракосочетания; бессмысленно просить кондуктора проверить билеты, если очевидно, что он и так это сделает. Иными словами, для того чтобы последовательность звуков была воспринята окружающими как предупреждение, обещание, совет, просьба, необходимо существование в этом обществе некоторых конвенций употребления, или *правил*, по Дж. Серлю.

Однако практика эмпирических исследований языка показывает, что наборы конститутивных правил Дж. Серля часто оказываются недостаточными для того, чтобы точно распознать тип иллюкутивного акта, они не вмещают всего многообразия связей между значением и контекстом.

2.3. СПЕЦИФИКА ПЕРФОРМАТИВНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

ТРА формировалась на базе наблюдений исследователей над особым типом высказываний, которые при своем осуществлении оказываются действием по названному: *Обещаю вам* — действие обещания; *Прошу вас* — действие просьбы; *Клянусь вам* — действие клятвы.

Первым обратил внимание на это явление Э. Бенвенист. В 1958 г. им была опубликована статья «Делокутивные глаголы», в которой он проанализировал употребление в разных индоевропейских языках глаголов *клянусь, обещаю, приветствую, благодарю*, которые в форме первого лица настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога не только обозначают, но выражают соответствующее действие. Э. Бенвенист назвал эти глаголы делокутивными — «отфразовыми» [Формановская 2002: 123].

В 1962 г. в статье «Слово как действие» Дж. Остин проанализировал глаголы подобного типа, а вскоре и высказывания-действия. Глаголы получили название **перформативных**, а высказывания с использованием этих глаголов — **перформативов** [см.: Остин 1986; Апресян 1986; Богданов 1983; 1990; Романов 1984; Сусов 1980; Падучева 1985; Коул 1982 и др.]. Таким образом, то, что было намечено Э. Бенвенистом, получило широкий отклик в лингвистических кругах.

Перформатив представляет собой «речевой акт в прагматических координатах непосредственного общения «я — ты — здесь — сейчас»: *Приветствую вас, Советую не делать этого, Прошу вас* и др.» [Формановская 2002: 123].

Перформативное высказывание может быть эксплицитным и имплицитным. Идеальному эксплицитному перформативному высказыванию присущи следующие характеристики [Богданов 1985: 19; 1990: 59—61]:

- *эквивалентность* (равнозначность действию — главное свойство перформативов);
- *неверифицируемость* (неприложимость к перформативам критерия истинности / ложности, так как перформативное высказывание истинно в силу самого его произнесения);
- *автореферентность* (перформативное высказывание отсылает к самому себе);
- *автономинативность* (перформативный речевой акт описывает себя);
- *эквипаральность* (совпадение времени перформативного глагола с моментом речи);
- *компетентность* (наличие полномочий у говорящего);
- определенная *лексическая и грамматическая выраженность* (перформативный глагол должен быть в первом лице единственного числа настоящего времени, первый актант — выражаться дейктическим элементом первого лица единственного числа *Я обещаю* и т.п.).

Такая идеальная форма перформативного высказывания довольно редко встречается в реальной практике языкового общения.

В имплицитном перформативном высказывании перформативная рамка актуализуется посредством косвенно выраженной интенции. Так, высказывание *Еще чего!* естественно воспринимается как отказ, следовательно, для него актуальна перформативная рамка — *Я отказываю тебе*. Следует иметь в виду и то, что не все типы высказываний могут быть выражены посредством эксплицитного перформатива: *Ты у меня еще увидишь!* является угрозой, но вряд ли кто-то скажет *Я угрожаю тебе*. Это справедливо в отношении фраз с глаголами *угрожать, насмехаться, льстить, ругать, лгать, похваляться* и т.п. Подобные употребления получили название **иллокутивного самоубийства** [Вендлер 1985], поскольку в семантике таких глаголов, как указывает З. Вендлер, заложен «подрывной фактор». Это элемент, делающий невозможным успешную реализацию речевого акта в случае экспликации перформативного глагола, поскольку одно из условий успешности таких речевых актов — сокрытие говорящим своего коммуникативного намерения. «Нельзя солгать, сказавши *«Я лгу...»*, поскольку человек, который поступает таким образом, требует доверия к тому утверждению, которое он эксплицитно назвал ложным. Если я использую глагол *лгать*, то подрыв речевого акта осуществляется самим глаголом» [Вендлер 1985: 248—249].

В связи с имплицитным выражением перформативности возникла так называемая **перформативная гипотеза**, согласно которой в глубинной структуре практически любого высказывания находится перформативный глагол и его актанты (определяющие тип речевого акта): *Я сообщаю, что...* Тогда единственным различием перформативных и неперформативных высказываний становится только поверхностная экспликация перформативного глагола или трансформативное зачеркивание перформативной формулы. См. работы Дж. Росса, Дж. Сейдока [Богданов 1983: 32—33; 1990: 62—64; Коул 1982: 398—402]. Против этого, и не без оснований, возразили многие ученые, особенно в отношении прямых речевых актов констативного типа и глаголов речевой и мыслительной деятельности [см. подробнее: Макаров 2003: 163—165].

Еще Дж. Остин ввел понятие констатива и провел противопоставление *констатив* — *перформатив*, стремясь показать, что остается за пределами координат «я — ты — здесь — сейчас». Сравним: *Вчера он благодарил его* и *Благодарю вас*. Однако недескриптивным высказываниям, лишенным перформативного глагола, была дана характеристика *имплицитных* перформативов, потому что они отвечают главному критерию перформативности — эквивалентности: высказывания типа *Хорошо!* грамматически не соответствуют эксплицитному перформативу *Я одобряю то, что ты сделал!*, в то время как на уровне действия могут его замещать, выполняя *перформативную функцию* [Макаров 2003].

Явление перформативности имеет ряд типизированных способов выражения в языке. Как уже было отмечено, первичная форма выражения — это высказывание с глагольным предикатом в первом лице настоящего времени изъявительного наклонения, типа: *Приветствую вас, Благодарю вас*.

Характеризуя состав перформативной группы, Н.И. Формановская выделяет ряд функциональных эквивалентов, способных адекватно отражать перформативную ситуацию [Формановская 2002]:

— *семантический перформатив* — наиболее употребительное стилистически нейтральное высказывание, синонимичное перформативному. В нем происходит грамматикализация я-говорящего, момента говорения *здесь* и *сейчас*: *Спасибо* (вместо *Благодарю*), *Виноват* (вместо *Прошу прощения*), *Привет* (вместо *Приветствую*). В подобных высказываниях присутствует

семантический говорящий, семантический момент речи как проекция прагматических координат перформативного речевого акта [Формановская 2002: 133];

- *модальный компонент с бы + инфинитив глагола, способного к перформативному употреблению: Я хотел(а) бы извиниться перед вами (поблагодарить вас, посоветовать вам, поздравить вас и т.д.);*
- *сочетание стерттого императива с перформативным инфинитивом: Разрешите, Позвольте вас поблагодарить (поздравить, попросить и т.д.);*
- *девербативный способ выражения интенции, когда речевой акт фактически назван говорящим: У меня к вам **просьба**... Мой вам **совет**... даю **обещание**...*
- *элиминация ясного из ситуации перформативного предиката, посредством чего пропозициональная часть переводится в интенциональную: С праздником (=Поздравляю с праздником!), Успехов! (=Желаю успехов!).*

Следует, однако, обратить внимание на то, что подобные типизированные способы выражения перформативности связаны с теми или иными классами речевых актов, и следует учитывать ограничения на класс речевого акта, на тип интенции и ситуации при анализе моделей групп речеактовых высказываний с одним интенциональным значением.

2.4. ВОПРОС О КЛАССИФИКАЦИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Дискуссионным вопросом в прагмалингвистике является типология речевых актов. Как отмечает М.Л. Макаров, практически все авторы, занимавшиеся рассматриваемой теорией, пытались построить классификацию типов речевых актов по их иллокутивной направленности, коммуникативному намерению и другим признакам [Макаров 2003].

Первая классификация, построенная на основе анализа около 1000 глаголов, способных к перформативному употреблению, принадлежит Дж. Остину. Создатель теории речевых актов английский философ Дж. Остин выделял такие речевые действия, как вердиктивы (вердикт — приговор), экзерситивы (акты осуществления власти), комиссивы (акты обязательств), бегахитивы (акты

общественного поведения — извинение, ругань и т.д.) и экспозитивы (акты-объяснения типа *Я доказываю, Я признаю*) [Остин 1986: 119]. Однако сам автор ставил под сомнение адекватность классификации речевых актов по перформативным глаголам.

Дж. Серль, разграничивая иллокутивный и пропозициональный компоненты высказывания, учитывая направление приспособления и условия искренности, предложил более стройную классификацию иллокутивных актов в работе «Классификация иллокутивных актов» [Серль 1986: 181—185]:

- 1) репрезентативы или ассертивы, сообщающие о положении дел и предполагающие истинностную оценку: *Х убежден, что А — «Я утверждаю»;*
- 2) директивы, побуждающие адресатов к определенным действиям: *Х оказывает влияние на Y, чтобы Y совершил А — «Я приказываю»;*
- 3) комиссивы, сообщающие о взятых на себя говорящим обязательствах: *Х принимает на себя обязательства совершить А — «Я обещаю»;*
- 4) экспрессивы, выражающие определенную психическую позицию по отношению к какому-либо положению дел: *Х выражает свое психологическое состояние по поводу А — «Я благодарю»;*
- 5) декларации, устанавливающие новое положение дел: *Х, говоря А, делает А фактом — «Я увольняю вас».*

Дж. Серль определил 12 значимых с лингвистической точки зрения параметров, опираясь на которые, можно, по его мнению, обосновать принципы отнесения высказываний к тому или иному классу речевых актов. В более поздней работе «Основные понятия исчисления речевых актов», выполненной совместно с Д. Вандервекеном [Серль, Вандервекен 1986], он и его соавтор выделяют семь опорных различительных признаков речевых актов:

- 1) иллокутивная цель;
- 2) способ достижения иллокутивной цели (приказывать и умолять);
- 3) интенсивность иллокутивной цели (приказывать и советовать);
- 4) условия пропозиционального содержания (предсказание относится к будущему);
- 5) предварительные условия (обещанию предшествует уверенность его выполнить);

- 6) условия искренности;
- 7) интенсивный уровень искренности (торжественное и обычное обещание).

Эта классификация принимается многими исследователями, несмотря на многообразие других типологий. Однако классификация Дж. Серля не покрывает всех типов высказываний, поэтому продолжают многочисленные попытки уточнять существующие классификации и создавать новые [Беляева 1987; Богданов 1990; Дорошенко 1986; Забавников 1984; Романов 1988 и мн. др.]. Проведя сопоставительный анализ классификаций, Н.И. Формановская считает, что исследователи исходят из разной степени абстракции при выделении той или иной группы речевых актов и устанавливает обобщенный минимум из семи классов речевых актов [Формановская 2002: 117]:

- 1) репрезентативы — сообщения;
- 2) комиссивы — обязательства;
- 3) директивы — побуждения;
- 4) рогативы — вопросы;
- 5) декларативы — объявления;
- 6) экспрессивы — выражения эмоций;
- 7) контактивы — выражения речевого этикета.

Однако следует иметь в виду, что речевые действия неоднородны и имеют сложную природу. Например, в разряде комиссивов выделяется четыре разновидности речевого акта обещания: нейтральное обещание, обещание-уверение, обещание-уступка, клятвенное обещание [Восканян 1985: 8–9].

В научной литературе обозначено два полярных подхода к классификации речевых актов. Т. Балльмер и В. Бренненштуль считают, что классификация речевых актов строится на основании глаголов, называющих соответствующие речевые акты. В работе немецких исследователей 4800 глаголов речевых актов группируются под рубриками четырех видов речевой деятельности — экспрессия, обращение, интеракция, дискурс. По мнению же Й. Майбауэра, семантический анализ глаголов речевых актов и классификация самих речевых актов совершенно независимы друг от друга. Э. Вайганд занимает промежуточную позицию, полагая, что названные подходы не тождественны, но и не изолированы друг от друга [см. Карасик 1992].

В рамках классификации по характеру иллокутивной цели речевого акта принципиальным и весьма существенным с теорети-

ческой точки зрения является разграничение **коммуникативных** и **конвенциональных** иллокутивных актов, на что указывает М.Л. Макаров. К конвенциональным актам относятся разнообразные ритуализованные речевые действия: крещение, посвящение, голосование, арест, признание виновным и невиновным, бракосочетание, подача в отставку, запрещение.

В целом, конвенциональные речевые акты обусловлены социальным институтом. Высказывания такого рода меняют институциональный статус людей и/или вещей, создают новые институциональные права и обязанности. Успешно осуществить конвенциональный речевой акт может не любой человек, а только исполнитель соответствующей социальной роли, произнеся высказывание в соответствующий момент конвенционального, ритуализованного события, например, церемонии бракосочетания, присяги. «Знания об этих актах входят в коммуникативную компетенцию всех «нормальных» носителей языка, — отмечает М.Л. Макаров, — что подтверждается способностью каждого из нас правильно интерпретировать подобные речевые акты независимо от нашего личного опыта участия или неучастия в таких ритуалах» [Макаров 2003: 168].

В исследованиях по таксономии речевых актов представлены классификации, основанные не только на изучении иллокутивной силы речевого акта. Выделяется ряд иных оснований, на которых базируются другие классификации.

- По степени эксплицитности / имплицитности выражаемой интенции различаются **прямые** (первично перформативные) и **непрямые** (косвенные) речевые акты.
- По характеру выражаемого сообщения речевые акты делятся на **информативные** (*констативные и неконстативные*) и **неинформативные**.
- По признаку статусных отношений коммуникантов речевые акты могут быть разделены на два класса. В.И. Карасик выделяет **статусно-маркированные** (приказы, требования, просьбы, мольбы, предписания, запреты и др.) и **статусно-нейтральные** (утверждения, повествования, описания). Статусно-маркированные речевые акты могут быть далее разделены на статусно-фиксированные (с заданной позицией адресата) и статусно-лабильные речевые акты (в которых статусный вектор зависит от ситуации общения) [Карасик 1992].

- По характеру социально-коммуникативных взаимодействий партнеров Дж. Лич выделяет четыре класса: 1) **конкурирующие** речевые акты — иллокутивная цель конкурирует с социальным равновесием (жесткие требования, приказы и др.); 2) **праздничные** речевые акты — иллокутивная цель говорящего совпадает с социальными целями (благодарность, поздравление и др.); 3) **сотрудничающие** речевые акты — иллокутивная цель говорящего безразлична к социальной цели (сообщения, инструкции и др.); 4) **конфликтные** речевые акты — иллокутивная цель говорящего в конфликте с социальными целями (угрозы, обвинения и др.).

Крекель классифицирует речевые акты по трем признакам: 1) ориентация на говорящего либо на слушающего; 2) ориентация на когнитивную, интерактивную или акциональную сферу; 3) ориентация на настоящее, прошлое или будущее. Так, обвинение относится к речевым актам, ориентированным на слушающего, на интерактивную сферу, на прошлое, а обещание признается ориентированным на говорящего, на акциональную сферу, на будущее [см. Карасик 1992].

По мнению В.И. Карасика, пересечение различных классификационных аспектов позволяет выделить три области описания: 1) речевые акты, имеющие глагольные корреляты-названия; 2) речевые акты, не имеющие особых глагольных коррелятов-названий и обозначаемые развернутыми описаниями; 3) поведенческие акты, имеющие глагольные корреляты-названия и выходящие за пределы собственно речевых актов. Слова с признаком социального статуса человека в значении относятся к поведенческим актам, отраженным в лексической семантике, а поведенческие акты включают речевые акты [Карасик 1992].

2.5. ПОНЯТИЕ КОСВЕННОГО РЕЧЕВОГО АКТА

Принято различать *прямые* и *непрямые* косвенные речевые акты. Прямым речевым актом называют производство и произнесение такого высказывания, в котором однозначно выражается его иллокутивная сила: *Скажите, пожалуйста, который час? Просьба покинуть помещение* и подобные.

Косвенный речевой акт предполагает имплицитное выражение истинного коммуникативного намерения говорящего. Расшифровка этого намерения, вычленение интенционального смысла высказываний в ситуации общения лежит в зоне коммуникативной компетенции носителей языка и общей способности к восприятию информации коммуникантами. Приобретение коммуникативной компетенции участником речевого общения предопределяет и умение распознавать интенциональный смысл.

Феномен косвенного речевого акта представляет непосредственный интерес для исследователей в области прагмалингвистики. Не всегда по внешней форме высказывания можно судить о том, что имеет в виду говорящий. Именно косвенный речевой акт является наглядной иллюстрацией определения прагматического значения как формулы *говорящий хочет сказать* (the speaker means). Г.П. Грайс интерпретирует это выражение через намерение говорящего определенным образом воздействовать на слушающего, заставив его при этом узнать свое намерение [цит. по: Арутюнова 1981: 356].

Английская версия стихотворения Вольтера, приведенная в статье Н.Д. Арутюновой «Фактор адресата», достаточно ярко демонстрирует действие указанной формулы прагматического значения и отчасти объясняет механизмы возникновения косвенных речевых актов:

*When a diplomat says "yes"
He means "perhaps";
When he says "perhaps"
He means "no";
And when he says "no"
He is no diplomat.*

*When a lady says "no"
She means "perhaps";
When she says "perhaps"
She means "yes";
And when she says "yes"
She is no lady.*

(Перевод: когда дипломат говорит *да*, он хочет сказать *может быть*; когда он говорит *может быть*, он хочет сказать *нет*, а если он говорит *нет*, он не дипломат; когда леди говорит *нет*, она хочет сказать *может быть*; когда она говорит *может быть*, она хочет сказать *да*, а если она говорит *да*, она не леди).

Понятие косвенного речевого акта (далее КРА) основывается на противопоставлении первичного (буквального) и вторичного (коммуникативного) значений языковой формы. Проблема КРА, как ее сформулировал Дж. Серль, «заключается в выяснении того,

каким образом говорящий может с помощью некоторого высказывания выражать не только то, что оно непосредственно означает, но и нечто «иное». КРА имеет место в том случае, «когда один иллокутивный акт осуществляется путем осуществления другого». Классическим примером косвенного речевого акта стало косвенное выражение просьбы посредством вопроса: *Можете ли Вы передать соль?*, приведенное в работе Дж. Серля «Косвенные речевые акты» [Серль 1986а]. В данном случае имеет место своеобразная прагматическая транспозиция. Так, вопросительные предложения в своей первичной функции служат запросу информации. Но они же могут выражать констатацию (*Ты еще здесь?*), просьбу (*Ты не можешь принести мне книгу?*), приглашение (*Ты не хочешь сходить со мной в кино?*) и т.п.

Как правило, используя косвенный речевой акт, говорящий намеревается дать понять слушающему, с какой целью к нему обращаются, причем он намеревается это сделать путем побуждения слушающего к опознанию его намерения. С точки зрения Р. Конрада, решающую роль для интерпретации высказывания играют ситуация общения, наличие «схем поведения» с «некоторой заранее заданной иерархией целей» [Конрад 1985]. Это значит, что, используя косвенный речевой акт, говорящий рассчитывает на коммуникативную компетенцию слушающего, а также на конвенции — «неписанный договор, установления, принятые в данном сообществе» [Формановская 2002: 118].

Существуют два подхода к объяснению феномена косвенных речевых актов. Один из них называют идиоматическим, а другой — инференционным. Представителем первого направления является Дж. Сейдок, второго — Д. Гордон и Дж. Лакофф [см. подробнее: Макаров 2003: 168—169]. Один рассматривает косвенные речевые акты типа приведенного выше примера как неразложимые идиомы, семантически эквивалентные обычной побудительной форме. Второй подход использует систему постулатов, позволяющих строить инференционную цепочку от исходной формы речевого акта к его функциям. Отличия идиоматического и инференционного подходов к решению проблемы косвенных речевых актов можно объяснить разным пониманием роли *конвенции* в коммуникации.

Исправляя эту неточность, о двух типах конвенции в косвенных речевых актах пишет Дж. Морган [Morgan 1978; цит. по: Макаров 2003: 168—169]: **конвенции языка** заметно отличаются от **кон-**

венций употребления. Высказывание *Can you pass the salt? (Не могли бы вы передать соль?)* не может рассматриваться как идиома в собственно грамматическом смысле (конвенция языка), однако его использование для косвенного выражения просьбы безусловно конвенционально, т.е. опривычено и обычно для употребления в повседневной речи, всегда характеризующейся определенной долей ритуализации.

Таким образом, выделяются два типа косвенных речевых актов: конвенциональные и контекстуально-ситуативные (по терминологии Н.И. Формановской).

Типичным примером **конвенциональных косвенных речевых актов** в русском языке является употребление вопросительных предложений (особенно с отрицанием) в качестве просьбы. Как отмечается в работе Т.В. Булыгиной и А.В. Шмелева, «использование конструкции *Нет ли у вас X?* настолько конвенционализировано в русском языке как способ выражения просьбы, что невозможным оказывается употребление таких предложений в функции вопроса. Аномальными выглядели бы, например, вопросы анкеты: *Нет ли у вас детей?*; *Нет ли у вас правительственных наград?* и т.п.» [Булыгина 1997: 287].

Вопросительное же предложение без отрицания содержит именно вопрос. Для интерпретации его в качестве просьбы или другого речевого акта требуется определенный контекст. В этом отношении показателен пример Е.А. Земской: *Я вчера купила масло, рыбу, кефир. Будешь готовить рыбу? — Мне некогда, мне заниматься надо. — Как хочешь. Не готовь. А рыба неплохая. Морской окунь без головы. — Я же тебе говорю: у меня все время уходит зря. — А я тебя и не прошу готовить. Я только спросила: «Будешь готовить рыбу?» Ты различаешь вопрос и просьбу?* [Земская 1988: 39].

К конвенциональным косвенным речевым актам могут относиться и распространенные этикетно-закрепленные формы общения. В некоторых сообществах косвенные речевые акты существенным образом ограничивают спонтанную речь говорящего, у индейцев оджибва не принято вербально выражать просьбу, адресат должен догадаться об этом сам, поэтому определенные темы в разговоре избегаются, чтобы не возникло предположение о просьбе [Nunes 1986; цит. по: Карасик 1992].

Контекстуально-ситуативным косвенным речевым актом является речевой акт, который в изолированном от контекста виде не распознается носителями языка со стороны того интенциональ-

ного значения, ради которого произведен речевой акт: *В гостиной у выключенного телевизора тихо сидела свекровь № 2. Нина Андреевна выглядела усталой и расстроенной. — Почему сериал не смотрите? — бодро осведомилась я. — Старуха вздохнула: — Сегодня годовщина смерти мужа. В этот день всегда настроение на нуле. Да еще на кладбище не попала. — Почему? — Да как из вашего Ложкина выехать? Ни метро, ни автобуса, только на машине, если кто подвезет...* — Собирайтесь, поедem на могилу к Андрею Федоровичу (Донцова). Выделенную реплику говорящего в отрыве от контекста можно интерпретировать, например, как сообщение, где целью говорящего является сообщить, информировать, что из Ложкина никак не выбраться; или целью может явиться обсуждение проблемы (не на чем поехать: нет метро, автобусов) и поиск решения (только на машине, если кто подвезет). Но вне коммуникативной ситуации, которая явно представлена в контексте посредством описания внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, невозможно интерпретировать цель говорящего как просьбу.

Следует отметить, что иногда в научной литературе под **косвенными** речевыми актами понимаются именно конвенциональные, а другие не прямые высказывания считаются **транспонированными**. По мнению М.Л. Макарова, четкой границы между конвенциональными и неконвенциональными косвенными речевыми актами не существует, зато есть немало переходных случаев. Так, единичное употребление косвенного высказывания может развиться в конвенциональное, пройдя все стадии ритуализации в речевой деятельности и став «фоновым знанием» [Макаров 2003].

Косвенный речевой акт может рассматриваться и как особая речевая стратегия, именуемая стратегией намека, которая заключается в том, что производимый иллокутивный речевой акт предназначается для выполнения вспомогательной роли в осуществлении другого иллокутивного акта. Здесь уместно привести пример использования пассажирами вопроса *Вы выходите?* для побуждения адресата к действию, анализируемый Р. Конрадом [Конрад 1985]. Автор приходит к заключению, что косвенных речевых актов не существует как таковых, что «под косвенными речевыми актами имеются в виду потенциальные, пропущенные, воображаемые, а не реальные речевые акты». Вопрос воспринимается адресатом как своего рода «разведка», за которой должен

быть совершен следующий шаг — выражение собственно побуждения совершить действие, об условиях успешности выполнения которого запрашивалось в высказывании. Адресат, воспринимая высказывание, отражающее первый шаг в осуществлении речевого намерения говорящего, предвидит и второй шаг. Далее, действуя по принципу вежливости, адресат реагирует уже на второй шаг, когда адресат выполняет действие, которое не названо, но на которое намекает высказывание. Известно, что обычной реакцией на вопрос *Вы выходите?* (при отрицательном ответе) служат действия адресата, который освобождает путь к выходу.

Многими лингвистами отмечается, что косвенное высказывание употребляется в целях создания социально благоприятного климата общения. Соблюдение речевого этикета эффективно обеспечивает взаимопонимание коммуникантов.

И.М. Кобозева считает, что в широком смысле косвенным можно назвать не только речевой акт, но и невербальный, действительная цель которого не выражена явно. При такой трактовке вставание одного из собеседников из-за стола можно рассматривать как косвенный коммуникативный акт информирования адресата о том, что разговор окончен. В этом смысле к косвенным речевым актам можно отнести намеки, аллюзии, инсинуации и тому подобные способы непрямого информирования (см. подробнее: [Кобозева, Лауфер 1988]).

Употребление косвенного речевого акта дает возможность говорящему успешно варьировать языковую реализацию своих намерений и достигать понимания у слушающего. Нередко предпочтение отдается именно косвенным высказываниям. Как отмечают исследователи, это объясняется:

- емкостью и экономностью высказываний такого типа;
- повышением этикетности речевого общения, созданием приятной, вежливой атмосферы, что обеспечивает адресату большую степень свободы реагирования;
- способностью создавать иронический эффект, обусловленный не только семантикой самого высказывания, но также фоновыми знаниями и условиями общения.

В реальной коммуникации прямая передача смысла и косвенное выражение интенции говорящего могут переплетаться, что часто затрудняет интерпретацию речевого акта и принятие тех решений, к которым приходят люди в процессе общения.

2.6. КРИТИКА ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Итак, выделение речевого акта как объекта прагмалингвистики сыграло выдающуюся роль в формировании современной научной парадигмы.

Теория речевых актов позволяет проводить детальный анализ коммуникативной ситуации, выделяя ее существенные характеристики: информативность / неинформативность, официальность / неофициальность общения, зависимость / независимость автора от адресата и наоборот, постоянный / переменный статус говорящего и адресата, констативная / перформативная ситуация, эксплицитная / имплицитная перформативность, эмоциональное / рациональное воздействие на адресата и др.

С разработкой теории речевых актов для исследователей открываются перспективы, обзор которых в контексте современной зарубежной лингвистической литературы представлен в статье В.З. Демьянкова «Теория речевых актов» [Демьянков 1986]. Автор выделяет ряд направлений для дальнейших прагмалингвистических исследований, в частности:

- возможность выхода за пределы материала, обрабатываемого чисто лингвистическими методами;
- объяснение и описание стратегий речевого воздействия;
- установление таких структур и правил их преобразования, которые бы позволили, исходя из интерпретации составных частей речевого общения, получить интерпретацию целого;
- объяснение механизмов формирования связного дискурса;
- объяснение связи между ясностью выражения и эффективностью воздействия;
- выработка таксономии речевых средств и метаязыка для лексикографического описания;
- исследование перлокутивного акта;
- установление отношения между репертуаром актов высказывания на конкретном языке, с одной стороны, и иллокутивными актами универсального характера — с другой.

В практике преподавания иностранных языков, русского языка как иностранного на основе коммуникативной методики опора на речевой акт способствует оптимизации обучения учащихся и дополнительной мотивировке изучения языка как инструмента общения.

Однако ТРА, изначально не претендовавшая на создание концептуального аппарата прагматики, обнаруживает ряд слабых мест. В статье Д. Франк «Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике» представлен комментарий недостатков этой теории, которые обнаруживаются «по мере ее приложения к эмпирическим данным речевого взаимодействия» [Франк 1986: 363].

- ✓ *Сложность сегментации речевого потока на единицы, соответствующие речевым актам.* Большинство примеров в работах по теории речевых актов представляют собой предложения. Однако отождествление речевого акта с предложением противоречит фактам речи: речевые акты часто осуществляются посредством либо группы предложений, либо части предложения. Таким образом, теория речевых актов занимается не высказываниями, а их типами, не реальными процессами мыслительной деятельности, а элементами знаний, лишь предположительно приносимыми в речь [Макаров 2003].
- ✓ *Множественность функций одного высказывания.* В реальном общении с помощью одного высказывания говорящий может осуществлять не одно, а сразу несколько действий. Поскольку многие высказывания полифункциональны, автор выражает сомнение в необходимости соотносить каждое высказывание с типом речевого акта из фиксированного и узкого репертуара.
- ✓ *Неполнота таксономий речевых актов.* Нет единого набора критериев, который позволил бы всем исследователям речи одинаково вычленивать и охарактеризовать сегменты, одним и тем же формальным единицам придать одинаковые функции. Произвольность определения функций заставляет усомниться в универсальности таксономии. Как правило, эти таксономии оставляют вне поля зрения речевые действия, связанные с «организационным аспектом» взаимодействия коммуникантов. Примером таких речевых действий могут быть реплики, служащие для начала разговора или переключения его тематики, или короткие фразы, с помощью которых участники диалога выражают интерес и готовность продолжать слушание.
- ✓ *Недостаточность определения направленности речевых актов в терминах намерений исключительно говорящего.* Человеческое общение является взаимодействием в более фундаментальном смысле, нежели это представлено в теории речевых актов,

согласно которой двое или более собеседников поочередно адресуют друг другу некоторые речевые акты, определяемые исключительно в терминах намерений говорящего [Франк 1986]. В реальном диалоге значение реплик может формироваться в процессе интеракции или даже быть различным для каждого из коммуникантов. Последнее может объясняться рядом причин: от нежелания коммуниканта принять трактовку собеседника до недостаточности общих знаний у участников диалога, обусловленной их социокультурными различиями.

- ✓ *Ограниченность трактовки контекста в теории речевых актов.* Для определения иллокутивной цели и типа речевого акта часто требуется привлечение более широких, чем это определено конститутивными правилами, по Серлю, сведений о контексте. Значение высказывания частично извлекается из реплик, предшествующих ему, и оно само изменяет контекст последующих высказываний. В ряде случаев для определения этого значения необходимо знать также, каковы институциональные рамки ситуации общения; является ли оно формальным / неформальным, подготовленным / неподготовленным, непосредственным / опосредованным и т.п.; кто участники и каковы их отношения в микро- и макросоциальном контексте, а также какими социально и культурно обусловленными правилами языкового поведения они руководствуются. В теории речевых актов контекст как объяснительный фактор привлекают эпизодически для объяснения лишь тех высказываний, которые не поддаются голой семантической интерпретации. Вопрос о том, как контекст определяет или меняет иллокутивную функцию высказывания, в рамках теории речевых актов не обсуждался.

- ✓ *Статичность теории речевых актов.* Речеактовый подход игнорирует внутреннюю логику развития коммуникации и взаимодействия участников, спор стратегий регулирования и прогнозирования.

Породив немало интересных идей, теория речевых актов оказалась не в состоянии адекватно интерпретировать живую разговорную речь. Тем не менее функционализм теории речевых актов позволяет использовать ее потенциал для изучения структуры дискурса. В научной литературе представлена точка зрения, согласно которой теория речевых актов является одним из «идейных источников» дискурс-анализа [Рябинская, Макаров 2003]. По

словам Д. Шиффрин, одной из ведущих теоретиков в этой области, «фокусируясь главным образом на значении высказываний как действий, теория речевых актов предлагает подход к дискурс-анализу, в котором то, что сказано (или написано), делится (или сегментируется) на элементы, обладающие коммуникативными функциями, которые могут быть идентифицированы и присвоены им (этим элементам)» [цит. по: Рябинская 2002].

Однако подход к теории речевых актов в аспекте дискурс-анализа выявляет серьезную *проблему самодостаточности и самостоятельности речевого акта как единицы анализа* и подвергает традиционную понятийную категорию переосмыслению. Подробное рассмотрение дискуссионного вопроса представлено в монографии М.Л. Макарова.

Суть проблемы заключается в том, что речевой акт фактически не оправдывает претензий на статус минимальной единицы общения. В его структуре не отражена специфика общения как взаимодействия, речевой акт, по определению, однонаправлен и изолирован. Как отмечает М.Л. Макаров, речевой акт всего лишь *потенциальная* (курсив мой — А.М.) единица речевого общения, в которой только потенциально заложена способность к общению со «стерильным собеседником» [Романов 1988: 15] и потенциально представлена информация о том, каким образом может произойти предполагаемое взаимодействие партнеров. В связи с этим И.П. Сусов определяет речевой акт как «элементарную единицу *сообщения*» [Сусов 1984: 5].

Отказываясь от термина *речевой акт*, ученые в качестве альтернативы отдают предпочтение *интеракционному акту, коммуникативному акту*. **Интеракционный акт** определяется У. Эдмондсоном как «минимально различимая единица коммуникативного поведения, речевого и неречевого (не обязательно), продвигающая общение к достижению коммуникативных целей [Edmondson 1981: 6; цит. по: Макаров 2003: 181]. **Коммуникативный акт**, по мнению ван Дейка, состоит из аудитивного акта (или акта слушающего) и коммуникативной ситуации [Т. ван Дейк 1989], т.е. представляет собой диалоговое взаимодействие коммуникантов.

Минимальным значимым элементом, развивающим взаимодействие, продвигающим общение к достижению общей коммуникативной цели, является *коммуникативный (интерактивный) ход*, представляющий собой вербальное или невербальное действие одного из партнеров коммуникации. *Коммуникативный ход* —

это «коммуникативный акт или последовательность актов, функционально объединенных иерархически доминантной целью в сложный макроакт с точки зрения динамического развития дискурса» [Макаров 2003: 182]. Коммуникативный ход далеко не всегда совпадает с речевым актом: иногда он реализуется с помощью последовательности речевых актов, или *макроакта*, в терминологии Т. ван Дейка.

Минимальной же единицей коммуникативного *взаимодействия* следует считать двустороннюю единицу: обмен [Сусов 1984], или интерактивный блок [Зернецкий 1987], или простую интеракцию [Кучинский 1988], или элементарный цикл [Клюканов 1985].

В ряде работ различаются *речевой акт* и *дискурсивный акт*. **Дискурсивный акт** определяется как минимальная коммуникативная единица, речевая или жесто-мимическая по природе, которая в каждом конкретном случае употребления в разговоре имеет свое специфическое значение с точки зрения развития речи как системы действий, коммуникативных планов и стратегий. Речевой акт может служить составной частью (вербальной, просодической) дискурсивного акта [Макаров 2003: 182]. В подобной интерпретации *дискурсивный акт* практически полностью совпадает с *коммуникативным ходом*.

Таким образом, полная актуализация речевого акта осуществляется в дискурсе в качестве коммуникативного хода: когда мы что-то утверждаем, просим, обещаем и т.п., мы тем самым развиваем в определенном направлении диалог — соглашаемся, противоречим, уклоняемся, наступаем, защищаемся, привлекаем и поддерживаем внимание и т.д.

Дискурсивный подход к речевому акту раскрывает новые перспективы для функционирования идей теории речевых актов. Н.С. Рябинская выделяет следующие области активного практического применения теории дискурс-анализа [Рябинская 2002].

- ✓ *Анализ межкультурной коммуникации*; конфликты и непонимание, в основе которых лежат разные культурные конвенции относительно правил производства речевых актов одного и того же или сходного типа. Различия в формулировке, интонационном контуре, громкости речи, мимике, сопровождающих в разных культурах производство определенного речевого акта, а также различия в предварительных условиях его осуществления могут привести к тому, что говорящий будет оценен как бесцеремонный и невежливый, не соответствующий занима-

емому положению либо занимающий иную (по сравнению с действительной) социальную позицию.

- ✓ *Анализ институционального дискурса* (дискурса организаций, дискурса судебного разбирательства, врачебного приема, так называемый официальный дискурс: текстов парламентских заседаний, проповедей, лекций, материалов СМИ). В этой сфере активно используется положение о том, что для ряда речевых актов, в частности *манипулятивных* (приказы, требования, просьбы, предписания, запреты и т.п.), в состав их конститутивных правил входит определенное соотношение социальных позиций коммуникантов.
- ✓ *Анализ социализации детей в процессе освоения речи*. Ребенок часто является объектом речевой практики взрослого: (*Не стучи по столу, Тише! Бабушка спит!, Ты вымыл руки?*). Осваивая речь, дети очень быстро начинают ориентироваться, по отношению к кому (знакомые и незнакомые взрослые, сверстники, младшие дети) и в каких ситуациях применимы те или другие речевые акты, предусматривающие неравенство социальных позиций (*Купи мне, пожалуйста, машинку!, Не трогай!, Это мой мяч!*). Ученые отмечают, что исследование интеракции взрослых — ребенок в аспекте интернационализации ребенком структуры социальных отношений и собственной позиции в ней в ходе приобретения языковой компетенции имеет важные последствия, когда ребенок попадает в детский сад или иное учреждение, приобретает опыт общения.

Таким образом, выделение речевого акта как объекта прагмалингвистики сыграло выдающуюся роль в современной научной парадигме. Указанные ограничения теории речевых актов по предмету и глубине исследования не снижают ценности целого ряда позитивных результатов, полученных на ее основе. Учет выявленных исследователями недостатков данной теории способствует дальнейшему развитию ее идей на более высоком уровне — в аспекте интеракции и дискурс-анализа.

* * *

Итак, прагматика изначально выделена Ч. Моррисом как раздел семиотики — науки о знаковых системах вообще (язык, жесты, мимика, система символов в определенной сфере человеческой деятельности (например, знаки дорожного движения), система средств разных видов искусства и т.д.). Объектом изучения

прагматики в целом являются отношения между знаками и людьми, которые этими знаками пользуются [Клаус 1967: 21].

Прагмалингвистика в широком смысле этого слова представляет собой область лингвистики, изучающую функционирование языковых знаков в речи [Арутюнова 1990: 389]. Объект изучения прагмалингвистики — язык как знаковая система в аспекте человеческой деятельности.

Основной задачей прагмалингвистики является изучение языка в его прагматической функции — как средства воздействия на поведение и сознание людей в процессе общения [Азнаурова 1988; Колшанский 1990; Киселева 1978; Матвеева 1984, 1986, 1990, 1993 и др.]. Особое внимание уделяется факторам, которые определяют выбор вариантов выражения коммуникативного намерения; условиям, которые определяют понимание коммуникативной цели высказывания. Данная проблематика составляет предмет прагмалингвистики.

Исходя из сказанного, прагмалингвистика в узком смысле — это лингвистика непосредственной регуляции человеческого поведения [Матвеева 1984: 23].

Прагмалингвистика является интегральным научным направлением, в котором синтезируются достижения теории речевой деятельности, коммуникативной грамматики, теории речевых актов. Категории прагмалингвистики находятся в состоянии разработки, они пересекаются и получают различное толкование в работах исследователей.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

- Каково широкое и узкое понимание теории речевых актов?
- Какие ученые стали основателями теории речевых актов?
- В чем заключается главная особенность теории речевых актов?
- Что является объектом исследования теории речевых актов?
- Опишите структуру речевого акта.
- Почему в теории речевых актов акцент сделан на изучении иллокутивного акта?
- В чем состоит специфика перформативного высказывания?
- Какие вам известны языковые способы выражения перформативности?

- Представьте классификацию речевых актов по Дж. Серлю.
- Охарактеризуйте понятие косвенного речевого акта.
- Каковы цели использования косвенных речевых актов в процессе общения?
- Охарактеризуйте значение разработки теории речевых актов в процессе становления современной научной парадигмы.

ЗАДАНИЯ ДЛЯ УГЛУБЛЕННОЙ ПРОРАБОТКИ

- Прочитайте вступительную статью В.З. Демьянкова «Теория речевых актов в контексте современной зарубежной лингвистической литературы» в сборнике «Новое в зарубежной лингвистике», выпуск 17.
- Какое место занимает теория речевых актов в современных зарубежных исследованиях?
- Можно ли говорить о теории речевых актов как завершенной лингвистической концепции? Аргументируйте ответ.
- Ознакомьтесь с работой Д. Франк «Семь грехов прагматики...». Объясните, в чем состоят недостатки теории речевых актов как базового концептуального аппарата.
- Сопоставьте классификации речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля. Чья классификация более убедительна? Почему?
- Какие параметры отнесения высказываний к тому или иному типу речевых актов выделяют ученые? Охарактеризуйте эти параметры.
- Изучите в книге Н.И. Формановской «Речевое общение» следующие главы: «Перформативное высказывание, его интенциональное значение и иллокутивная функция», «Способы выражения перформативности. Коммуникативно-семантические группы».
- Дайте определение понятию коммуникативно-семантическая группа (КСГ).
- Какую роль играет КСГ при определении типизированных способов выражения перформативности?

- Приведите перформативные высказывания в КСГ *Совет, Благодарность, Извинение*.
- Подберите иллюстративный материал из художественной литературы, отражающий возможные способы выражения перформативности в русском языке.
- Смоделируйте ситуации, в которых было бы уместно использование косвенного речевого акта. Прокомментируйте условия его функционирования.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
2. Вежбицкая А. Речевые акты / Пер. с англ. С.А. Крылова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 251—275.
3. Демьянков В.З. «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистической литературы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 223—235.
4. Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986.
5. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты / Пер. с нем. В.А. Плуняна // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 349—383.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
7. Остин Дж.Л. Слово как действие / Пер. с англ. А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22—130.
8. Серль Дж.Р., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов / Пер. с англ. А.Л. Блинова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс, 1986. С. 242—264.
9. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов / Пер. с англ. В.З. Демьянкова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170—194.

10. *Серль Дж.Р.* Косвенные речевые акты / Пер. с англ. Н.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 195—222.
11. *Серль Дж.Р.* Что такое речевой акт? / Пер. с англ. И.М. Кобозевой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 151—169.
12. *Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002.
13. *Франк Д.* Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике / Пер. с англ. А.А. Кибрика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 363—373.

3. ИЗ ОПЫТА ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА. РЕЧЕВАЯ СИТУАЦИЯ УГРОЗЫ

- Тип речевого акта угрозы. Специфика иллюкутивной цели
 - Понятие квазиперформатива
 - Косвенное выражение угрозы
 - Роль социального статуса коммуникантов в речевой ситуации угрозы
 - Конфликтный и регулятивный характер речевого акта угрозы
 - Языковые особенности выражения угрозы в прагматическом аспекте
-

Поворот к изучению высказывания в ономаसेологическом аспекте, когда разные языковые формы выражают одно и то же содержание, вызвал повышенный интерес к анализу речевого поведения в различных условиях коммуникации. Собственное значение высказывания (то, которое складывается из значения его компонентов), как было показано выше, не всегда совпадает с его прагматическим значением (тем, которое определяется ситуацией общения). Так, обычная констатация факта: «Он придет завтра», — в реальных условиях общения становится либо обещанием, либо предостережением, либо угрозой.

В качестве примера анализа конкретного речевого акта обратимся к речевой ситуации угрозы. Выбор объясняется тем, что, как отмечается в монографии М.Г. Безяевой, коммуникативное задание угрозы изучалось меньше других целеустановок. В последнее же время в ряде работ делается попытка определить целеустановку угрозы, и исследования проводятся, как правило, в традициях теории речевых актов [Безяева 2002: 478].

3.1. СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО АКТА УГРОЗЫ

Актуальность изучения данной проблемы обусловлена и тем, что она связана с двумя программами исследований в современной прагмалингвистике: анализом функционирования постулата «вежливости» в различных культурах, а также теорией конфликтологии. Как разновидность вербальной агрессии угроза противоречит кодексу коммуникативного поведения и приводит к возникновению конфликта.

В русской лингвистической традиции угроза связывается с повелительностью, императивом, волеизъявлением. Являясь побудительным речевым актом, угроза функционирует как особый тип побуждения к действию (или бездействию), в котором заинтересован говорящий. Угроза относится к адресантноиницирующим речевым актам, поскольку адресант, преследуя цель обязать, склонить адресата — предполагаемого исполнителя — к своей точке зрения, сам себя наделяет ответственностью за протекание действия. Предпосылкой является то, что адресат-исполнитель изначально не разделяет точки зрения адресанта, занимает нейтральную или противоположную позицию, что предполагает возможность сомнения, неподдержки. Эти характеристики сближают угрозу с такими речевыми актами, как обещание, клятва и позволяют большинству лингвистов, в том числе Дж. Серлю, относить угрозу к комиссивам [Безменова, Герасимов 1984; Вольф 1985; Ерофеева 1997; Остин 1986; Серль 1986].

Однако следует заметить, что реализацию речевого акта угрозы предполагают кардинально противоположенные комиссивам подготовительные условия. Так, Дж. Серль в статье «Что такое речевой акт?», анализируя речевой акт обещания, разграничивает *обещание* и *угрозу*. «Коренное различие между обещаниями, с одной стороны, и угрозами — с другой, состоит в том, что обещание есть обязательство что-либо сделать для вас, а не в ущерб вам, тогда как угроза есть обязательство что-то сделать в ущерб вам, а не для вас. Обещание некорректно, если обещают сделать то, чего не хочет адресат обещания; оно тем более некорректно, если обещающий не убежден, что адресат обещания хочет, чтобы это было сделано, поскольку корректное обещание должно быть задумано как обещание, а не угроза» [Серль 1986: 163]. Например, *Регина Аркадьевна, она мечтает заниматься у вас. Прошу вас, по-*

жалуйста... Я буду платить за дочь, только возьмите ее (Маринина). В данном примере выражение *Я буду платить за дочь* представляет собой обещание, а не угрозу, так как ущерб адресату не наносится. *Остановись, Лариса! Иначе ты пожалеешь!* (Пронин). Выражение *«Иначе ты пожалеешь»* является угрозой, так как прогнозирует негативные последствия для адресата.

Если обещание, клятва декларируют добровольное действие, которое обычно отвечает интересам исполнителя и тем самым имплицитно выражает побуждение принять сторону адресанта, то угроза, как правило, прямо или косвенно репрезентует ситуацию выбора. Адресат-исполнитель должен выбрать, осуществлять ли действие, которое якобы отвечает его интересам, или ожидать от адресанта приведения в исполнение обещанного (чаще негативных последствий). Эта ситуация выбора лишь вуалирует изначально предполагаемую обязательность действия в интересах говорящего, что свойственно категорическому директиву.

Наличие подобного прагматического обстоятельства, а также часто эксплицитно выраженное побуждение-действие, на исполнении которого исполнитель должен остановить свой выбор, позволяет причислять речевой акт угрозы к директивам.

Обратим внимание, что побуждение, содержащееся в угрозе, может выражать целый спектр прагматических значений:

✓ **категорический директив:**

запрет: *Послушайте, хватит морочить мне голову, я сейчас позвоню в дежурную часть* (Кивинов). Здесь представлено требование говорящего прекратить действие, выполняемое адресатом;

приказ: *Молчать, иначе я тебя укушу* (Маринина);

✓ **нейтральный директив** — совет: *Не как-нибудь, а возьми машину,— строго сказал Алексей. — Иначе послезавтра ты даже в домашних тапочках ходить не сможешь* (Маринина);

✓ **смягченный директив** — просьба: *Поэтому веди себя, пожалуйста, так, чтобы не вынуждать меня принимать крайние меры. А я их приму, как только пойму, что ты — человек несерьезный* (Маринина);

✓ **превентив (предостережение):** *Любой шаг в сторону — и ты покойник. Любое лишнее слово, лишний жест или самый незначительный вопрос, выходящий за рамки твоей работы,— это и будет тот самый шаг в сторону* (Маринина).

Тот факт, что речевой акт угрозы относят либо к комиссивам, либо к директивам, объясняется его сложной двойственной природой, так как в семантике угрозы присутствуют два компонента: с одной стороны, это побуждение к совершению действия в интересах говорящего, с другой, — обещание негативных последствий в случае неповиновения.

М.Г. Безяева определяет значение угрозы, делая акцент на ее превентивном характере: угроза — это «предупреждение (я хочу, чтобы ты знал) о желании говорящего осуществить нежелательное действие для слушающего (или третьего лица), если тот совершил, совершает, совершит или возобновит нежелательное для говорящего или третьего лица действие либо не совершил, не совершает, не хочет совершить или возобновить желательное для говорящего (реже третьего лица) действие, которое обычно реализуется в активном эмоциональном состоянии говорящего» [Безяева 2002: 480].

Несмотря на проблематичность определения типа речевого акта, к которому принадлежит угроза, обобщенная семантическая модель этого речевого акта такова:

(Не) делай что-либо, иначе я тебе сделаю плохо.

В прагмалингвистике подобные модели речевых актов строятся на базе языка семантических примитивов, активное использование которого продемонстрировано в работах А. Вежбицкой. Сравним толкование угрожающего речевого акта этим исследователем [Вежбицкая 1985: 267]:

Если ты двинешься, я выстрелю (угрожающе) =

Предполагая, что ты не хочешь, чтобы я стрелял в тебя

(или: что если я выстрелю в тебя,

это будет для тебя плохо),

желая сделать так, чтобы ты знал это заранее и не делал этого,

я говорю: если ты двинешься, я выстрелю.

М.Я. Гловинская уточняет модель, вводя в толкование слова *угроза*, именуя речевой акт, не только информацией о возможном совершении плохого (небенефактивного) для адресата действия, но и фактор прогнозируемого страха [Гловинская 1993: 187]:

Х говорит У-у, что сделает Р, плохое для У-а.

Х говорит это для того, чтобы У боялся, что Х сделает Р.

Специфика речевого акта угрозы обусловлена и невозможностью его перформативного оформления, так как глагол *угрожать*

является **квазиперформативом**, содержащим, по З. Вендлеру, «подрывной фактор» в своей семантике. Однако существует мнение, что подобные иллокутивные глаголы (в том числе и глагол *угрожать*) могут употребляться в данной грамматической конструкции, выполняя особое коммуникативное задание в общем интенциональном замысле говорящего [Клюканов 1987]. Так, высказывание *Я тебе не угрожаю, но ты еще об этом пожалеешь!* отличаются две структурные особенности: союз *но*, который создает его логическую двухкомпонентность, и отрицательная частица *не* перед иллокутивным глаголом *угрожаю*, который стоит в 1-м лице ед. числа настоящего времени и употребляется с актантом, выраженным личным местоимением во 2-м лице.

Первая часть высказывания *я тебе не угрожаю* представляет собой *констатив*: говорящий утверждает, что он не производит никакого действия. Однако вторая часть *... но ты еще пожалеешь!* вносит ряд прагматических корректив, которые оказываются решающими и переводят все высказывание в перформативный план, доказывая ложность первой части. Адресант тщательно маскирует свою иллокутивную цель, и это обеспечивает успешность осуществления задуманного им действия. Именно с этой целью используется иллокутивный глагол 1-го лица ед. числа настоящего времени: за счет его антиперформативности легче осуществить настоящее перформативное высказывание.

Таким образом, внутри высказывания идет иллокутивная борьба двух сил — констативной (претендующей на искренность) и перформативной (обладающей искренностью и гарантирующей успешность осуществления действия). Если иллокутивная сила перформативности одержит верх, т.е. если слушающий правильно интерпретирует такое высказывание и установит существование сверхсекретной иллокутивной цели (угрозы), попутно установив ложность утверждения, которое содержится в первой части, то это позволит ему адекватно оценить изменение отношений, которые сложились между коммуникантами к моменту данного высказывания.

Если же одержит верх иллокутивная сила констативности, т.е. если адресат не сможет установить истинную цель высказывания и поверит, что адресант не осуществляет никакого действия, то произойдет, по З. Вендлеру, **иллокутивное самоубийство**: адресат не сможет адекватно оценить изменение отношений, сложившихся между коммуникантами к моменту произнесения данного выска-

зывания, а это может привести к нежелательным для него последствиям. Следовательно, чем эксплицитнее антиперформативность первой части, тем имплицитнее (а значит, успешнее) перформативность всего высказывания.

3.2. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕНЦИИ УГРОЗЫ

Интенция угрозы может быть выражена эксплицитно и имплицитно.

Оба способа формирования интенции угрозы в русском языке могут быть ориентированы на я-позицию адресанта или ты-позицию адресата в процессе коммуникации. Детальное исследование возможного структурирования речевого акта угрозы представлено в труде М.Г. Безяевой. Приведем лишь некоторые основания для классификации, иллюстрирующей разнообразные способы.

Эксплицитный способ выражения интенции, ориентированный на я-позицию адресанта предполагает:

- экспликацию целеустановки: *Ну ладно. Берегитесь! Я вас последний раз предупреждаю; Не подходи, последний раз предупреждаю...*;
- экспликацию условия осуществления действия-возмездия: *Если ты перейдешь к оскорблениям, я перейду к побоям! Если ты хоть шаг сделаешь, я выпрыгну в окно!*;
- экспликацию собственно действия-возмездия: *Вам это так не пройдет! Я буду жаловаться! Я до верхов дойду! Я еще выведу вас на чистую воду!*

Имплицитный способ выражения интенции, ориентированный на я-позицию адресанта предполагает:

- отсутствие экспликации конкретного действия-возмездия, но наличие предупреждения о его реализации: *Я не знаю, что я с ним сейчас сделаю! Ну я этого так не оставлю!*;
- указание на совершение действия-возмездия через неопределенный срок: *Ну, погодите! Я вам это припомню! Я тебя еще достану!*;
- указание на нереализованное действие-возмездие: *Врезать бы тебе разок, да жалко: сам ведь скоро загнешься! Я бы этих гадов своей бы рукой! Ну ладно. Пока так посидим.*

Имплицитный способ выражения интенции, ориентированный на ты-позицию адресата предполагает экспликацию небенефактивных для адресата последствий действия-проступка:

— *Пообедаешь ты у меня! Ты у меня поболтаешь! Ну, придешь!— Извините, я тороплюсь... — Попросишь ты меня подвезти!* (см.: [Безяева 2002: 478—600. Иллюстративный материал заимствован из монографии]).

Основной особенностью и прямого, и косвенного речевого акта угрозы является его *потенциальность*, что соответственно не предполагает обязательности выполнения небенефактивного действия. Заметим, что при прямой угрозе говорящий — адресант угрозы — делает акцент на директивном или комиссивном ее компоненте, в не прямой угрозе актуализируется ее потенциальный план.

Охарактеризуем ряд косвенных речевых актов, которые достаточно регулярно воспроизводятся в речевой ситуации угрозы и легко опознаются вне ситуативного контекста.

Косвенный речевой акт, как уже отмечалось выше, подразумевает то или иное видоизменение семантической модели речевого акта данного типа либо использование другой семантической модели (другого речевого акта в качестве угрозы).

К косвенному выражению угрозы относится использование в качестве таковой семантической модели другого речевого акта. Например, в качестве угрозы может выступать речевой акт приказа, когда слушающий находится под дулом пистолета и видит, чем для него может обернуться неповиновение: *Кто-то из парней попытался приблизиться, однако Казанова резко развернул руку с пистолетом: «Стоять, Бакланы!»* (Кивинов). В данном случае ярко выражены такие подготовительные условия речевого акта угрозы, как: а) незаинтересованность адресата в осуществлении действия; б) намерение говорящего привести в исполнение невербально выраженную угрозу.

Угроза может быть оформлена как совет: *И без глупостей, Аслан, охрана у нас надежная, мышшь не проскочит, муха не пролетит. Так что лучше не нарывайся* (Маринина).

Типизированным ты-ориентированным способом оформления угрозы служат вопросы:

- ✓ об осведомленности адресата о возможных последствиях: — *Это ты кого «псами» назвала, стерррва?! Ну, Александрова, за это я на тебя штраф запишу. На уплату — три дня. А потом*

знаешь, что будет? Санька помотал головой — испуганно <...> Если ты мне в три дня штраф за оскорбление не выплатишь, я тебя на ночь в третью камеру запру. Там у меня знаешь кто? (Акунин);

- ✓ об осознании безвыходности или тяжести своего положения: — *Вы убили человека и оказали вооруженное сопротивление представителям закона. Этого совершенно достаточно, чтобы отправить вас на эшафот. — Петр Иванович, не выдержав, вмешался: — Ты хоть понимаешь, подлец, что тебе на веревке болтаться? (Акунин).* В данных ситуациях вопросы не утратили полностью своего основного назначения и предполагают ответ адресата или дальнейшие разъяснения при отрицательном ответе;
- ✓ о наличии желания адресата по поводу осуществления негативного действия, как правило, риторичен. Говорящий посредством вопроса требует адекватного поведения, а не ответа: а) — *Ну и ну, — сказал Чапаев. — Секунды не прошло, а уже нажрался. <...> Ты что, сукин кот, под трибунал захотел? — Так я ж один стакан только... (Пелевин).* Однако попытка ответа или оправдания поведения является сигналом, что интенция адресанта распознана и перлокутивный эффект достигнут, б) — *Красно нарядился, Скорик, — процедил Проха и вывободился рывком. — А по хारे не хочешь? (Акунин);*
- ✓ о выборе линии поведения или вообще о возможности совершения действия еще более риторичен. Как правило, адресат сразу воспринимает его как директив и реагирует в соответствии с имплицитно выраженной целью: — *Как, желторотый, побалакаешь? Или яблока железного погрызешь? — И помахал кистенем перед рожей приказчика. — Не знаю я... (Акунин).* Так, в данном случае адресат не сообщает о своем желании говорить, а сразу реагирует на имплицитный запрос об интересующей адресанта информации.

Однако адресат может вступить в речевую игру и буквально отреагировать на вопрос. Эта ситуация иллюстрирует словесную трактовку, когда и адресант, и адресат, изначально осознавая неуместность подобного диалога, обмениваются репликами. При чем адресат, возможно, сознательно провоцирует адресанта на продолжение подобной речевой игры. В результате адресант осуществляет выбор и реализует угрозу: — *Я вот думаю, — сказала она, — плеснуть вам шампанским в морду или нет? — Даже не знаю, —*

ответил я. — Я бы на вашем месте не стал. Мы пока еще не настолько близки. В следующий момент веер прозрачных капель врезался мне в лицо — ее бокал был почти полон... — Извините, — растерянно сказала она, — **но вы сами** (Пелевин).

Особой спецификой обладает угроза-сообщение.

Адресант, угрожая, смягчает или маскирует свою коммуникативную цель часто посредством перечисления действий, объяснением того, что могло бы произойти. Этим акцент смещается с собственно действия на его последствия в будущем. Однако не все речевые акты прямо указывают на потенциальный план угрозы, в связи с чем можно выделить угрозы-сообщения с эксплицитно и имплицитно выраженным потенциальным планом.

- **Угроза-сообщение с эксплицитно выраженным потенциальным планом.**

Угроза-сообщение с Я-позицией адресанта, когда адресант сообщает о возможности и способности совершения действия им самим:

- ✓ Адресант констатирует способность совершения им нежелательного действия: *Только о любви ничего больше не говорите. А то ведь я вам честного слова не давала. Могу застрелить* (Акунин);
- ✓ Адресант подчеркивает сознательное пренебрежение возможностью совершить нежелательное действие, тем самым давая понять, что сложившаяся ситуация не менее угрожающая: — **Я мог бы застрелить вас, Благовольский, прямо сейчас, сию секунду, и это была бы законная самооборона. Но пусть все будет по закону** (Акунин). За счет такого коммуникативного хода усиливается степень эмоционального воздействия на адресата: *Просперо сделался бледен, от его давней насмешливости не осталось и следа* (Акунин);
- ✓ Адресант не только констатирует возможность совершения им действия, но и указывает на реальное осуществление нежелательного действия. В таком случае Я-ориентированное сообщение максимально приближается к обещанию, однако от обещания такая угроза отличается тем, что не предполагает обязательного выполнения действия.

Специфика такого выражения угрозы также в том, что адресант намеренно эксплицирует несоответствие своего поведения своим желаниям — *я вынужден, я сожалею, придется, к сожалению*. Адресант, оправдываясь, указывает на безвыходность своего по-

ложения, тем самым приравнивая его к положению адресата. В результате внешне смягчается степень категоричности и снимается вербальная агрессия, свойственная прямой угрозе: — *Едва вы откроете рот, чтобы крикнуть, как я буду вынужден засунуть вам кляп. Я сделаю это, несмотря на уважение и симпатию, которые к вам испытываю* (Акунин). — *Вы слишком хороший сыщик. И поэтому, мой юный друг, мне придется вас убить, о чем я искренне сожалею* (Акунин). — *К сожалению, я не могу оставить вас в живых. Вы станете вредить моим детям* (Акунин).

- ✓ Адресант, угрожая, говорит о себе в 3-м лице (условно Я-ориентированное повествование). С одной стороны, это снижает степень категоричности, так как выглядит предупреждением обобщенного характера, с другой — воздействие осуществляется за счет прямого указания на действие: — *Не играй со мной — гляди, не совладаю. Князю человека кончить, что муху прибить* (Акунин).

Угроза-сообщение с ты-позицией адресата:

- ✓ Адресант перечисляет негативные последствия для адресата в случае не выполнения требования: — *Вы, госпожа неродственница, узнали такое, о чем вам знать совершенно ни к чему. <...> Вас доставят под конвоем в кишиневский гарнизон и будут содержать там под стражей до окончания кампании. Так что пеняйте на себя* (Акунин).

Часто угрозы такого типа являются элементом коммуникативного акта уговора или убеждения. По классификации Байрамукова, такой речевой акт можно отнести к угрозам с разнонаправленными интенциями — основной и побочной [Байрамуков 2001]. Убеждая, адресант якобы принимает сторону адресата и предусматривает все небенефактивные для него действия (основная интенция), тем не менее в основе речевого акта говорящего лежит готовность осуществить эти действия (или способствовать осуществлению, или послужить причиной их осуществления). Как правило, подобные КРА используются в коммуникативном блоке как вторичные стимулирующие реплики в ответ на отказ первичному директиву: — *Про меня с Князем и так все знают <...>. — То «знают», а то неопровержимые, задокументированные <...> показания. <...> Тогда это каторга, 7 лет-с. Что с вами, девицей простого звания, будут вытворять охранники и все, кому не лень, о том и помыслить страшно. Жалко вашей красоты. Выйдете на поселение совершенной руиной* (Акунин).

Таким образом под маской убеждения осуществляется коммуникативное давление. Такая модель обычно распознается адресатом, и он принимает или не принимает правила речевой игры, реагируя на убеждающую интенцию положительно, реагируя отрицательно с указанием на распознавание имплицитной угрозы или ведя двойную игру: *Погоди, думаю, лиса жандармская. Ты хитер, а я хитрее. Губу закусил, бровью задергал, как будто нервничаю. Он доволен, давит дальше. «Знаете, говорит, г-н Селезнев, мы вас ради такого праздника даже вешать не станем. <...> А за фон Бока, конечно, каторгу пропишем, это уж непременно. Там, конечно, вам очень славно будет, когда от вас, предателя, все товарищи отвернутся. Сами в петлю полезете». Тут я в истерику... И скис, вроде как духом пал* (Акунин). Адресат стратегически демонстрирует распознавание угрозы и в момент коммуникативного акта ведет себя адекватно намерениям говорящего. Однако в дальнейшем адресат не предполагает действовать в интересах говорящего, тем самым создавая ситуацию ложной «коммуникативной удачи».

✓ Адресант, противопоставляя свое положение положению адресата, констатирует невыгодное положение вещей, подчеркивая безразличие к сложившейся ситуации: *...усы с бакенбардами сбреем... — Ни за что на свете! — вскрикнул я. — Как угодно, но с вашими, как выражается Линд, *favoris de chien*, вас и в самом деле легко опознать. Вы обрекаете себя на сидение в ч-четырёх стенах, а я буду перемещаться по городу совершенно свободно. Эта угроза меня ничуть не испугала...* (Акунин).

• **Угроза-сообщение с имплицитно выраженным потенциальным планом.**

Угроза-сообщение с я-позицией адресанта:

✓ констатация адресантом факта осведомленности о происходящем. Имплицитируется возможность довести до сведения то, что вызывает негативные последствия для адресата: — *Почту кружит! — прохрипел он, злобно косясь на жену. — Слышишь ты? Почту кружит!.. Я... я знаю! <...> Я все знаю, чтоб ты пропала! — Что ты знаешь? — Тихо спросила дьячиха, не отрывая глаз от окна. — А то знаю, что все это твои дела, чертиха! Твои дела, чтоб ты пропала! <...> — Бесишься, глупый... — покойно заметила дьячиха (Чехов); А ветер гулял, как пьяный... Он прислушивался к этой музыке и хмурился. Дело в том, что он знал, или по крайней мере догадывался, к чему клонила вся эта возня за ок-*

ном и чьих рук это было дело. — **Я зна-аю!** — бормотал он, грозя кому-то под одеялом пальцем. — **Я все знаю!** (Чехов).

Угроза-сообщение с ты-позицией адресата:

- ✓ ситуация напоминания, когда адресант апеллирует (прямо или косвенно) к своему статусу вышестоящего по отношению к адресату. Имплицируется возможность больших полномочий, обусловленных статусом, что предполагает беспрепятственное совершение нежелательных действий: *...Имею основания полагать, что на данном этапе расследования расширение числа посвященных в детали может стать губительным для операции. — Что?! — всыхнул министр. — Да как вы смеете! Вы, кажется, забыли, с кем имеете дело!* (Акунин); *Вы забываетесь, милостивый государь! — всыхнул он. <...> Вы не знаете, с кем имеете дело, милостивый государь! Я директор банка Жестяков!* (Чехов);
- ✓ ситуация, в которой адресат не является непосредственным коммуникантом, но участвует в интеракции, занимая позицию наблюдателя и являясь собственно адресатом реплик-угроз: — *Так, может быть, вы поможете мне обнаружить паршивую овцу, проникающую в мое стадо? — Полагаю, сделать это будет нетрудно. — Гэндзи скользнул взглядом по лицам притихших «любовников». — Но сначала мне нужно узнать этих дам и господ чуть лучше. Эти слова, прозвучавшие довольно угрожающе, всем ужасно не понравились* (Акунин); — *А это, господа, Эраст Петрович Фандорин <...> не мог — высокое начальство. — А у меня дома одно начальство — Кузьма Бурягин, — рывкнул миллионщик. — Ко мне без приглашения не ходят, да еще сыскные. А уж кто пожаловал — впредь заречется* (Акунин). Адресант, учитывая присутствие адресата, якобы игнорирует его как собеседника, эксплицируя его присутствие как третье лицо. Косвенно выражается возможность нежелательных последствий с расчетом, что подтекст будет расшифрован адресатом.

Ситуативно ориентированная угроза-сообщение:

- ✓ экспликация предмета (его наличия), посредством которого будет совершено (или предполагается совершить) нежелательное действие: *Кроме косвенных улик и предположений ты ничем располагать не можешь. <...> Знаешь, — доверительно понизил голос Глеб Георгиевич, — у меня в кармане револьвер, и нацелен он тебе в живот* (Акунин).

В таком случае возможно расширенное повествование, содержащее сведения о действии этого предмета: *Вы разумный отрок, я*

сразу определил. Это ведь что у меня, знаете? — Он помахал своей железякой, и Фандорин разглядел двухствольный пистолет необычайно большого калибра. — Жуткая штука. На здешнем жаргоне «смэшер» называется. **Вот сюда, изволите ли видеть, две разрывные пульки вставляются <...> А пулька разрывная, как в мягкое попадет, вся так лепесточками и раскрывается. Мясо, косточки, жилки всякие в сплошной фарш преобразует** (Акунин).

✓ экспликация предмета, явления, вызывающих нежелательное действие или способствующих их осуществлению: а) — *Я пока в поезде ехал, **статейку** сочинил, — доверительно сообщил ему стремительный флигель-адъютант... Подзаголовок — «Триумфатор Департамента полиции». ...органы уже арестовали опаснейшего террориста Н.С., который дал подробные показания о деятельности Боевой Группы, членом которой он является... Дальше читать не буду — смысл вам понятен. — Чего уж непонятного. **Угрожаете скомпрометировать** меня перед товарищами?* (Акунин). В данном контексте статья содержит ложные сведения, которые подразумевают в дальнейшем неадекватную оценку адресата и его действий. Из последней реплики следует, что адресат верно расшифровал имплицитный смысл высказывания; б) *Выходите, молодой человек, вам некуда деваться. Известно ли вам, **что такое электричество?** Когда открывается дверь хранилища, у меня в спальне срабатывает сигнал* (Акунин);

✓ экспликация возможности использования предмета, явления в вышеуказанных функциях: *...маленькое жало, пройдя сквозь ткань смиренной рубашки, впилось мне в кожу. — Кстати, — зябко потирая руки, сказал Тимур Тимурович, — хочу заметить, что на дурдомовской фене расстрелом называют **не то, что мы колем вам** — т.е. обычную смесь аминазина с перевитином, а так называемый сульфазинный крест <...>. Впрочем, **надеюсь, что до этого у нас не дойдет.** — Я не повернул головы* (Пелевин).

Последние случаи косвенного выражения угрозы объединяет вербальное представление или комментирование сложившейся ситуации в настоящем, именно в момент коммуникативного акта. Возможные последствия имплицированы и восстанавливаются коммуникантами посредством вышеуказанных «атрибутов»: — *Здравствуй, мерзавец, <...> Я — Клонов. Это — портфель Соболева. А это — **твоя смерть.** — И щелкнул **навахой.** <...> — Я все объясню, — беззвучно прошептал начальник секретной канцелярии. — **Только не убивайте*** (Акунин).

Косвенные угрозы могут содержаться в **интерпретирующем контексте** (если речь идет о письменной речи): — *Учитель! Пока я здесь, вам нечего опасаться!* — **бешено взревел** Калибан и глянул на стоявшего... **с такой ненавистью**, что козлоногий ...**в ужасе** шарахнулся в сторону (Акунин) или в невербальных действиях, которые сопровождают коммуникативный акт. Такое действие может приравниваться реплике: *Варя набрала полную грудь воздуха, но турок был начеку* — **достал из кармана кляп и выразительно покачал головой** (Акунин); действие может сопровождать реплику, не содержащую угрозы: **Прямо в зубы коллежский асессор и сунул ему дуло**. Сказал задумчиво: — *Вставай, Абдул. Утро вечера мудреней...* (Акунин); действие может представлять конвенциональную угрозу: *Сел его высокоблагородие, пальцем всем погрозил: «У, рвань!»* — и поехал себе (Акунин).

Эмоциональное воздействие усиливается за счет несовпадения тона, манеры воспроизведения угрозы: — *Оставьте себе ... в виде компенсации за обиду. — Я те дам компенсацию,* — **улыбнулся Самсон Харитоныч** одними губами (Акунин).

При всем разнообразии используемых конструкций можно выделить и наиболее типичные модели выражения угрозы:

- 1) **эксплицитно выраженное требование, а (не) то + обещание негативных последствий**: *Вставай немедленно! Вырастил на свою голову! Я деньги плачу за твою учебу, вот и будь любезна учиться, а то в дворники пойдешь;*
- 2) **если + имплицитно выраженное требование, (то) + обещание негативных последствий**: *И имейте в виду, Григорий Валентинович, если вы не отработаете эти деньги, то все, что за последние полгода вы положили себе в карман, будет у вас конфисковано правоохранительными органами* (Маринина);
- 3) **еще + имплицитно выраженное требование — (и) обещание негативных последствий**: *Еще одно слово — и я швырну в тебя чайник с кипятком,* — **предупредила Настя** (Маринина).

Изменение модели угрозы предполагает ее качественную или количественную трансформацию. **Качественная трансформация** свидетельствует о том, что один из элементов модели угрозы находится в импликации, т.е. выражен непрямым способом. Например, **импликация требования** находит свое отражение в двучастных конструкциях с союзом *если*: *Если вы не принимаете моих условий, я просто рассказываю о вас чистую правду* (Маринина). Выдаваемое в цитируемом примере требование *примите мои усло-*

вия находится в импликации. Но если вы начнете распространять слухи о моей виновности в среде людей, чьим мнением я дорожу, я подам на вашу контору в суд за нанесение морального ущерба (Маринина). В данном примере в импликации находится требование не распространяйте слухи.

Н.В. Готлиб выделяет следующие степени косвенности импликации обещания [Готлиб 1989]:

- ✓ импликация говорящего: *Второй (патрон) влетит в башку,— Костик опустил пистолет до уровня лба собеседника* (Кивинов);
- ✓ косвенное выражение самого действия: *Говорят, с мамой живешь, вдвоем? Видел ее как-то, совсем старенькая... Она не переживет, если с тобой что случится* (Пронин).

К качественной трансформации следует отнести и постпозицию подразумеваемого требования, придающего, по мнению Е.В. Ерофеевой, угрозе категоричность [Ерофеева 1997]: *И свое право я буду отстаивать с помощью суда и адвоката, если у вас хватит смелости довести дело до этого* (Маринина).

Количественная трансформация семантической модели угрозы представляет собой полное отсутствие требований или обещания: *Жизни красивой захотелось?! Он тебе устроит красивую жизнь!* (Пронин): в данном примере отсутствует требование.

Когда требование не выражено вербально, оно следует из ситуации и предполагает прекращение действия, выполняемого слушающим: *Чего надо?! Хотите без бошек остаться?!— заорал Рында, направляясь к месту конфликта* (Корецкий).

В некоторых случаях отсутствие требования придает угрозе категоричность: *Я убью его,— прошептал Андрей, глядя мокрыми глазами на стену сарая* (Пронин).

Отсутствие обещания представляет собой случай так называемой незаконченной угрозы: *И попробуй... еще раз сказать, что ты чего-то там не знаешь!* (Кивинов). Семантически незаконченная угроза может быть выражена и синтаксически законченным предложением: *Вот пусть только попадется!*— с грозной решительностью повторил огромный мускулистый капитан, поднимая рюмку (Маринина).

Таким образом, прагматический подход к исследованию речевого акта угрозы позволяет выявить широкую речевую вариативность выражения угрозы, что достигается посредством косвенных речевых актов в ряде коммуникативных ситуаций.

Достаточно определенно указать, как именно нужно понимать высказывание, помогают сама коммуникативная ситуация, интонация, мимика, жесты, обстановка, социальное положение участников речевого акта, их взаимоотношения.

Так, в официальной обстановке, при обращении к старшему по положению или возрасту чаще употребляются конструкции, выражающие угрозу, но отличающиеся подчеркнутой вежливостью с преобладанием нейтральной лексики: *я вынужден буду написать рапорт и представление по итогам проверки. <...> Какие меры будут приняты по моему рапорту, я пока сказать не могу, но, думаю, не самые приятные для вас* (Маринина).

При обращении к младшему или к нижестоящему по социальному положению преобладают формы угрозы, нередко сопровождающиеся экспрессивной лексикой и постпозитивным элементом, который усиливает степень категоричности речевого акта: *Если ты еще раз позволишь себе сказать что-либо подобное, я тебя убью. Запомни это* (Маринина).

При обращении к равным по социальному положению или к близким, хорошо знакомым людям угроза может приобретать юмористический характер: *Ладно,— она нехотя сползла с кресла, растянула манжеты на рукавах... и стала медленно их закатывать,— но ты сильно рискуешь, профессор. То, что я приготовлю, ты не сможешь съесть!* (Маринина).

Часто при общении между близкими говорящий при помощи угрозы выражает свое недовольство чем-либо или возмущение: *Снова чашки немытые остались. Ну что за свинство, ей-богу! Петька, я когда-нибудь убью тебя за это!* (Маринина).

В ситуации неформального общения (опять же чаще между близкими людьми) говорящий может прямо угрожать через нанесение ущерба самому себе, рассматривая этот факт как ущерб для адресата: *Вот умру от голода, будешь тогда знать, как не давать мне есть* (Маринина).

Реже, общаясь с близким человеком, говорящий угрожает собеседнику, ставя перед ним жесткий выбор: *Не смей равнять себя с моей матерью. Она получила высшее образование и готова была продолжить научную работу, как только я немного подрасту. <...> А ты — совсем другое дело. <...> В последний раз предлагаю тебе подумать и решить: или ты получаешь образование и всерьез занимаешься своей профессией, или мы расстаемся* (Маринина).

Речевое действие угрозы относится к классу регулятивных речевых действий. Его основной функцией является переопределение границ конфликтного взаимодействия: адресант посредством сообщения о намерении совершить в будущем действие, нежелательное для адресата, изменяет социально-психологическую иерархию позиций участников взаимодействия — вводит асимметрию и тем самым увеличивает социально-психологическую дистанцию между ними.

Поскольку непосредственные цели отдельных лиц не совпадают и интересы их сталкиваются, угроза относится к конфликтным речевым актам. Она осуществляется в антисоциальных ситуациях. Прибегая к речевому действию угрозы, коммуниканты нередко игнорируют этикет. Иногда это делается вполне осознанно при огрублении отношений, так как посредством угрозы говорящий выражает свое негативное отношение к слушающему, выплескивает свой гнев, пытается поколебать его эмоциональное равновесие, в связи с чем нередко такие действия сопровождаются оскорблением. При этом, чем аффективней угроза, тем теснее она связана с индивидуальной позицией говорящего и тем меньше опирается на социальные стереотипы. В угрозе действуют не истинность относительно объективного мира, а истинность относительно концептуального мира участников акта коммуникации. В связи с этим речевые акты угрозы, в которых действуют особые иллокутивные силы, непосредственно связаны с эмоциональным аспектом.

По мнению Е.М. Вольф, угроза может рассматриваться как особый вид иллокутивных речевых актов, где действуют специфические именно для них иллокутивные силы, целью которых является вызвать у собеседника эмоциональную реакцию [Вольф 1985]. В эмоциональном состоянии адресата, меняющемся в результате речевого действия, заключается перлокутивный эффект речевых актов угрозы.

Несовпадение иллокутивных целей и перлокутивного эффекта создает конфликтную ситуацию, не предусмотренную говорящим: *Больничного по уходу за ребенком я вам не дам,— сурово сказала врач. — На это не рассчитывайте. — А мне и не надо,— огрызнулась Ирочка. — Я не работаю* (Маринина).

В речевом акте угрозы постоянно взаимодействуют субъективный и объективный факторы, причем каждый из них затрагивает и субъект, и объект угрозы. Однако реакция на угрозу не является

непосредственной, она лишь следствие эмоционального воздействия. Указание на эмоции адресанта, как правило, присутствуют и в прямом речевом акте угрозы, и в косвенном.

3.3. СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ УГРОЗЫ

Речевая ситуация угрозы оформляется разноуровневыми языковыми средствами. Так, лексические средства языка, помимо таких нейтральных выражений, как *я этого так не оставлю, ты пожалеешь о..., ты еще заплатишься за...* и подобных, используемых с целью указания на негативные последствия: *Вы, милиционеры, всегда были антисемитами. Но я этого так не оставлю* (Маринина); *Ты пожалеешь об этих словах уже завтра, — с уверенностью заявил он* (Маринина), часто представляют эмоционально окрашенную лексику с целью усиления значения угрозы: *Ладно, — с угрозой произнес обвиняемый, швыряя на стол бумаги, — ты у меня еще заплатишься, сволочь* (Маринина); *Рында сел рядом с водителем и полубернул к чужакам, держа в проеме между спинками сидений нож, чтобы они его видели: «Не дергаться, падлы»* (Корецкий).

Просторечные бранные обращения *падлы, сволочь* указывают на отношение говорящего к исполнителю и подчеркивают степень эмоционального воздействия на него. С целью усиления категоричности угрозы и запугивания используются соответствующие фразеологические выражения: *убить (задушить) своими руками, оторвать голову, не сносить головы, перегрызть глотку, костей не соберешь* и подобные: *Я за Алену любому глотку перегрызу, — повторил Сергей* (Маринина); *Старая лгунья! — заорал он. — Мерзавка! Что ты врешь? ...Я тебя убью, убью своими руками* (Маринина); *Быстро отваливай отсюда, а то костей не соберешь, поняла?* (Маринина).

На морфологическом уровне языка типичным средством выражения степени категоричности требования и фактически исключения ситуации выбора линии поведения для исполнителя является использование в директивной части форм инфинитива: *Лежать, подонок! Лежать, а то придушу!* (Пронин).

На синтаксическом уровне также существуют свои средства выражения угрозы и усилители эмоционального воздействия.

Как и в любом другом речевом акте, при угрозе используется обращение. Называя адресата угрозы по имени, имени и отчеству, по фамилии, т.е. используя имена собственные, адресант задействует основную — апеллятивную функцию обращения. Однако при использовании имени нарицательного функция обращения, как правило, меняется на регулятивную. В большей степени это обусловлено взаимодействием синтаксических и лексических языковых средств выражения, когда, употребляя в качестве обращения эмоционально (часто негативно) окрашенные лексемы, говорящий подчеркивает свое отношение к адресату: *живодер, поганка, подонок, сволочь* и т.п.

Наблюдается и явление переосмысления: обращения в форме устойчивого сочетания типа *золотая моя* и подобных в речевом акте угрозы, когда они приобретают оценку со знаком «минус». С одной стороны, при использовании подобного обращения налицо стремление говорящего скрыть или смягчить цель своего высказывания, с другой стороны, контраст между сложившимся положением дел для адресата и подчеркнуто мягкое, любезное обращение создают впечатление иронии, стремления отрицательно воздействовать на адресата: *А это мы еще посмотрим,— улыбнулась Бэлла Львовна. — Теперь, золотая моя, расклад сил совсем другой (Маринина); Не даешь ты обещаний,— хмыкнула про себя Бокучава.— А цепь взяла. И другие подарки возьмешь. А потом уже никуда не денешься, милочка ты моя золотая (Маринина).*

Эмоциональная же степень воздействия говорящего более ощутима в бессюжных конструкциях, подчеркивающих результативность и быстроту выполнения угрозы: *Узнаю, кто это сделал,— глаза выколю (Маринина)* или в сложносочиненных конструкциях с использованием разделительных союзов, создающих ситуацию жесткого выбора: *Или вы немедленно скажете мне, в чем дело, или я вызываю неотложку (Маринина); В вашем распоряжении десять минут. Либо за эти десять минут вы представите мне доказательства того, что вы не убивали Агаева и не брали за это деньги у фирмы «Артэкс», либо через десять минут вас выведут отсюда в наручниках (Маринина).*

Степень аффективности говорящего передается посредством синтаксических повторов, причем часто в ближайшем контексте следует указание на эмоции, переживаемые говорящим: *Я тебя убью, убью своими руками! Лицо его было страшным, искаженным злобой и яростью, глаза сверкали (Маринина). Рядом с вихрастым*

стоял еще один пацан, маленького росточка, со злыми глазками. На его лице явственно читалось: «Вот только попробуй не встань, вот только попробуй» (Маринина). Я еще не такие слова употреблю, если ты не перестанешь дурака валять! Я тебя... Я тебя... — Он задыхался от ярости (Маринина). Если ты, — она говорила медленно и с трудом, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не заорать, — если ты еще раз позволишь себе сказать что-либо подобное, я тебя убью (Маринина).

Таким образом, коммуникативно-прагматический подход к исследованию речевого акта угрозы позволяет сделать следующее заключение. Угроза — конфликтный речевой акт, представляющий собой директивно-комиссивный тип побуждения к действию. Усиление директивного или комиссивного компонента связано с осуществлением / неосуществлением нежелательного действия. Речевой акт угрозы тесно связан с эмоциональным аспектом как в плане воздействия на адресата, так и в достижении особой эмоциональной реакции. Выбор прямого или косвенного способа выражения угрозы является прагматически мотивированным. Кроме того, приведенные выше элементы анализа языковых средств выражения семантики угрозы подтверждает мысль В.Г. Гака: «Прагматический подход открывает широкие перспективы в анализе языковых средств, побуждает обращать внимание на важные явления, которым в традиционной грамматике не уделялось должного внимания. Многие из этих индикаторов, без которых не строится ни одна живая фраза, либо вообще не изучались, либо не исследовались с необходимой глубиной. Причина этого состоит в том, что они распределяются по различным частям речи и всегда рассматривались разрозненно, так что их функциональная общность и специфика оказывались невыявленными» [Гак 1998: 559].

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

- К какому классу относится речевой акт угрозы?
- Объясните механизм осуществления коммуникативного задания в речевом акте, содержащем квазиперформатив.
- Каково предназначение языка семантических примитивов в прагмалингвистическом аспекте?
- Что понимается под количественной и качественной трансформацией семантической модели угрозы?

- Охарактеризуйте типичные способы формирования эксплицитной / имплицитной интенции угрозы.
- Какова специфика косвенного речевого акта угрозы?
- Объясните значение социальных характеристик (статуса) коммуникантов при реализации речевого акта угрозы.
- Как выражается в языке эмоциональное взаимодействие коммуникантов, выявляющее конфликтный характер речевого акта угрозы?

ЗАДАНИЯ ДЛЯ УГЛУБЛЕННОЙ ПРОРАБОТКИ

- Внимательно изучите предыдущий раздел. Используйте также в качестве образца раздел XIV «Конкретный анализ: Директивный РА; Поле побудительности; КСГ просьбы» в учебном пособии Н.И. Формановской «Речевое общение». Составьте развернутый план анализа речевого акта.
- В соответствии с составленным планом проанализируйте по вашему выбору (на материале художественной литературы) речевую ситуацию директивного / комиссивного типа.
- Какую роль играет такая структура, как коммуникативно-семантическая группа при реализации коммуникативно-прагматического подхода к анализу высказывания?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Байрамукон Р.М.* Речевое действие угрозы в рассказах В.М. Шукшина: Автореф. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2001.
2. *Безяева М.Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М.: Изд-во МГУ, 2002.
3. *Боргер Я.В.* Комплексный анализ речевых актов негативной реакции (на материале современных речевых произведений). Автореф. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004.
4. *Ерофеева Е.В.* Прямые и косвенные способы выражения речевого акта угрозы во французском языке // Филол. науки. № 1. 1997. С. 66—74.
5. *Маслова А.Ю.* Особенности актуализации потенциального плана не прямой угрозы // Функционально-семантические исследо-

- вания: Межвуз. сб. науч. тр. / Мордов. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. Вып. 3. Саранск, 2004. С. 42—46.
6. *Маслова А.Ю.* Специфика речевого акта угрозы // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. СПб., 30 июня—5 июля 2003 г. Русский язык и русская речь сегодня: старое — новое — заимствованное / Под ред. К.А. Роговой, Н.О. Рогожиной, Е.Е. Юркова. СПб.: Политехника, 2003. С. 287—295.
 7. *Маслова А.Ю.* Семантика и прагматика косвенной угрозы-повествования // Грани слова: Сб. науч. статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. М.: ЭЛПИС, 2005. С. 476—480.
 8. *Ратмайр Р.* Прагматика извинения. Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Пер. с нем. Е. Араловой. М.: Языки славянской культуры, 2003.
 9. *Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002.

4. ПРИНЦИПЫ И ПОСТУЛАТЫ ОБЩЕНИЯ. КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ И СТРАТЕГИИ

- Понятие кооперативного общения
 - Категории и постулаты общения Г.П. Грайса
 - Максимы вежливости Дж. Лича
 - Причины нарушения постулатов и максим общения
 - Понятие конфликтного общения
 - Коммуникативные стратегии и тактики. Общая характеристика
-

4.1. ВИДЫ ОБЩЕНИЯ. УСЛОВИЯ УСПЕШНОГО ОБЩЕНИЯ И ИХ НАУЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Поведение коммуникантов в процессе общения преследует определенные цели и регламентируется правилами, как всякое социальное поведение. Для достижения *коммуникативных целей* мы пользуемся определенными приемами, которые (в зависимости от уровня рассмотрения) называют *коммуникативными стратегиями, коммуникативными тактиками и коммуникативными навыками*. Что касается правил, нормирующих речевое поведение, то они, как отмечает Н.Д. Арутюнова, «относятся к сфере молчаливых соглашений между коммуникативно обязанными членами общества. Задача прагматики — их обнаружить и сформулировать» [Арутюнова 1985: 26].

Правила успешного речевого поведения были сформулированы еще Аристотелем:

- говори то, что важно;
- говори правду;
- говори ясно.

Правила речевого поведения, обсуждаемые в лингвистике XXI в., так или иначе пересекаются с правилами эффективного речевого

общения, выведенными Аристотелем. Так, П. Ноуэлл-Смит постулирует требование истинности утверждаемого, наличия достаточных оснований для мнения или оценки и др. Систему правил коммуникации с обоснованием основного принципа речевого общения представил Г.П. Грайс в работе «Логика и речевое общение».

Принцип — это основное, исходное положение какой-либо теории, учения; руководящая идея, основное правило деятельности. Согласно Г.П. Грайсу, основным принципом коммуникации является кооперация, когда общение развивается по модели согласия. «Принцип кооперации» гласит: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [Грайс 1985: 222].

Выполнению этого принципа соответствует соблюдение конкретных постулатов. **Постулат** — это то же, что и аксиома, отправное, исходное положение теории, бесспорная истина, не требующая доказательств. Эти постулаты разделены Г.П. Грайсом на четыре категории, которые он вслед за Кантом определил как категории количества, качества, отношения и способа.

Категория количества:

1. «Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога)».
2. «Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется».

Категория качества:

1. «Не говори того, что ты считаешь ложным».
2. «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований».

Категория отношения:

1. «Не отклоняйся от темы».

Категория способа:

1. «Избегай непонятных выражений».
2. «Избегай неоднозначности».
3. «Будь краток (избегай ненужного многословия)».
4. «Будь организован».

Нетрудно заметить, что эта классификация применима к некой идеальной модели общения. К тому же сам автор выражает сомнения по поводу совершенства своей системы; анализируя постулаты информативности, релевантности (в категории отно-

шения), он отмечает, что существуют также постулаты и эстетические, и социальные, и моральные. На определенную степень ограниченности постулатов Г.П. Грайса указывает и собственно цель проведенной им работы: «Я сформулировал постулаты таким образом, будто целью речевого общения является максимально эффективная передача информации; естественно, это определение слишком узко, и все построение должно быть обобщено в применении к таким общим целям, как воздействие на других людей, управление их поведением и т.п.» [Грайс 1985: 224].

Список постулатов общения П. Грайса дополняет и максима Дж. Серля, сформулированная им в результате исследования косвенных речевых актов: *Говори идиоматично, если только нет особой причины не говорить идиоматично.*

Не менее важным принципом, регулирующим отношения между коммуникантами и способствующим достижению коммуникативной цели, является принцип вежливости, разработанный Дж. Личем. Дж. Лич формулирует максимы в понятиях этических норм поведения, в том числе и речевого [цит. по: *Формановская 2002: 53*]. **Максима** — это основное правило, выраженное в краткой формуле, правило, норма, поведение.

1. **Максима такта:** уменьшай затраты других; увеличивай собственные затраты. Быть тактичным — это вести себя приличным, подобающим образом в соответствии с правилами, принятыми данной общественной средой, и соблюдать интересы других.
2. **Максима великодушия:** уменьшай собственную выгоду, таким образом, увеличивай собственные затраты; увеличивай выгоду других. Великодушный человек, как известно, снисходителен к другим, он готов даже жертвовать своими интересами.
3. **Максима одобрения:** уменьшай порицание других; увеличивай одобрение других.
4. **Максима скромности:** меньше хвалите себя, больше порицайте себя.
5. **Максима согласия:** уменьшай разногласия; увеличивай согласие между собой и партнером.
6. **Максима симпатии:** уменьшай антипатию; увеличивай симпатию между собой и партнером.

Как отмечает Н.И. Формановская, к требованиям последней максимы следует отнести явление эмпатии. Это понятие из области психологии и психиатрии, но в настоящее время использует-

ся и в прагмалингвистических исследованиях. **Эмпатия** — это способность коммуниканта встать на точку зрения партнера по коммуникации, вчувствоваться в мир его отношений и оценок и с этих позиций постараться его понять. Эмпатия помогает в выборе оптимальных средств языкового выражения, наиболее пригодного для понимания партнером, вообще в приспособлении высказывания и дискурса к адресату [Формановская 2002: 55]. Типичным примером эмпатии являются косвенные просьбы: *Вы не могли бы... Не трудно ли вам...* (= Выполните предписание).

Следует отметить, что максимы Дж. Лича также не совершенны и легко вступают между собой в конфликт. Например, такт и великодушие побуждают к отказу от любезных предложений, тогда как максима согласия требует, чтобы предложение было принято. Особенность максим вежливости состоит в том, что не только их нарушение, но и их усердное соблюдение вызывает дискомфорт. Так, «гипертрофия вежливости ведет к прагматическим парадоксам, например, комедии бездействия (по Дж. Личу), возникающей в симметричных ситуациях: не желая уступить в вежливости, каждый уступает дорогу другому, и в конце концов оба сразу принимают уступку противной стороны» [Арутюнова 1985: 27].

Р. Лакофф дополняет эти принципы более общими исходными принципами рациональности и блага (исходя из того, что в общении участвуют разумные люди и что они не стремятся нанести друг другу вред) [Карасик 1992]:

- не навязывайся;
- выслушай собеседника;
- будь дружелюбен.

Кроме максим Г.П. Грайса, Р. Лакофф и Дж. Лича, известны и другие правила, регулирующие процесс общения. И.П. Тарасова выделяет:

- правило внимания;
- правило экономии времени;
- правило авторитета;
- правило взаимности, или поддержания контакта;
- правило скромности говорящего и др. [Тарасова 1992].

Ряд максим представлен в работах Д. Карнеги, В.З. Демьянкова и, по мнению О.С. Иссерс, относится к психологии общения (см. [Демьянков 1982; Карнеги 1989]).

Таким образом, исходя из постулатов и максим общения, можно выявить основные условия, наличие которых предполага-

ет развитие общения по модели согласия, или кооперации (сотрудничества):

1. Однонаправленность интенций обоих коммуникантов.
2. Нейтральное или уважительное обращение говорящего к адресату и соблюдение чувства его собственного достоинства.
3. Оптимальная дозировка иллокутивной силы высказывания и отсутствие сильного и бесцеремонного нажима на волю адресата.
4. Выбор таких языковых средств выражения, которые не ущемляют чувство достоинства адресата и соответствуют социальным и психологическим параметрам участников конкретной ситуации.
5. Понимание адресатом целесообразности и уместности требуемого и его готовность исполнить действие [Николова 2002].

Нарушения коммуникативных постулатов делают общение невозможным. Однако в большинстве случаев постулаты общения нарушаются. Можно выделить ряд причин, объясняющих намеренное или ненамеренное нарушение постулатов кооперативного общения.

- 1) В силу противоречивости самих постулатов, например, *будь вежлив* и *будь краток*. Формулы вежливости в информативном отношении избыточны.
- 2) В силу стремления говорящего к косвенному выражению смысла. Это ведет к образованию подтекста высказывания, или, по Г.П. Грайсу, **коммуникативной имплицатуры**. Как отмечает Е.В. Падучева, имплицатура «разгружает» семантическое описание предложения, удаляя из него некоторые компоненты общекоммуникативного происхождения» [Падучева 1982]. Общение на уровне имплицатур может быть обусловлено причинами социального или индивидуального плана:
 - из соображений вежливости: говорящий может смягчать свое коммуникативное намерение и избегать прямой формулировки желания, осуществление которого может затруднить собеседника;
 - с целью избежать ответственности за свои слова;
 - с целью сокрытия предостудительной коммуникативной задачи;
 - с целью повышения экспрессивности речи, придания ей эстетической ценности. В этом случае имеют место стилистические приемы (риторический вопрос, гипербола, ирония и др.) и прагматика перерастает в риторику.

Интересно, что нарушение постулатов общения может преследовать и особые цели воздействия на адресата, требующие приемов, выходящих за пределы стилистики и риторики [см. Карасик 1992]. Так, в школах медитации по системе Дзен используются так называемые коаны, алогичные предложения, содержащие какой-то намек: «Хлопок двух ладоней издает звук, а что такое звук одной ладони?» [Налимов 1979: 107]. Намеренное разрушение значений слов преследует цель выйти на интуитивный, нелогический уровень сознания, сломать сложившиеся стереотипы.

- 3) В силу коммуникативных манипуляций, цель которых — поставить партнера по общению в неудобное положение. Типичный пример — реплика Остапа Бендера из «Двенадцати стульев», ставшая уже крылатой: *Может быть, тебе ключи от квартиры дать, где деньги лежат?* Отвечающий дает понять, что вопрос был неуместен, и делает это в язвительной форме, унижая своего собеседника, который якобы не осознает своего статуса.
- 4) В силу особого характера общения. В.И. Карасик приводит пример реплики из пьесы абсурда: *A nose that can see is worth two that sniff* (E. Ionesco). Высказывание абсурдно, поскольку в приведенном примере нарушен постулат способа выражения — слова должны употребляться в их нормальном значении, как в прямом, так и в метафоричном (нос — это орган обоняния, а не зрения) [Карасик 1992].

Нарушение коммуникативных постулатов в естественной речи может способствовать уточнению статусов адресанта и адресата сообщения.

Нарушение постулата количества в сторону недостаточной либо избыточной информативности имеет дополнительный прагматический смысл, который можно истолковать следующим образом: 1) я говорю тебе общеизвестную истину, поскольку считаю, что имею право поучать; 2) я говорю тебе о том, что для тебя непонятно, чтобы подчеркнуть свое превосходство.

Нарушение постулата качества также может быть двупланным, в сторону недостаточной либо избыточной искренности. Неискренность и недостаточная искренность свидетельствуют об отрицательном отношении адресанта к адресату. Избыточная искренность может претендовать на интимизацию общения и раскрывать стремление адресанта сообщения войти в круг людей, близких адресату, не имея на это объективных оснований.

Нарушение постулатов категории способа связано с использованием коммуникативных импликатур: побуждая адресата к действию на уровне импликатуры, говорящий повышает коммуникативный статус адресата, поскольку дает ему знать, что рассчитывает на способность расшифровать подтекст и отреагировать на него соответственно.

Нарушение постулатов общения: разного рода нарушения правил дозировки информации и этикета общения, степени мотивации осуществления речевого акта, отсутствие учета коммуникативных установок и настроения адресата, — могут привести к отсутствию кооперации между коммуникантами и, следовательно, к конфликтному общению. Таким образом, сосуществуют и противопоставлены друг другу два вида общения — кооперативное (зона согласия) и конфликтное (зона несогласия). Само **понятие конфликтности в теории коммуникации** трактуют, с одной стороны, очень широко — как отсутствие перлокутивного результата речевого акта вообще, и с другой — как столкновение интересов, целей, взглядов участников общения, в результате чего одна из сторон действует сознательно и активно в ущерб другой [Третьякова 2000: 127]. При этом общение обычно развивается в духе конфронтации, коммуниканты различаются в оценке ситуации и между ними нередко возникает чувство антипатии [Муравьева 2002: 77].

Эпизоды, развивающиеся по модели несогласия и конфликтности, имеют более сложную структуру, чем при кооперации, в них общение усложняется тем, что выражается прямой или косвенный отказ совершить действие, который часто сопровождается и различными по силе эмоциональными реакциями обоих коммуникантов. Отсутствие согласованности между программами партнеров коммуникации и недостижение перлокутивного эффекта речевого акта изучают и описывают в лингвистике и как коммуникативные неудачи.

Устранение конфликта, перевод его в сотрудничество — одна из актуальных прикладных задач исследования общения. В связи с этим на первый план выходит вопрос о выявлении, объяснении, разработке определенных стратегий и тактик общения. Активное привлечение этих понятий для анализа процесса коммуникации с середины 80-х гг. отражает усиление в науке прагматического подхода. Прагматика заимствовала понятие стратегии из военного искусства. Закономерно, что главным при реализации определенной стратегии является победа, а не кооперация. О.И. Иссерс от-

мечает: «...кроме принципа Кооперации, можно говорить о принципе Некооперации, базирующемся на приоритете интересов говорящего над интересами слушающего (хотя стратегически важно «вычислить» интересы последнего и учитывать в речевых тактиках)» [Иссерс 2003: 70]. По мнению исследователя, при анализе стратегии важно учитывать установку на сотрудничество коммуникантов или отсутствие этой установки.

4.2. ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ОБЩЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПЛАНА

Планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализация этого плана в самом общем смысле включает в себя речевые отражения. Теоретические исследования в области стратегий и тактик принадлежат многим ученым [Демьянков 1982; Бйм 1985; Сухих 1986; Янко 2001; Иссерс 2003 и др.]. В самом общем смысле речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана.

Коммуникативная стратегия — это часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели [Кашкин 2000].

Классификация коммуникативных стратегий может быть проведена по разным основаниям. Детальная типология стратегий представлена в монографии О.И. Иссерс. Исследователь выделяет следующие типы:

- по учету наличия / отсутствия установки на кооперацию: *кооперативные* (стратегии одобрения, утешения, уговоров и др.) и *некооперативные, или конфронтационные* (стратегии дискредитации, ссоры и др.);
- по степени значимости намерения: *общие и частные* (сравним: общая стратегия дискредитации — частные стратегии обвинения, оскорбления, насмешки);
- по характеру функционирования в процессе коммуникации: *основные* (связанные с непосредственным воздействием на ад-

ресата) и *вспомогательные*. Вспомогательные подразделяются на *прагматические*, связанные со значимостью компонентов коммуникативной ситуации (стратегии самопрезентации, статусные, ролевые, эмоционально настраивающие стратегии и др.); *диалоговые*, связанные с задачами контроля за организацией диалога; *риторические*, связанные с риторическими техниками эффективного воздействия на адресата [Иссерс 2003].

Как указывает А.К. Михальская, коммуникативное сотрудничество проявляется в трех основных стратегиях: *стратегии близости, отказа от выбора, отстранения*, которые непосредственно связаны и, как видно, иллюстрируют реализацию правил общения Р. Лакофф [Михальская 2002]. В качестве основания для такой классификации можно выделить проявление свойств личности коммуникантов в процессе общения.

Многие стратегии ритуализируются, превращаются в речевые конвенции и теряют информативность. Например, мы каждый день используем определенную стратегию приветствия для разных людей и для разных целей коммуникации с этими людьми.

Интересен собственно языковой подход к определению стратегии Т.Е. Янко, основанный на теориях актуального членения и коммуникативной структуры предложения: «Коммуникативная стратегия говорящего состоит в выборе коммуникативных намерений, распределении квантов информации по коммуникативным составляющим и выборе порядка следования коммуникативных составляющих в предложении» [Янко 2001: 38]. Согласно определению, формирование коммуникативной стратегии включает следующие этапы:

- 1) выбор глобального речевого намерения (констатация факта, вопрос, обращение с просьбой);
- 2) отбор соответствующих компонентов семантики предложения и экстралингвистической конситуации;
- 3) определение объема информации на одну тему, рему и т.д. (Сравним: *Что это вы так расстроены? — Дети кашу плохо едят* и *Да это все дети. Они у меня кашу плохо едят*);
- 4) соотнесение квантов информации с состоянием собеседников и фактором эмпатии;
- 5) определение порядка следования коммуникативных составляющих (эмоционально настроенный говорящий может начать сообщение с ремы);

б) настрой коммуникативной структуры предложения на определенный коммуникативный режим (диалогический, нарративный и др.), стиль и жанр [Янко 2001: 38].

Коммуникативная стратегия всегда отличается гибкостью и динамикой, ведь в ходе общения она подвергается постоянной корректировке, непосредственно зависит от речевых действий оппонента и от постоянно пополняющегося и изменяющегося контекста дискурса. Динамика соотношения осуществляемого в данный момент хода с предшествующими, а также их влияние на последующие — один из главных признаков стратегии [Макаров 2003].

Стратегии связаны с замыслом конечной цели общения, а тактики — непосредственно с приемами реализации общей стратегии.

Таким образом, уточняя понятие стратегии, предполагающее и указание на реализацию тактических шагов, приведем следующее определение: в широком смысле **коммуникативная стратегия** — «**тип поведения** одного из партнеров в ситуации диалогического общения, который обусловлен и соотносится с **планом достижения** глобальной и локальных коммуникативных целей в рамках типового сценария функционально-семантической репрезентации интерактивного типа» [Романов 1988: 103]. *Планом достижения* и являются коммуникативные тактики участника коммуникации.

Коммуникативная тактика рассматривается как совокупность практических ходов, линии речевого поведения в реальном процессе речевого взаимодействия.

Коммуникативная тактика — более мелкий масштаб рассмотрения коммуникативного процесса по сравнению с коммуникативной стратегией. Она соотносится не с коммуникативной целью, а с набором отдельных коммуникативных намерений. Тактика — это динамическое использование коммуникантами речевых умений для построения диалога в рамках той или иной стратегии [Борисова 1996]. О.И. Иссерс предлагает следующую схему описания речевой тактики:

- 1) Что известно о предстоящем коммуникативном событии (знание о типе речевых актов, знание когнитивных пресуппозиций, представление о будущей ситуации общения)?
- 2) Каковы позиции (симметричные / несимметричные) в предстоящем диалоге?

- 3) Каковы установки говорящего и слушающего на тип общения (кооперативное / конфронтационное)?
- 4) Каковы условия успешности избранной речевой тактики?
- 5) Какие перлокутивные эффекты могут свидетельствовать об успехе или неудаче речевой тактики?
- 6) Каковы возможные коммуникативные ходы (приемы) для реализации намерения?
- 7) Какие языковые ресурсы следует использовать для реализации замысла? [Иссерс 2003: 128—130].

Стратегия и тактика соотносятся между собой как род и вид [Верещагин 1992]. Е.В. Клюев демонстрирует соотношение элементов стратегии и тактики в процессе общения следующей схемой: «используя коммуникативную компетенцию, говорящий ставит перед собой коммуникативную цель (определяя или не определяя коммуникативную перспективу, то есть возможность вызвать желаемые последствия в реальности) и, следуя определенной коммуникативной интенции, вырабатывает коммуникативную стратегию, которая преобразуется в коммуникативную тактику (или не преобразуется, или преобразуется неуспешно) как совокупность коммуникативных намерений (задач), пополняя коммуникативный опыт говорящего» [Клюев 1998]. *Коммуникативный опыт* понимается как совокупность представлений об успешных и неуспешных коммуникативных тактиках, ведущих или не ведущих к реализации соответствующих коммуникативных стратегий.

Опираясь на разработки О.С. Иссерс, исследующей феномен коммуникативных стратегий и тактик, проиллюстрируем работу указанной схемы.

Стратегическая (первостепенная) цель — высказать критическое суждение.

Второстепенная цель — избежать вреда для слушающего.

Тактика — «Не навреди партнеру».

Коммуникативные ходы:

- явная ложь: *У N неудачная стрижка = Мне нравится твоя новая стрижка;*
- смещение фокуса с одного аспекта на другой: *У N платье, которое ей совершенно не идет = Какой замечательный цвет у этого платья!;*
- намеренное использование двусмысленностей: *Жених подруги производит неприятное впечатление = Ты знаешь, он не такой, как мы;*

- использование эвфемизмов: *Ребенок совершенно невоспитан = Он же ребенок!*

Во всех случаях говорящий пытается избежать вреда для слушающего, но он явно неискренен и не стремится манипулировать проблемой либо поместить ее в контекст отношений между партнерами [Иссерс 2003: 256—257].

Выбор тактики зависит от точки зрения говорящего на ситуацию и на проблему в целом. «Владение стратегиями и тактиками входит в прагматическую компетенцию говорящего: чем более он компетентен в языке и речи, в применении постулатов и правил общения, тем многообразнее и гибче его стратегии и тактики и тем успешнее он добивается своих целей» [Формановская 1998: 72]. Конечная успешность или неуспешность речевого акта является следствием комбинации различных стратегий и тактик обоих участников коммуникативной ситуации.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

- Поясните понятия *принцип, постулат, максима*.
- Какие основные принципы речевого общения и кем были сформулированы в рамках прагмалингвистики?
- Какие виды общения вам известны?
- Охарактеризуйте постулаты Г.П. Грайса, проиллюстрируйте примерами.
- Охарактеризуйте максимы Дж. Лича.
- Каковы причины нарушения правил общения?
- Что такое *эмпатия*?
- Дайте определение *коммуникативной стратегии, тактики*.
- В каком соотношении находятся коммуникативная стратегия и тактика?
- Какие виды коммуникативных стратегий вам известны?

ЗАДАНИЯ ДЛЯ УГЛУБЛЕННОЙ ПРОРАБОТКИ

- Проанализируйте статью В.З. Демьянкова «Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации)» [Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 41. 1982.

С. 327—337]. Что понимается под конвенциями общения? Какими правилами общения В.З. Демьянков дополняет известную классификацию постулатов Г.П. Грайса? Какие стратегии общения выделяет автор статьи?

- Подберите примеры, иллюстрирующие нарушение принципа кооперации. Прокомментируйте несоответствия постулатам Г.П. Грайса в данной иллюстрации.
- Ознакомьтесь с разделом 2 «Стратегии и тактики как реальность речевого общения» в монографии О.С. Иссерс «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи». Охарактеризуйте основные предпосылки изучения речевых стратегий.
- По предложенной схеме проанализируйте стратегии и тактики общения в выбранной вами речевой ситуации.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение / Пер. с англ. В.В. Туровского // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217—237.
2. *Демьянков В.З.* Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 41. 1982. С. 327—337.
3. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2003.
4. *Карнеги Д.* Как перестать беспокоиться и начать жить; Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. М.: Прогресс, 1989.
5. *Кашкин В.Б.* Введение в теорию коммуникации: Учеб. пособие. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000.
6. *Клюев Е.В.* Речевая коммуникация. М.: ПРИОР, 1998.
7. *Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Рус. яз., 2002.
8. *Янко Т.Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.

5. КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ. ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ

- Возможные причины неуспешной реализации речевого акта
 - Понятие коммуникативной неудачи
 - Основания для классификаций коммуникативных неудач
 - Понятие коммуникативного самоубийства
 - Характеристика коммуникативных неудач, возникающих при реализации речевого акта угрозы
-

Речевой акт может быть успешным и неуспешным. Это зависит от того, достигнут ли перлокутивный эффект в ходе речевого общения, осуществились ли планируемые коммуникативные цели.

Следует отметить, что ожидаемый перлокутивный эффект зависит от многих факторов. В первую очередь, естественно, от речевого поведения и силы интенции адресанта. Однако существенное значение имеют также интенция и настрой второго участника общения — адресата. На достижение перлокутивного эффекта влияет, как он относится к своему собеседнику, насколько оценивает требуемое действие как мотивированное и возможное в данной ситуации.

Могут не совпадать намерения адресанта с их прочтением адресатом. Как отмечает А. Николова, адресат реагирует не только на саму сущность того, что от него требуют, но и на некоторые формальные элементы языкового кода, соблюдения ритуала, статусности, вежливости и др. Только при удачной дозировке и комбинации всех этих элементов возможен ожидаемый говорящим положительный результат [Николова 2000].

Однако в реальном общении коммуникативные постулаты часто игнорируются, и тогда имеет место конфликтный тип общения. Так, Л.П. Крысин справедливо отмечает, что в наши дни

чрезвычайно высок уровень агрессивности в речевом поведении людей, активизировался жанр речевой инвективы (бранной речи), и объясняется это, по мнению лингвиста, зачастую негативными процессами, происходящими во внеязыковой действительности, «с общими деструктивными явлениями в области культуры и нравственности» [Крысин 1996: 386].

Неизбежными спутниками естественного общения являются непонимание, недопонимание, неумение услышать, неумение точно выразить мысль. Поэтому в современных лингвистических исследованиях в связи с личностными характеристиками коммуникантов, обстоятельствами общения, процессами понимания и языкового выражения, трудностями достижения коммуникативных и практических целей, нарушением принципа коммуникативной контактности, степенью коммуникативной компетенции участников общения активно изучаются речевые аномалии, или коммуникативный дискомфорт, или коммуникативные неудачи (далее КН). Последний термин является общепринятым в исследованиях коммуникативно-прагматической направленности.

5.1. СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ

Каждое из определений коммуникативной неудачи отражает фактор нереализованной цели общения.

Коммуникативная неудача — это полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего, а также возникающий в процессе общения не предусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление [Ермакова, Земская 1993: 31]. Это сбой в общении, при котором определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения [Городецкий, Кобозева, Сабурова 1985]. Коммуникативная неудача — это отрицательный результат общения, такое завершение общения, когда цель общения оказывается не достигнутой [Стернин 2000].

Возросший интерес к функциональным и прагматическим аспектам речевого общения обусловил появление в отечественной лингвистике большого количества работ, посвященных изучению разного рода сбоев, неудач в коммуникации. Исследуются

КН, возникающие при общении «человек — машина», в устной разговорной речи, письменной речи, в монокультурной и межкультурной коммуникации [см. подробнее: Гудков 2003].

Исследование данного феномена связано прежде всего с выявлением причин возникновения КН. Однако ученые, предпринимающие попытку создать типологию КН, сходятся во мнении, что все типологии достаточно условны, требуют уточнения и дальнейшей разработки. Сложность состоит в том, что эти причины, как правило, не являются единичными, чаще всего образуют целый комплекс [Ермакова, Земская 1993]. Тем не менее, можно выявить ряд оснований, которые положены в основу имеющихся классификаций.

Авторы коллективной статьи Б.Ю. Городецкий, И.М. Кобозева, И.Г. Сабурова «К типологии коммуникативных неудач» учитывают такие важные критерии, как **последствия** КН и *источники* КН. Классифицируя КН по источникам, исследователи выделяют КН, *причиной которых является сам коммуникант*, и КН, *вызванные обстоятельствами коммуникативного акта* [Городецкий, Кобозева, Сабурова 1985: 67—72].

Н.И. Формановская выделяет три основания для классификации КН [Формановская 2002: 170—174]:

- **социальнокультурные** (различия в картинах мира);
- **психосоциальные** (разные ментальные модели фрагментов действительности, несовпадение оценок фрагментов и явлений действительности, нарушение речевого поведения, нарушение канала связи, неправильное прочтение речевой интенции и др.);
- **собственно языковые** (употребление окказионализмов, неточное понимание значений грамматических средств, неточная референциальная отнесенность, многозначность, паронимия, омонимия и др.).

Общепринятой является классификация О.Н. Ермаковой и Е.А. Земской — авторов статьи «К построению типологии коммуникативных неудач». В основание их типологии положены возможные причины, вызывающие КН [Ермакова, Земская 1993: 33]:

- **порождаемые устройством языка**: *Это очень эффективный ход. — Не вижу ничего эффективного. Просто он результативный. — Ну да, я это и хотела сказать. — Тогда эффективный, а не эффективный* (пример Н.И. Формановский) — причиной КН послужило явление паронимии;

- **порождаемые различиями говорящих** в каком-либо отношении: *Ты делаешь зарядку? — Сегодня не делал. — Я не про сегодня. Вообще-то делаешь? — Время от времени* (пример из статьи Ермаковой, Земской) — адресант спрашивает об обычном явлении, адресат же сообщает о конкретном факте. КН обусловлена разным понимаем единичного / общего, не выраженного в высказывании явно;
- **порождаемые прагматическими факторами**: *У меня там осталось немного масла, и я отдала его хозяйке. — Ну да, немного. Чего возить туда-сюда? — Я бы и много оставила. Во-первых, мне не жалко, а во-вторых, его не довезешь в жару* (пример из статьи Ермаковой, Земской) — адресат превратно истолковывает причину поступка, реагируя на компонент *немного*, адресант с обидой отказывается от причины *немного*, не желая, чтобы ее считали жадной;
- **метакоммуникативные реакции адресата** на слова говорящего, когда непонимание и неудовольствие адресата вызывает форма речи. Авторы статьи опираются на определение метакоммуникативных реакций В.Д. Девкина: «Метакоммуникативные реакции кодового содержания могут состоять из критических или оценочных замечаний, возражений, несогласия с применением избранных собеседником средств (именно средств, а не содержания высказывания)» [см. Ермакова, Земская 1993: 33]: *Вы мне не тычьте!, Как ты разговариваешь?!, Будьте тактичнее!* и т.п.

Особой специфической областью изучения является возникновение КН в процессе межкультурной коммуникации. Д.Б. Гудков отмечает, что «КН в таком типе общения провоцируются не владением одним из коммуникантов системой значений той культуры, на языке которой ведется общение», причем, по мнению исследователя, на этом уровне анализа не имеет смысла разделять вербальные и невербальные неудачи [Гудков 2003: 59]. Он предлагает классификацию ошибок, которые ведут к искажению смысла высказывания и его неверной интерпретации:

- **«технические» ошибки**, вызванные неверным фонетическим или графическим оформлением речи на русском языке;
- **«системные» ошибки**, вызванные слабым владением системой языковых значений различного уровня и способов их выражения: *Ты говоришь очень тихо, я тебя не слушаю* (вместо *я тебя*

не слышу)* — непонимание различия в семантике глаголов *слушать* и *слышать*;

- «**дискурсивные**» **ошибки**, вызванные неверным использованием системы языка, что обуславливается невлаждением системой культурных норм и ценностей того сообщества, на языке которого ведется общение (этикетные ошибки, энциклопедические, стереотипные и др.): *немецкая студентка, хорошо владевшая русским языком, совершенно не поняла, почему ее русский знакомый назвал своего друга Левшой, хотя тот, как она заметила, вовсе не был левшой в собственном смысле этого слова* — пример «энциклопедической» ошибки;
- «**идеологические**» **ошибки**, когда КН вызваны различиями в мировоззрении коммуникантов: *Хорошо знакомый автору статьи американец сказал: «Сейчас придет мой друг, с которым мы познакомились позавчера на одной презентации». Автор статьи выразил свое удивление тем, что человек, знакомство с которым началось лишь два дня назад, был назван другом.*

По мнению автора рассматриваемой классификации, КН чаще встречаются в межкультурной, нежели в монокультурной коммуникации. Теоретическое значение изучения таких коммуникативных неудач состоит в выявлении типологических черт русского когнитивного и языкового сознания, практическое — в выявлении «зон» русского культурного пространства, постижение которых вызывает наибольшее затруднение у инофонов, определение путей коррекции возможных ошибок, избежания этих трудностей [Гудков 2003].

КН постигают коммуникантов, когда они неправильно строят свое речевое воздействие. Наряду с понятием коммуникативной неудачи, специалисты по речевому воздействию используют также понятие коммуникативного самоубийства.

Коммуникативное самоубийство — это грубая ошибка, допущенная в общении, которая сразу делает дальнейшее общение заведомо неэффективным. Например, если оратор начинает свое выступление так: *Извините, что занимаю у вас время... Я вас долго не задержу...* — это типичное коммуникативное самоубийство, так как человек сам сразу сообщает о том, что его информация не

* Примеры для этой классификации заимствованы из монографии Д.Б. Гудкова (2003).

нужна, она вызовет у слушателей раздражение, самое его появление перед аудиторией нежелательно и т.д. [Стернин 2000].

С учетом сказанного проанализируем приведенную выше ситуацию угрозы, но теперь с точки зрения возможных КН.

5.2. ИЗ ОПЫТА ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА. СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ В РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ УГРОЗЫ

Поскольку угроза относится к речевым актам с высокой степенью категоричности, адресат сталкивается с желанием адресанта достичь коммуникативной цели во что бы то ни стало. При невозможности добиться желаемого с первой попытки отправитель угрозы прибегает к таким языковым и неязыковым средствам, которые могут расцениваться как насильственное воздействие, или давление на предполагаемого исполнителя действия. Выбранные говорящим средства порождают конфликтную ситуацию между участниками общения или усугубляют ее. В связи с этим угроза, несомненно, относится к речевым ситуациям, в которых, согласно терминологии К.М. Шилихиной, коммуникант использует тактику коммуникативного давления [Шилихина 2000]. Коммуникативное давление предполагает пренебрежение индивидуальностью собеседника, вторжение в его личную сферу, установление превосходства личной сферы говорящего над сферой адресата, что вполне отвечает прагматическим характеристикам рассматриваемой речевой ситуации.

Детальный анализ речевой ситуации угрозы, ее действительности, (не)реализации, распознавания интенции при косвенном речевом акте угрозы предполагает сосредоточение внимания на перлокутивном акте как одной из составляющих речевой акт в целом. Напомним, что именно перлокутивный акт выражает результат речевого воздействия, которого говорящий интенционально достигает, выполняя локутивный и иллюкутивный акты. Если речевой акт угрозы успешен, то в первую очередь это выражается в адекватной реакции адресата на ее директивный компонент — требование, выраженное эксплицитно: — *Руки в небо!* — лихо крикнул пристав. — *Уложу на месте! <...> Первым бросил прут Упырь, медленно повернулся и поднял руки. Князь и Очко сделали то же* (Акунин); или имплицитно: *Рука Очка немедленно скользнула в рукав, но Будочник в два прыжка*

выскочил вперед и занес пудовую ручищу: — Пришибу!!! — Валет немедленно выставил вперед пустые ладони (Акунин).

Однако в практике речевого общения достаточно часто угроза не достигает перлокутивного эффекта, не воспринимается, игнорируется или даже не распознается адресатом, что дает право говорить о КН.

Рассмотрим теоретические основы исследования, исходя из следующего примера: *На четвертом круге с тротуара соскочил какой-то человек в черном пальто и легко запрыгнул в сани. — Я те ща прыгну, разбойник! — заорал «ванька», замахиваясь на шарамыжника кнутом.<...> — Это мой друг, — объяснила красивая барышня. — Её я и поджидала (Акунин).* Угроза, легко опознаваемая через модель фразеологизированной конструкции с соответствующей семантикой, осталась невыполненной, так же как остался нереализованным речевой акт в целом: имплицитно выраженный компонент угрозы — требование спрыгнуть с саней — был оставлен адресатом без внимания, т.е. перлокутивный эффект не был достигнут. В данном случае КН явилась следствием коммуникативного хода третьего лица: объяснение того, что причина угрозы отсутствует, по сути, является косвенным речевым актом, побуждающим прекратить угрожать новому коммуниканту.

Поскольку целью общения является реализация намерений участников процесса коммуникации, то данная иллюстрация убедительно подтверждает все чаще звучащее в научных дискуссиях мнение о переосмыслении традиционной категории «речевой акт» в коммуникативном дискурс-анализе. Как уже было упомянуто, целесообразно, вслед за М.Л. Макаровым, минимальным значимым элементом, развивающим (в отличие от коммуникативного акта) взаимодействие, продвигающим общение к достижению общей коммуникативной цели, считать **коммуникативный ход** (см. 2.6). В ситуации угрозы обменная реплика или невербальное действие могут не соответствовать намерениям говорящего, в таком случае имеет место КН.

Речевой акт угрозы в силу своей высокой категоричности предполагает однозначную реакцию адресата. Интенция реализована, если адресат согласен выполнить требование, являющееся компонентом угрозы, выполняет его или принимает условия, диктуемые адресантом. Следовательно, оценивая анализируемую речевую ситуацию с позиции КН, необходимо рассмотреть возмож-

ные реакции адресата, сигнализирующие о неэффективности речевого угрожающего воздействия.

Реакция может быть вербальной и невербальной и выражаться в бездействии или противодействии выдвигаемому требованию: *Очко <...> выхватил из рукава нож. Упырь тоже сунул руку в карман. — Стоять! — заорал пристав. — Положу на месте! Всех троих! — Те застыли, испеля друг друга. Очко ножа не убрал, Упырь руки из кармана не вынул* (Акунин). В результате этого коммуникативного акта речевое намерение говорящего не реализовано полностью, так как, несмотря на внешне адекватное поведение, коммуниканты продолжают настаивать на выбранном типе поведения. Это предполагает возможность дальнейшего противодействия.

Эксплицитно (вербально и акционально) противодействие выражено в следующем примере, когда адресат опережает выполнение угрозы, исходящей от адресанта: *Громко хлопнула дверь подъезда. Раздался звонкий крик: — Ни с места! Стреляю! — В ответ сипло: — На, получи! — Оглушительный треск, от которого у Коломбины заложило уши* (Акунин).

Как противодействие может расцениваться и бездействие при отсутствии испуга — естественного эмоционального состояния вследствие обещания адресантом негативных последствий: — *Болталу гонять? — процедил он. — Будет, погоняли. Слово Упыря железное. Завтра будете печь свою мацу на головешках. От синагоги. А чтоб до братьев твоих лучше дошло, я щас тебя, козлину старого, немножко постругаю. — Выхватил из голенища финский ножик и двинулся на Эраста Петровича. Тот не двинулся с места* (Акунин).

Отсутствие испуга как неадекватный перлокутивный эффект может быть представлено не только через противодействие, бездействие, но и в интерпретирующем контексте, как, например, в нижеследующих реакциях на косвенные угрозы: 1) — *Только о любви ничего больше не говорите. А то ведь я вам честного слова не давала. Могу застрелить. — Жюли нисколько не испугалась, тем более что руки Иглы были пусты* (Акунин). 2) *<...> Вы обрекаете себя на сидение в ч-четырёх стенах, а я буду перемещаться по городу совершенно свободно. — Эта угроза меня ничуть не испугала, да и думал я уже о другом* (Акунин).

Характеризуя эмоциональное состояние партнеров, к КН иногда относят изменение эмоционального состояния адресата, как правило, в худшую сторону. Подобное часто наблюдается в ответных репликах в ходе обмена, когда коммуниканты меняются ро-

лями и коммуникативный акт строится по модели «угроза (инициатива) — угроза (реакция)». Фактически это вербальное противодействие, которое может быть прямым и косвенным. <...> *По хорошему говорю: дай. Не дашь — тогда по-плохому возьму. Только думай сначала. Не даром беру... <...> А самое дорогое, что у меня есть и что я тебе подарю — серебро, много серебра. <...> — Я тебе это серебро в пасть вобью, свинья поганая! — перебил Князь и еще долго выкрикивал бессвязные угрозы и ругательства (Акунин).* В прямой ответной угрозе высшая степень эмоционального напряжения выражена в интерпретирующем контексте лексемой «бессвязные».

Косвенная угроза-реплика может представлять собой мотивированное согласие выполнить требование адресанта. Именно в мотивирующей части и содержится имплицитная угроза: — *А ну-ка лягайте оба наземь. Лягайте, не то Ешка вас стрелит. — Князь зубы оскалил — вроде смешно ему. — Не умный ты, Упырь, а дурак. Куда ты против обчества? Кердец тебе теперь. Мне и делать ничего не надо, все за меня «деды» сделают. Ляжем, Очко, отдохнем. Упырь сам себя приговорил. — И улегся на спину. Ногу на ногу закинул, папироску достал (Акунин).* В качестве мотива выступает описание неблагоприятных последствий для угрожающего, т.е. согласие дано не в силу опасения за жизнь, а в силу якобы безразличного отношения к сложившимся обстоятельствам. Тем не менее ответный акцент на негативных последствиях сделан, а нарочито неестественное поведение коммуникантов свидетельствует о высокой степени конфликтности коммуникативного акта и эмоциональной неуравновешенности его участников.

КН при угрозе не всегда характеризуются изменением эмоционального состояния к худшему. Это может быть неожиданная для говорящего реакция адресата на речевой акт: *Он кинулся к револьверу, схватил его и как заорет: — Стой, Очко! Жизни лишу! — Тот обернулся, редкие брови удивленно поползли вверх. — Ба, явление седьмое. Те же и Скорик. Зачем ты вернулся, дурашка? (Акунин).* В данном случае партнер смещает фокус внимания на личность адресанта угрозы, удивляясь его появлению. Коммуникативный ход стратегически оправдан, так как, по контексту, преследуется цель отвлечь говорящего от исполнения намерения.

Возможной, но также не отвечающей коммуникативному намерению говорящего реакцией на угрозу является возражение-вопрос о вероятности или способе осуществления угрозы. Акцент

переносится на комиссивный компонент речевого акта, создается ситуация ответной угрозы косвенного характера, что легко расценивается говорящим как неповиновение: — *Неча трудовой девушке время отымать. — Ты мне поуказывай! — засердился Анисий. — Я тебя живо в участок доставлю. — «Кот» быстро двинул головой влево-вправо, увидел, что улица пуста, и, еще ленивей, с угрозой, осведомился: — А доставлялка не обломается? — Ах вот ты как!* (Акунин).

Подобный тип реакции на угрозу можно соотнести с классом КН, порождаемых реакцией на дескрипцию, согласно типологии О.Н. Ермаковой и Е.А. Земской [Ермакова, Земская 1993]. Адресат угрожающе реагирует не на основную функцию речевого акта, а на описание способа негативного воздействия в комиссивной части речевого акта, нередко повторяя слово в своей реплике и тем самым подчеркивая расстановку акцентов: — *Не играйся со мной — гляди, не совладаю. Князю человека кончить, что муху прибить. — А она весело: — Так то человека, а я Смерть. Прибей, попробуй* (Акунин).

Типичной реакцией на угрозу, а точнее ее комиссивный компонент является ответная косвенная угроза в форме предложения осуществить обещанное, предпринять попытку к осуществлению. Адресат, реагируя на обещание негативных последствий, предлагает в свою очередь инициатору угрозы узнать, к чему приведет его намерение, подразумевая обратную расстановку сил не в пользу грозящего. Как правило, вторая часть подобного предложения — косвенной угрозы имплицитруется, а «угрожающая» сема может быть заложена в лексическом значении слова — ответной реплики. Так, лексема «рисковать» в своем значении уже допускает возможную опасность, неприятность: — *Кто там поближе, выведите этого господина. Иначе я сам за него возьмусь!* — *Я сказал в ответ: — Рискни* (Довлатов).

Часто используемые в ответных репликах фразеологизированные конструкции *Посмей только!*, *Попробуй только!* фиксируются словарями как угрожающие предупреждения. В процессе общения частица *только*, употребляемая для экспрессивного подчеркивания, может быть опущена, тем не менее в таких ситуациях подобные реакции квалифицируются как содержащие угрозу: (А) — *Фильтруй базар! А то я тебе, журавлиная морда, этим бюстом башку разобью.* (Б) — *Ну попробуй, козел, — сказал побледневший Сердюк, вставая со стула, — попробуй!* (В) — *А я и пробовать не буду, — тоже вставая, ответил Мария, — я просто сделаю, и все. За такие слова убивают в натуре* (Пелевин).

Эта ситуация требует дополнительного комментария, поскольку является прецедентом двойной КН: каждый последующий коммуникативный ход фиксирует КН предыдущей реплики. Так, в реплике (В) адресат, вычленивший интенцию говорящего (об этом свидетельствует вторая часть высказывания *За такие слова...*, подчеркивающая экспрессивную оценку событий), специально игнорирует его намерение и реагирует как будто неадекватно. Фокус внимания с возможно неблагоприятного исхода дела переносится на собственно речевой акт предложения. Это другой тип КН. Если вышеописанные КН порождаются правильной трактовкой речевой интенции и неадекватной реакцией на намерение говорящего, то последняя КН порождена заведомо ложной трактовкой речевой интенции и реакцией именно на эту «квазиинтенцию».

КН такого типа возникают более естественно в качестве реакции на косвенный речевой акт: *Анна затянулась сигаретой. — Я вот думаю, — сказала она, — плеснуть вам шампанским в морду или нет? — Даже не знаю, — ответил я. — Я бы на вашем месте не стал. Мы пока еще не настолько близки* (Пелевин). Якобы прямой вопрос закономерно требует ответа, и адресат также переходит на имплицатурный уровень общения, осознавая реальность угрозы. Это подтверждается тем, что адресат все же вербально выражает свой отрицательный выбор и, более того, мотивирует его, что, однако, не влияет на перлокутивный эффект: *В следующий момент веер прозрачных капель врезался мне в лицо — ее бокал был почти полон, и она выплеснула из него шампанское с такой силой, что на секунду я ослеп* (Пелевин).

При угрозе КН могут быть вызваны неверной оценкой ситуации одним из коммуникантов, чаще по причине незнания истинного положения вещей: *Тут одна из дверей стала открываться. Он ее ногой захлопнул и как гаркнет: — Я те вылезу! — Из-за двери заголосили: — Кто это там фулиганичает? Мне до клозету требуется! — Авось заржал: — В портки пруди. А шуметь будешь — через дверь пальну. — Господи святой, — ахнули за дверью. — Никак налет. Я ничего, ребята, я тихонечко. И засов скрежетнул* (Акунин). Конкретизация угрозы вызывает адекватный перлокутивный эффект, что свидетельствует об успешности речевого акта.

Достаточно интересный для анализа, но нетипичный случай иллюстрируется следующим контекстом. Не зная, что помещение подготовлено ко взрыву, говорящий косвенно угрожает собесед-

нику, предоставляя ему право выбора: — *Знаешь, — доверительно понизил голос Глеб Георгиевич, — у меня в кармане револьвер, и нацелен он тебе в живот. <...> Но я против излишеств. Тебя зачем убивать, потому что ты мне действительно не опасен. Выбери, Эраст: или играешь со мной, по моим правилам, или выставляешь себя дураком. Впрочем, есть и третий путь. <...> Промолчи и тихо уйди в отставку* (Акунин). Реально оценивая ситуацию и зная о бомбе, адресат угрозы выбирает молчание. Таким образом, внешне речевой акт успешно реализован и КН не произошло. Однако если исходить из контекста, выбор мотивирован не желанием избежать последствий угрозы, а знанием обстоятельств и уверенностью, что инициатор угрозы погибнет. Следовательно, из-за незнания пресуппозиции говорящим угроза не достигла цели.

КН может быть вызвана реакцией на статус партнера, наделяющего себя правом угрожать и осуществлять угрозу. Как отмечает Н.И. Формановская, это ощущение партнера «как «не того» лица — по статусу, социальной роли, психологическим установкам и т.д., что нередко наблюдается при декларативных и директивных речевых актах, когда не уполномоченное лицо берет на себя больше коммуникативных и фактических прав, ...чем это представляется адресату» [Формановская 2002: 171]. 1) *Открывать пошла Жюли, Грин стоял за дверью с «кольтом» наготове. — Только попробуйте, — шепнул он. — Ах, перестань, — отмахнулась она, отодвинула засов и сказала кому-то невидимому. — Глебчик, входи, я одна* (Акунин). 2) — *Мерзавец! — взорвался пристав. — Наглая скотина! Еще про любовь рассуждает! За моей спиной — такое! На каторгу пойдешь! — Будочник строго сказал: — Молчи, сморчок. Нешто не понял еще, к чему их высокородие клонит* (Акунин). В данных случаях угроза не оказывает соответствующего воздействия, вызывая лишь недовольство собеседника, что и выражено в ответных репликах.

КН в речевой ситуации угрозы могут возникать в результате метакоммуникативных реакций адресата. Так, степень воздействия угрозы снижается или игнорируется, если фокус внимания переносится с возможности ее осуществления на форму речевого выражения угрозы, обычно недовольство ею: *Вызывайте. Скажите, очень срочно. Выдадите — убью. «Убью, убью», — усмехнулась Жюли. — Какой ты, Гринчик, скучный. Хоть бы вышел из себя, закричал, ногами затопал. — Какие быстрые переходы от страха и отчаянности к нахальству, подумал статский советник. Редкостная особа* (Аку-

нин). Интерпретирующий акт фиксирует эмоциональное состояние адресата угрозы как неадекватное угрожающей интенции.

К метакоммуникативным элементам дискурса относится и контроль за речевым поведением коммуниканта, в том числе и за соблюдением правил вежливости: 1) — *Я тебя зарежу!*— вскричал Чикваидзе. — *Не тебя, а вас,* — исправил Шаповалов (Довлатов). 2) — *Все одно убью!*— хрипло крикнул он. — *И в Марьиной Роще достану! За это— кишки вырву, на колбасу пушу!*— Казбек поцокал языком: — *Вы, русские, как бабы. Мужчина не кричит, тихо говорит* (Акунин). Подобные контролирующие реплики в ответ на угрозу, думается, представляют тип двойной КН. С одной стороны, это указание на нарушение этикетных стереотипов (1), несоблюдение социальных норм взаимоотношений (2), с другой стороны — стратегический коммуникативный ход, игнорирующий намерение отправителя угрозы.

Реакция (какая бы то ни было) на угрозу может вообще отсутствовать, если адресат не слышит или не считает нужным отвечать на речевой акт: — *Стрельну! Сейчас стрельну!*— закричал Сенька, но никто на него даже не оглянулся. Он стоял, как дурак. С заряженным револьвером... каждый был занят своим делом. — *Да смотрите же на меня, гады!*— плачущим голосом закричал Сенька, потрясая «кольтом». — *Шас как пальну— всех к бесовой теще завалит!* (Акунин). Повторная угроза вынужденно сопровождается репликой, привлекающей внимание коммуникантов, и повышает степень воздействия за счет эмоциональной интенсивности речевого акта, выраженной совокупностью языковых средств (инвективным обращением, использованием частиц *да, же*, междометным выражением *как пальну*, интерпретирующим контекстом — *плачущим голосом; потрясая; закричал*).

Проведенный анализ позволяет заключить, что КН обусловлены вербальной и невербальной реакциями адресата на речевой акт угрозы. Основные причины их возникновения — игнорирование угрожающего намерения и, отчасти, изменение эмоционального состояния партнера.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

- Комбинация каких условий способствует достижению перлокутивного эффекта? Что этому препятствует?
- Что понимается под *коммуникативной неудачей*?

- Что понимается под *коммуникативным самоубийством*?
- В чем состоит проблема создания типологии коммуникативных неудач?
- Какие классификационные основания для коммуникативных неудач выделяют исследователи?
- В чем состоит специфика коммуникативных неудач, возникающих в процессе межкультурной коммуникации?
- Насколько совершенна теоретическая база классической прагмалингвистики для описания феномена коммуникативной неудачи?
- Какое прикладное значение имеет исследование коммуникативных неудач?
- Какие типы коммуникативных неудач могут возникать при реализации угрозы в процессе речевого взаимодействия партнеров?

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ УГЛУБЛЕННОЙ ПРОРАБОТКИ

- Внимательно изучите статью О.Н. Ермаковой, Е.А. Земской «К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога)».
 - ✓ Охарактеризуйте КН, порождаемые свойствами языка; порождаемые различиями между говорящим и слушающим.
 - ✓ Что понимается под КН, порождаемыми прагматическими факторами?
 - ✓ Какие КН могут возникнуть в манипулятивных речевых актах? Какой речевой акт называется манипулятивным?
 - ✓ Какие еще типы КН, кроме трех основных, выделяются исследователями?
- К какому типу вы бы отнесли следующие КН:
 - *Этой ужасной минуты я не забуду никогда в жизни!*
 - *Забудешь, — заметила Королева, — если не запишешь в записную книжку* (Кэрролл).
 - *Сними свою шляпу, — сказал Король Болванщику.*
 - *Она не моя, — ответил Болванщик* (Кэрролл).

- Ты сегодня идешь гулять со своим кавалером?
 - Мама, он просто друг.

 - Как ты можешь такое говорить?
 - Так. Открываю рот и говорю.

 - Вели-ка, бабка, работнику, чтоб лошадь мою убрал, — сказал он.
 - Я не бабка. И в самом деле, это была не бабка (Чехов).

 - Александр Давидыч, — сказал он дрожащим голосом. — Спаси меня! Умоляю тебя, заклинаю, пойми меня! Положение мое мучительно...
 - Постой... Ты насчет чего, собственно? (Чехов)
- Подберите примеры, иллюстрирующие метакоммуникативные реакции на реплики адресанта. Что понимается под метакоммуникацией?
 - На материале художественной литературы проведите анализ типов коммуникативных неудач при реализации выбранной вами речевой ситуации (просьбы, совета, требования).

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Гудов Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003.
2. Ермакова О.Н., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 30—64.
3. Формановская Н.И. О коммуникативных неудачах // Речевое общение. Коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. С. 169—176.

6. СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ПРАГМАТИКА

- Направления исследований в области сопоставительной прагматики
 - Сопоставительный анализ паремий в семантико-прагматическом аспекте (на материале русского, сербского и болгарского языков)
-

Поскольку современная лингвистика стремится к созданию максимально достоверной картины функционирования языка как социально-психологического явления, особое значение в практическом и теоретическом плане приобретают исследования в области сопоставительной прагматики.

В этой области исследования прагматики могут идти в двух направлениях [Гак 1992]:

- изучаются различия прагматических функций и эффектов высказываний одной и той же лексико-грамматической структуры в разных языках;
- сопоставляются формы языкового выражения, способные выполнять одну и ту же прагматическую функцию, производить один и тот же перлокутивный эффект.

Попытка теоретизации положений сопоставительной прагматики предпринята в труде В.Г. Гака «Сопоставительная прагматика». В сопоставительном исследовании речевых актов автор выделяет три направления:

- составление инвентаря речевых актов с целью выявления способов их выражения в сопоставляемых языках;
- выявление общих закономерностей формирования речи на двух языках;
- изучение реакций на различные действия и происшествия со стороны лиц, говорящих на разных языках.

При сопоставлении языкового материала были выявлены следующие возможные соотношения между исследуемыми языками:

- одно и то же прагматическое содержание может быть выражено аналогичными языковыми средствами;
- одно и то же прагматическое содержание выражается различными языковыми средствами;
- в одном из языков отсутствует так называемая *прагема* — определенная социальная функция (по терминологии В.Г. Гака). Поэтому знание обстоятельств и условий употребления тех или иных речевых актов необходимо во избежание коммуникативных неудач.

В качестве иллюстрации сопоставительного исследования в коммуникативно-прагматическом аспекте обратимся к родственным русскому языку славянским сербскому и болгарскому языкам. Приоритетной целью такого исследования является выявление языковых универсалий и специфики отражения языковой картины мира.

6.1. ИЗ ОПЫТА ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, СЕРБСКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Несомненный интерес для подобного исследования представляет паремология. Паремии характеризуются особой связью с речью — их функционирование, использование носителями языка всегда обусловлено поводом, причиной. Именно в разных речевых ситуациях обнаруживается настоящая природа пословицы. Суждение, заключенное в них, интересно не столько само по себе, сколько тем, что может применяться ко множеству сходных жизненных случаев, ситуаций. В любом человеческом обществе существуют стереотипные ситуации, нормы поведения, бытовые явления, присущие именно этому социуму. Даже в том случае, когда определенное явление окружающей действительности или какая-либо ситуация являются универсальными, каждый этнос воспринимает их по-своему [см.: Телия 1996; Войводиц 2004; Коммуникативное... 2004].

Примем за рабочее следующее определение паремии: «это краткое высказывание, содержанием которого является обобщение, нравоучение или наблюдение, а формой — устное выражение, представляющее собой либо предложение, либо часть предложе-

ния с эксплицитной или имплицитной предикацией, с минимальной или нулевой вариативностью» [Лейчик 2001: 359] и обратимся к группе паремиологических единиц (далее ПЕ), грамматическим центром которых является императивная форма глагола. Рассмотрим межъязыковые совпадения паремий-эквивалентов.

Использование императивной формы глагола создает ситуацию непосредственной *ты*-обращенности высказывания (по нашим данным, в русском языке 2-е л. ед. ч. используется в 99% случаев, а в болгарском и сербском — примерно в 92%) [Войводич 2004], посредством чего конкретизируется семантика ПЕ, и за счет императива подчеркивается дидактический характер изречения в сопоставляемых языках.

Следует, однако, добавить, что двуплановость глагольных форм, в том числе и рассматриваемых здесь императивных, в паремиях почти всегда связана с номинативными словами, сочетаясь с которыми, глаголы конкретизируются контекстуально, участвуя в универсальных и культурно-национальных коннотациях.

Несмотря на ярко выраженную национальную специфику ПЕ, в родственных языках можно выявить эквиваленты и аналоги, позволяющие судить о сходстве мышления родственных народов.

Среди отмеченных параллельных употреблений основную группу составляют паремии-высказывания, репрезентующие речевую ситуацию совета. «Совет побуждает человека к планомерным и хорошо обдуманым действиям, которые, по мнению советующего, полезны для принимающего совет. Совет вырастает на почве солидарности и сочувственного отношения к интересам других людей» [Бельский 1953: 111]. Эта коммуникативная целеустановка обусловлена народной мудростью и опытом, содержащимся в анализируемых ПЕ.

Однако при выражении данной целеустановки в ПЕ родственных языков наблюдаются различия. Так, и на материале паремий можно проследить склонность русского языка к имплицитному способу формирования значений, что отмечается в исследованиях лингвистов [Безяева 2002]. Сравним: *Не говори «гон», пока не перепрыгнешь* (русск.) — *Прескочи, пък тогаз викай «хон»* (болг.) — *Најприје скочи, па онда реци: хон!* (сербск.). Болгарская (БПЕ) и сербская (СПЕ) ПЕ лексически раскрывают коммуникативное задание, тогда как русский вариант ставит акцент, возможно, на этическом плане высказывания. Значение пословицы: «не считай

что-либо сделанным, пока не доведешь до конца». Ее употребление довольно четко ситуативно обусловлено: «говорится тому, кто раньше времени считает дело уже сделанным, что-либо уже свершившимся» [Жуков 1967: 276]. Таким образом, если в сербском и болгарском языках сначала дается рекомендация к действию *пре-скочи / скочи* (имплицитно выраженная в русской поговорке — *пока не перепрыгнешь*), то русская паремиологическая единица (РПЕ) прежде всего контролирует поведение адресата, выполняя нравоучительную функцию. Ср.: в русском языке существует поговорка-синоним, эксплицитно выражающая смысл паремии: *Не хвались, идучи на рать, хвались, идучи с рати*; ср. также сербск.: *Не хвали се када у бој крећеш, већ се хвали кад се здраво вратиш*.

Из трех пословиц *Не плюй в колодец: пригодится (случится, сгодится) водицы (воды) напиться* (РПЕ) — *Не плюй в кладенец, от който ще пиеш* (БПЕ) — *Воду коју ћеш пит' немој мутит'* (СПЕ) — русский вариант более имплицитный, несмотря на то, что в отличие от родственных языковых параллелей содержит основание, объяснение позиции советующего (*пригодится воды напиться*). РПЕ содержит степень вероятности (*пригодится, сгодится, случится*), тогда как БПЕ представляет прямую отсылку к деятельности адресата (*от който ще пиеш*); СПЕ вообще не прибегает к опосредованному обозначению объекта действия (через место — *колодец / кладенец*), а прямо называет объект, что выглядит как буквальная расшифровка смысла РПЕ и БПЕ.

Аналогична ситуация с передачей смысла пословиц *Готовь сани летом, а телегу — зимой* (РПЕ) — *Зиме купувай капела, а лете кожух* (БПЕ) — *Дође ли пролеће — мисли на зиму* (СПЕ). Семантическое ядро пословицы составляет временной план (продумывай заранее, планируй свои действия, выполняй все вовремя), оно имплицитно в РПЕ и БПЕ через объект действий (заранее сани готовят летом для зимы, так как они — зимний способ передвижения; заранее летом покупают кожух для зимы, так как он — теплый вид одежды). В СПЕ временной план эксплицитно через прямое название времен года, а глагол мышления *мисли* прямо называет действие адресата, которое подразумевается в русской и болгарской пословицах.

Интерес с точки зрения содержащейся в них культурной информации представляют паремии, в которых упоминаются «магические» числа. Как известно, для каждого народа характерна приверженность определенным числам. Так, например, в русском

устном народном творчестве одним из наиболее распространенных является число 7, утверждению которого способствовало христианство: семь таинств, даров св. Духа, вселенских соборов, смертных грехов, звезд в венце, мудрецов на свете, свечей в светильнике алтарном и запрестольном. Это число укоренилось в таких фразеологизмах, как *У семи нянек дитя без глазу*; *У семи пастухов не стадо*, *Семь пятниц на неделе*, *Седьмая вода на киселе* и др. В болгарской же традиции более частотным является число 9: *Девет баби за пара*; *Девет вълци, три прасци*; *Девет гозби, се тикви*; и др. Для сербского народного творчества более характерны числа 3 и 7, очевидно, также связанные с христианской традицией.

Так, РПЕ *Семь раз отмерь — один отрежь* в сербском языке представлена эквивалентом *Седам крат одмјери, а једном острижи* (ср. также: *Два пут мјери, трећом крој*), в болгарском языке — аналогом *Девет премери, едно отрежи*. Причем БПЕ имеет вариант, буквально передающий значение ПЕ: *По-напред мери, на тогаз режи (крој)*. В данном случае мы наблюдаем совпадение части картины мира сербского и русского народов.

РПЕ 1) *На Бога надейся, а сам не плошай* и 2) *Новых друзей наживай, а старых не утрачивай (теряй)* аналогичны в плане семантико-прагматического и структурного представления в родственных языках. При сопоставлении славянских параллелей семантически эквивалентны южнославянские пословицы: 1) *Помогни си, да ти помогне и Господ* (БПЕ) — *Помози се сам, па ће ти и Бог помоћи* (СПЕ); 2) *Старо вино, стар приятел, дрџж ги* (БПЕ) — *Старог вина и стара пријатеља држи се* (СПЕ). Вероятно, это объясняется более близким родством языков южной группы и культур народов. Славянские аналоги русских пословиц в этих случаях конкретизируют смысл РПЕ, давая рекомендации к действию, тем самым эксплицируя отрицательный компонент русской пословицы (*не плошай — помози / помози; не утрачивай (теряй) — дрџж ги / држи се*).

Вторая пословица, по сравнению с русским языком, содержит дополнительный семантический компонент в болгарском и сербском языках (*старо вино*), что выявляет культурологическую специфику данных ПЕ. В южнославянских странах издавна культивируется виноделие. В связи с этим логично предположить, что старое (выдержанное, качественное) вино — особая ценность, символ совместного труда и отдыха, объединенного коллектив-

ного начала. Присутствие данного компонента способствует усилению степени экспрессивности ПЕ.

Следует отметить, что РПЕ часто имеют двукомпонентный структурный комплекс с противительными отношениями, тогда как южнославянские параллели предпочитают однокомпонентную структуру или двукомпонентную без противопоставления.

Семантическими аналогами являются пословицы *По одежке протягивай ножки* (РПЕ) — *Простирай се според чергата си* (БПЕ) — *Не пружай се даље од губера* (СПЕ). Однако в прагматическом плане РПЕ и БПЕ более близки, чем при сопоставлении с СПЕ. В сербской пословице используется императив с отрицанием, что придает более категоричный и назидательный характер высказыванию. Если исходить из значения пословицы: «живи по своим средствам, доходам, в соответствии со своими возможностями» [Жуков 1967: 344], то в СПЕ осуществляется более четкий контроль за поведением адресата — «не требуй того, чего не в силах осуществить сам». Такая трактовка выражения смещает ее из зоны совета в зону требования или запрета, поскольку целеустановка направлена не столько на достижение выгоды для адресата, сколько на осуществление контроля.

Кроме речевой ситуации совета, в пословицах наблюдается реализация и других целеустановок — требования, пожелания, предложения, оценки и т.п. Причем интересно, что коммуникативно-прагматический план может не совпадать в славянских параллелях. Ср.: (РПЕ) *Сам кашу заварил — сам и расхлебывай* — (БПЕ) *Каквато си бъркал кашата, така си я яж* — (СПЕ) *Ако си сам замрсио, сам и одмрси*.

В данном случае интересен комментарий культурологического характера. Общеизвестна та роль, которую играет в повседневной жизни и быту любого народа его традиционная кухня как неотъемлемая часть национальной культуры. Из традиционных блюд русской кухни, пожалуй, одним из самых популярных является каша, она присутствует во многих обрядах (так, например, свадебный пир на Руси назывался *каша*), без нее трудно представить себе русский стол.

В свою очередь в быту болгарского народа большое распространение получила *попара* (тюря с брынзой, горячей водой и хлебом, а иногда и маслом), с которой связан ряд устойчивых выражений и поговорок типа: *Каквата попара си надробил, такава ще*

сърбаши; *А аз трябва да му ям попарата* (= «он виноват, а мне отвечать») и др. Добавим, что и в сербском языке это блюдо часто упоминается; ср.: *скувати (некоме) попару* (= «наделать неприятностей кому-либо»); ср. также сербскую фамилию *Попара* [Войводиц 2004: 59].

РПЕ представляет ситуацию требования. Смысловая нагрузка сосредоточена в императиве *расхлебывай*. Просторечное разговорное слово усиливает экспрессию выражения, которая изначально создается параллельным построением частей. Препозитивное использование местоимения *сам* акцентирует внимание на самостоятельной деятельности адресата («сам виноват, сам и выходи из положения»). В БПЕ за счет использования в препозиции иных местоимений (*какой — такой*), акцент переносится с действия на качество, на результат. Буквальный перевод: *какую кашу заварил, такую и ешь*. Значение прескрипции отходит на второй план. В сербской паремии, в которой то же значение выражается иначе, акценты расставлены эквивалентно русскому языку, однако сама ПЕ представляет собой нейтральное высказывание, выражающее один из постулатов нормативного поведения. Буквальный перевод: *если сам запутал, сам и распутай*. Эксплицитно выраженная условность (союз *ако / если*, отсутствующий в РПЕ) очевидно придает высказыванию более обобщенный характер.

РПЕ в форме пожелания *Не родись красивым, а родись счастливым* не соответствует эквивалентным южнославянским ПЕ: *Роди ме, мамо, с кѡмет, че ме хвѣрли на смет* (БПЕ) — *Роди ме, мајко, срећног, па ми баџи на ђубре* (СПЕ). Болгарская и сербская ПЕ оформлены как просьбы, о чем свидетельствует наличие обращения в форме звательного падежа. Однако просьба не мотивирована и, очевидно, заключается в желании адресата испытать судьбу и выйти победителем. Об этом свидетельствует другой вариант БПЕ: *Роди ме, мамо, с кѡмет, аз пак ще стана кмет*. Одинаковое структурное и семантико-прагматическое оформление БПЕ и СПЕ, вероятно, обусловлено общими культурологическими причинами возникновения и функционирования данных паремий.

Как обещание (я-ориентированный речевой акт) можно трактовать ПЕ *Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты* (РПЕ) — *Кажи ми, кои са приятелите ти, да ти кажа какѡв си* (БПЕ) — *Реџи ми с ким идеш, и казаћу ти какав си* (СПЕ). Говорящий берет на себя обязательство охарактеризовать слушающего при опреде-

ленном условии. Славянские ПЕ в данном случае почти эквивалентны, и во всех языках использованный в препозиции императив ориентирует на ситуацию диалога. Однако практика употребления ПЕ показывает, что ответная реакция адресата не обязательна, так как собственно употребление ПЕ уже является косвенной характеристикой (чаще с отрицательной коннотацией) предполагаемого лица. Значительная роль в этом случае отводится интонации.

Обратим внимание, что форма императива в ПЕ не всегда способствует оформлению прескриптивной речевой ситуации. Так, в высказываниях *Дай ему палец, он всю руку откусит* (РПЕ) — *Дай му пръст, да ти сграбчи рѣката* (БПЕ) — *Прст му само пружси, ухватиће те за цијелу шаку* (СПЕ) форма *дай* используется в значении индикатива (= «если ему дашь палец...»). Такое явление наблюдается во всех сопоставляемых языках, и оно очень распространено. ПЕ в данных случаях представляет собой констатацию факта.

Таким образом, семантико-прагматический анализ паремий, в основе которых лежат различные универсальные и культурно-национальные коннотации, возникающие в результате переосмысления имени определенных явлений и реалий мира, позволяет рассматривать функционально-смысловую природу знаков косвенно-производной номинации в контексте деятельности речевого общения. Это подтверждается примером ПЕ, содержащих императивные формы глагола, способствующие оформлению ПЕ как прескриптивной речевой ситуации в разных славянских языках.

ПЕ вообще и пословица, в частности, в языковом сознании представляет вербализованный продукт вторичного отражения картины мира. Это онтологическое свойство обеспечивает им высокий коммуникативно-прагматический потенциал [Добрыднева 2003]. В связи с этим славянские ПЕ обладают способностью сигнализировать о деятельностно-ценностном отношении говорящего к познаваемому миру, о его эмоциональном состоянии и производить необходимый для реализации коммуникативного задания прагматический эффект. В паремиях всех трех славянских народов находят отражение элементы древних верований и представлений, факты истории, детали быта.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

- Изучите статью В.Г. Гака «Сопоставительная прагматика».
- Что понимается под семасиологическим и ономасиологическим планами сопоставительного исследования в области прагматики?
- Каково значение сопоставительного анализа на уровне прагматики?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Войводич Д., Манчев В., Маслова А.* Русские, болгарские и сербские императивные паремии-высказывания и их лексико-семантическое наполнение // Проекты по сопоставительному изучению русского и других языков. VI Международный симпозиум. Доклады (Белград, 1—4 июня 2004 г.). Белград: Славистичко друштво Србије, 2004. С. 54—61.
2. *Гак В.Г.* Сопоставительная прагматика // Филол. науки. 1992. № 3. С. 78—90.
3. Коммуникативное поведение. Вып.19: Коммуникативное поведение славянских народов (русские, сербы, чехи, словаки, поляки) / Под ред. П. Пипера, И.А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2004.
4. *Маслова А.Ю.* К вопросу о коммуникативно-прагматической фразеологии в сопоставительном аспекте // VI Славистические чтения памяти проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова: Материалы международной научной конференции (9—11 сентября 2004 г.) СПб.: Филфак СПбГУ, 2005. С. 111—115.
5. *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Азнаурова Э.С.* Прагматика художественного слова. Ташкент: Фан, 1988.
- Апресян Ю.Д.* Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 3. С. 208—223.
- Апресян Ю.Д.* Хотеть и его синонимы: заметки о словах // Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 434—453.
- Арутюнова Н.Д.* Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 389.
- Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 4. С. 356—367.
- Арутюнов А.Р., Чеботарев П.Г.* Интенции диалогического общения и их стандартные реализации: Справочник. Русский язык за рубежом. 1996. № 5—6.
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 250—296.
- Безменова Н.А., Герасимов В.И.* Некоторые проблемы теории речевых актов // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики: Сб. обзоров. М.: ИНИОН, 1984. С. 146—197.
- Безяева М.Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 752.
- Бельский А.В.* Побудительная речь // Уч. зап. 1. МГПИИЯ. Т. 4. Сб. 6. Экспериментальная фонетика и типология речи. М., 1953. С. 81—148.
- Беляева Е.И.* Модальность в различных типах речевых актов // Филол. науки. 1987. № 3. С. 64—69.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Просвещение, 1974.
- Богданов В.В.* Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.
- Богданов В.В.* Текст и текстовое общение. СПб.: СПбГУ, 1993.
- Богданов В.В.* Иллокутивная функция высказывания и перформативный глагол // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин: Изд-во КГУ, 1983. С. 27—38.
- Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
- Борисова И.Н.* Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург: «Арго», 1996. С. 21—48.

- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Ван Дейк Т.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
- Вежбицкая А.* Речевые акты / Пер. с англ. С.А. Крылова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 251—275.
- Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство / Пер. с англ. А.А. Зализняк // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 238—250.
- Верещагин Е.М., Ратмайр Р., Ройтер Т.* Речевые тактики «призыва к откровенности». Еще одна попытка проникнуть в идиоматику речевого поведения и русско-немецкий контрастивный подход // Вопр. языкознания. 1992. № 6. С. 82—93.
- Войводич Д., Манчев В., Маслова А.* Русские, болгарские и сербские императивные паремии-высказывания и их лексико-семантическое наполнение // Проекты по сопоставительному изучению русского и других языков. VI Международный симпозиум. Доклады (Белград, 1—4 июня 2004 г.). Белград: Славистичко друштво Србије, 2004. С. 54—61.
- Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.
- Восканян Г.Р.* Структура, типы, контексты функционирования комиссивных и эмфатических ассертивных высказываний в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1985.
- Гак В.Г.* Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1973. С. 22—131
- Гак В.Г.* Сопоставительная прагматика // Филол. науки. 1992. № 3. С. 78—90.
- Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
- Гловинская М.Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 158—218.
- Городецкий Б.Ю., Кобозева И.М., Сабурова И.Г.* К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985. С. 64—78.
- Готлиб Н.В.* Семантико-прагматические особенности высказываний, не допускающих экспликацию перформатива: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1989.
- Грайс Г.П.* Логика и речевое общение / Пер. с англ. В.В. Туrowsкого // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 217—237.
- Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003.

- Демьянков В.З.* «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистической литературы // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. Теория речевых актов. С. 223—234.
- Демьянков В.З.* Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 41. 1982. С. 327—337.
- Добрыднева Е.А.* Коммуникативно-прагматическая фразеология // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: Материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. История. Культура. Язык. Ростов н/Д: Ростовский ун-т, 2003. С. 152—154.
- Долинин К.А.* Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1985.
- Дорошенко А.В.* Побудительные речевые акты и их интерпретация в тексте (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
- Дымарский М.Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX—XX веков). СПб.: Изд-во СПбУ, 1999.
- Ермакова О.Н., Земская Е.А.* К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 30—64.
- Ерофеева Е.В.* Прямые и косвенные способы выражения речевого акта угрозы во французском языке // Филол. науки. № 1. 1997. С. 66—74.
- Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Сов. Энциклопедия, 1967.
- Забавников Б.Н.* К проблеме структурирования речевого акта (речевого действия) // Вопросы языкознания. 1984. № 6. С. 119—124.
- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 1999.
- Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во МГУ, 1976.
- Земская Е.А.* Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М.: Наука, 1988. С. 5—44.
- Зернецкий П.В.* Единицы речевой деятельности в диалогическом дискурсе // Языковое общение: Единицы и регулятивы. Калинин: КГУ, 1987. С. 89—95.
- Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Едиториал УРСС, 2001.
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2003.

- Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992.
- Караулов Ю.Н., Петров В.В.* От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Т.А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
- Карнеги Д.* Как перестать беспокоиться и начать жить; Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. М.: Прогресс, 1989.
- Кашкин В.Б.* Введение в теорию коммуникации: Учеб. пособие. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000.
- Кибрик А.Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Изд-во МГУ, 1992.
- Киселева Л.А.* Вопросы теории речевого воздействия. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978.
- Клаус Г.* Сила слова. М.: Прогресс, 1967.
- Клюев Е.В.* Речевая коммуникация: Учеб. пособие. М.: ПРИОР, 1998.
- Клюканов И.Э.* Единицы речевой деятельности и единицы языкового общения // Языковое общение: процессы и единицы. Калинин: Изд-во КГУ, 1988. С. 41—47.
- Клюканов И.Э.* Перформативное прочтение некоторых неперформативных глаголов // Языковое общение: Единицы и регулятивы. Калинин: Изд-во КГУ, 1987. С. 85—89.
- Кобозева И.М.* «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 7—21.
- Кобозева И.М.* Лингво-прагматические аспекты анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 2003. <http://evartist.narod.ru>.
- Кобозева И.М., Лауфер Н.И.* Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 63—71.
- Колшанский Г.В.* Прагматика языка // Лингвистика и методика в высшей школе: Сб. науч. трудов. М.: Просвещение, 1980. С. 3—8.
- Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990.
- Коммуникативное поведение. Вып. 19: Коммуникативное поведение славянских народов (русские, сербы, чехи, словаки, поляки) / Под ред. П. Пипер, И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2004.
- Конрад Р.* Вопросительные предложения как косвенные речевые акты / Пер. с нем. В.А. Плунгяна // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 349—383.

- Коул П.* Референтная непрозрачность, атрибутивность и перформативная гипотеза / Пер. с англ. Т.В. Радзиевской // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика: проблемы референции. М.: Прогресс, 1982. С. 391—405.
- Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М.: Диалог-МГУ, 1998.
- Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М.: Наука, 1996. С. 384—407.
- Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. // Язык и наука конца 20 в. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 144—238.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. М.: Фил. фак. МГУ, 1996.
- Кучинский Г.М.* Психологический анализ содержания диалога при совместном решении мыслительной задачи // Психологические исследования общения. М.: Наука, 1985. С. 252—264.
- Лейчик В.М.* Некоторые наблюдения над лексикой паремий // Владимир Даль и современная филология: Материалы междунар. науч. конф. Т. 1. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2001. С. 358—363.
- Леонтьев А.А.* Психологический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 46—73.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
- Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
- Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2004.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001.
- Матвеева Г.Г.* Актуализация прагматического аспекта научного текста. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1984.
- Матвеева Г.Г.* К вопросу о скрытом воздействии отправителя научного текста на его получателя // Сб. Грамматико-стилистические особенности языковых единиц в тексте (на материале романских и германских языков). Саратов: Изд-во Саратовского пед. института им. К.А. Федина, 1990. С. 3—12.
- Матвеева Г.Г.* Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: Дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1993.

- Матвеева Г.Г.* Стратегические планы прагматического содержания текста // Межвузов. сб. науч. трудов. М.: Изд-во Московского обществ. пед. института им. Н.К. Крупской, 1986. С. 95—102.
- Менджеричская Е.О.* Термин «дискурс» в современной зарубежной лингвистике // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М.: Филология, 1997.
- Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Михальская А.К.* Основы риторики. 10—11 кл.: Учебник для общеобразоват. учреждений. 3-е изд., стер. М.: Дрофа, 2002.
- Муравьева Н.В.* Язык конфликта. М.: Изд-во МЭИ, 2002.
- Налимов В.В.* Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М.: Наука, 1979.
- Николова А.* Речевые тактики и языковые маркеры несогласия и конфликтности при побуждении к действию // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков: Сб. статей. Шумен: Шуменский ун-т, 2002.
- Общение. Текст. Высказывание / Отв. ред. Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова. М.: Наука, 1989.
- Остин Дж.Л.* Слово как действие / Пер. с англ. А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22—130.
- Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Едиториал УРСС, 2001.
- Романов А.А.* Прагматические особенности перформативных высказываний // Прагматика и семантика синтаксических единиц. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1984. С. 86—92.
- Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения (Пособие по теорет. курсам). М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988.
- Рябинская Н.С.* Речь как социальное действие: основные понятия дискурсивного анализа // Социологический журнал. № 4. 2002.
- Савельева Е.П.* Номинации речевых интенций в русском языке и их семантико-прагматическое истолкование. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1991.
- Серль Дж. Р., Вандервекен Д.* Основные понятия исчисления речевых актов / Пер. с англ. А.Л. Блинова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс, 1986. С. 242—264.

- Серль Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов / Пер. с англ. В.З. Демьянкова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170—194.
- Серль Дж.Р.* Косвенные речевые акты / Пер. с англ. Н.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986а. С. 195—222.
- Серль Дж.Р.* Что такое речевой акт? / Пер. с англ. И.М. Кобозевой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 151—169.
- Серль Дж.Р.* Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987. С. 96—126.
- Соколов А.В.* Введение в теорию социальной коммуникации. СПб.: СПбГУ, 1996.
- Степанов Ю.С.* В поисках прагматики (проблема субъекта) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 40. 1981. № 4. С. 325—332.
- Стернин И.А.* Введение в речевое воздействие. Воронеж: Кварта, 2001.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003.
- Сусов И.П.* Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы // Прагматика и семантика синтаксических единиц. Калинин: Изд-во Калининск. гос. ун-та, 1984. С. 3—12.
- Сусов И.П.* Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения: Межвузовский сб. науч. тр. Калининского гос. ун-та. Калинин: Высшая школа, 1989. С. 3—16.
- Сусов И.П.* Прагматическая структура высказывания // Языковое общение и его единицы: Сб. науч. трудов. Калинин: Изд-во Калининск. гос. ун-та, 1986. С. 7—11.
- Сусов И.П.* Семантика и прагматика предложения. Калинин: Изд-во Калининск. гос. ун-та, 1980.
- Сусов И.П.* Функциональный подход в языкознании и прагмалингвистика // Функционально-типологические проблемы грамматики. Ч. 2. Вологда: Вологодский ГПИ; ЛО ИЯ АН, 1986. С. 132—133.
- Сусов И.П.* К предмету прагмалингвистики // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин: Изд-во Калининского гос. ун-та, 1983. С. 3—15.
- Сухих С.А.* Речевые интеракции и стратегии // Языковое общение и его единицы. Калинин: Изд-во Калининского гос. ун-та, 1986. С. 71—77.
- Тарасова И.П.* Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез. Пособие по самообразованию: Для изучающих англ. яз. М.: Высшая школа, 1992.

- Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Третьякова В.С.* Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. С. 127—140.
- Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1982.
- Формановская Н.И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1998.
- Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002.
- Франк Д.* Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике / Пер. с англ. А.А. Кибрика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 363—373.
- Хоружева О.В., Щербин В.К.* Лингвометодические предпосылки формирования функционально-грамматического направления // Вопросы функциональной грамматики: Сб. науч. трудов. Вып. 3. Гродно: Грод. ГУ, 2000. С. 164—171.
- Шилихина К.М.* Коммуникативное давление в русском общении // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. Язык и социальная среда. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 103—108.
- Широкова А.Г.* Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 10—100.
- Бйм Х.Я.* Прагматика речевого общения // Теория и модели знаний: Труды по искусственному интеллекту: Уч. зап. Тарт. ун-та. Вып. 714. Тарту, 1985. С. 196—207.
- Яacobson P.O.* Речевая коммуникация. Язык в отношении к другим системам коммуникации: Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 306—330.
- Янко Т.Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Зарубежные персоналии

Клод Элвуд Шеннон (1916—2001) учился в Мичигане, защитил диссертацию в Massachusetts Institute of Technology (MIT) по применению булевой алгебры для оптимизации работы реле, с 1956 г. преподавал в MIT, работал как математик-исследователь в телефонной компании Белла с 1941 по 1972 г. В 1948 г. вышла в свет его *Математическая Теория Связи* (*A Mathematical Theory of Communication*), что ознаменовало создание общей теории передачи и обработки информации. Он предложил линейную схематическую модель системы коммуникации и дал метод анализа ошибок в сигнале. В 1966 г. награжден Национальной медалью науки.

Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835) — классик языкознания и философской антропологии, считается основателем общей теории языка. Проводил исследования разнообразных языков в Индонезии и Полинезии, Северной и Южной Америке. Его интересы включали также историю, политику, педагогику, эстетику. Человек и народ, язык и понимание, языковое мировидение и дух народа, согласованность и свобода, система и процесс — основные проблемы работ Гумбольдта.

Фердинанд де Соссюр (1857—1913) — выдающийся швейцарский языковед, основатель метода структурализма в лингвистике, который был впоследствии заимствован многими гуманитарными науками. Его идеи получали иногда прямо противоположную интерпретацию у разных авторов и научных школ. Это связано и с тем, что основополагающий труд Соссюра, *Cours de linguistique generale*, был опубликован не им самим, а его учениками по конспектам лекций, уже после смерти ученого. С одной стороны, его последователи представляли парадигму «чистого структурализма», девизом которого было изучение «языка в самом себе и для себя», с другой — это был социологический метод, не исключавший экстралингвистических факторов.

Чарльз Сэндерс Пирс (1839—1914) — американский ученый, логик и философ. Сын Бенджамина Пирса, профессора астрономии и математики в Гарварде. К тридцати годам он издал множество статей по физике и химии, филологии, философии истории и религии, и истории философии. Создатель общей теории знаков, семиотики, которую рассматривал как логику в широком смысле. Он считается основателем философии прагматизма: ни один объект не обладает ценностью сам по себе, его значимость вытекает из практического использования. В своем основном незаконченном труде, *A System of Logic, Considered as Semiotic*, Пирс различал два типа действий: механические, или динамические и знаковые, или семиозис. Основным его интересом была логика науки: каким образом формируются и проверяются гипотезы для объяснения удивительных фактов? Научный метод, по Пирсу, — один из способов зафиксировать то, во что мы верим, привычку к определенному действию. Три основные категории, с помощью которых мы понимаем окружающий мир — качество, отношение, представление прослеживаются и в предложенном им разделении модальностей на возможность, действительность и необходимость, а также знаков на иконические, индексальные и символические.

Чальз Моррис (1901—1979) — американский философ, сочетающий идеи прагматизма с некоторыми положениями логического эмпиризма. В своих главных работах пытается рассмотреть социальное и биологическое поведение человека. Развивая идеи Пирса, впервые четко сформулировал основные понятия и принципы новой научной дисциплины — семиотики.

Людвиг Йозеф Витгенштейн (1889—1951) — австрийский философ, один из наиболее влиятельных мыслителей XX в. Витгенштейн родился в Вене в 1889 г. После нескольких лет учебы в Берлине стажировался в Манчестерском университете (1908), занимаясь конструированием и разработкой технических устройств. В 1911 г. Витгенштейн начал интенсивно работать над проблемами логики в Кембриджском университете вместе с Бертраном Расселом. Один из первых полученных им результатов — обнаружение тавтологичес-

кого характера логических истин. В 1914 г., с началом Первой мировой войны, Витгенштейн записался добровольцем в австрийскую армию. На фронте он продолжал обдумывать логические и философские проблемы; в 1918 г. была закончена работа над книгой, опубликованной под названием *Логико-философский трактат* (*Logisch-Philosophische Abhandlung*, 1921; *Tractatus Logico-Philosophicus*, 1922).

Трактат во всем мире считается оригинальным и значительным трудом. Согласно одной из главных идей этой работы, мировая субстанция состоит из «простых объектов», которые, вступая в различные сочетания друг с другом, образуют факты.

Важной является также идея «языка как игры» (или «языковой игры»), некоего строя человеческой деятельности, практики, в которой слова играют ту или иную роль. Так, «мышлением» называют самые разные деятельности и формы, которые оно принимает. Поэтому мы должны отказаться от предпосылки, что слово «мышление» обозначает одну и ту же вещь в различных отличающихся друг от друга контекстах. То же верно и в отношении других психологических понятий: «следования правилу», «ожидания», «восприятия», «подразумевания», «вспоминания».

После войны Витгенштейн в течение десяти лет не занимался философией. Несколько лет он преподавал в провинциальной школе в Нижней Австрии, затем работал помощником садовника в монастыре. В 1929 г. он неожиданно возвратился в Кембридж и вновь приступил к философским изысканиям. В 1939 г. Витгенштейн получил кафедру философии в Кембриджском университете, которую оставил в 1947 г. Он продолжал исследования до самой смерти, наступившей в Кембридже 29 апреля 1951 г.

Джон Остин (1911—1960) относится к числу классических авторов аналитической философии в той ее разновидности, которая ориентируется на обыденный язык. Он известен как один из изобретателей иллокутивной логики, рассматривающей высказывания с точки зрения их направленности на какой-либо объект / отношение / ситуацию, и как автор *теории речевых актов*. Остин придерживается политики «просвещения» традиционных проблем в русле нового взгляда на

«обыденный язык», которым, по предположению, пользуются и философы, а также работает с логической проблематикой (ему принадлежит первый полный перевод работы Г. Фреге «Основания арифметики» на английский язык (G. Frege, *The foundations of arithmetic*, first ed. 1950).

«Как производить действия при помощи слов» (*How to Do Things With Words*, пер. В.П. Руднева) является курсом лекций Остина, формулирующим те технические приемы, которыми он пользуется в своих исследованиях. Остину принадлежит формулировка теории речевых актов, в которой он вводит понятие перформатива и отделяет его от дескриптивного высказывания — констатива. Введение перформатива позволяет Остину определить область действия правил логической семантики «утверждений» и очертить таким образом сферу употребления терминов обыденного языка, определяемое их успешностью в практической ситуации (так называемая теория Неудач — “Unfelicities”). Кратко суть теории Неудач состоит в обязательном соблюдении условий, связанных с процедурой выполнения перформативного акта. Зависимость же неуспешности речевого акта от условий его выполнения определяется иерархией неудач, подробно разработанной Остином.

Джон Роджерс Серль (р. 1932) — американский философ. Родился в 1932 г. в Денвере (шт. Колорадо) в семье менеджера компании AT&T. В годы Второй мировой войны семья жила в различных городах Восточного побережья, где Серль сменил несколько средних школ, в том числе экспериментальную школу при Колумбийском университете. В 1949—1952 гг. учился в Висконсинском университете, затем, после получения Родсовской степендии, — в Крайст-Черч-колледже Оксфордского университета у Дж. Остина. После получения магистерской степени (1955) преподавал философию и работал над диссертацией; докторскую степень получил в Оксфорде в 1959 г. С 1959 г. по настоящее время — в Калифорнийском университете (Беркли), профессор с 1967 г.; в 1973—1975 гг. возглавлял отделение философии. В качестве приглашенного профессора читал лекции в университетах многих стран мира. Член Американской академии гумани-

тарных и точных наук с 1976 г.; почетный доктор ряда университетов.

Серля широко цитируют в трудах по лингвистике, искусственному интеллекту и когнитивной науке. В 1960—1970-х гг. Серль занимался главным образом развитием предложенной Дж. Остином теории речевых актов. В статье *Что такое речевой акт?* (*What is a Speech Act?*, 1965, рус. пер. 1986) им было уточнено определение речевого акта, в статье *Классификация речевых актов* (*A Taxonomy of Illocutionary Acts*, 1975, рус. пер. 1986) пересмотрена и предложена новая таксономия, ставшая общепринятой; в статье *Косвенные речевые акты* (*Indirect Speech Acts*, 1975, рус. пер. 1986) Серль ввел важное понятие косвенного речевого акта. В центре первой работы Серля *Речевые акты* (*Speech Acts*, 1969) — различие между «иллокутивным» и «пропозициональным» содержанием речевых актов. Если пропозициональное содержание некоторого утверждения (например, утверждения «идет дождь») состоит в суждении, что идет дождь, то его иллокутивное содержание заключается в (неявном) обязательстве говорящего представлять вещи такими, каковы они есть. Если пропозициональное содержание приказа состоит в характере действия, которое некто должен выполнить, то его иллокутивное содержание заключается в попытке побудить к этому действию.

Начиная с 1980-х гг. интересы Серля сместились в область философии сознания и мышления, он стал, наряду с Д. Деннетом (р. 1942) и Х. Патнэмом (р. 1926), ведущим специалистом по философским аспектам искусственного интеллекта. Начало этому этапу положила быстро ставшая хрестоматийной статья *Minds, Brains, and Programs* (*Разум, мозг и программы*, 1980), в которой Серль обратился к критике теоретических притязаний искусственного интеллекта как исследовательского направления.

Учебное издание

Маслова Алина Юрьевна

ВВЕДЕНИЕ В ПРАГМАЛИНГВИСТИКУ

Учебное пособие

Подписано в печать 08.09.2014

Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Булterова,
д. 17-Б, комн. 324.

Тел./факс: (495) 334-82-65; тел. (495) 336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru.